

РСМД
**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

**center for
strategic
research**

Republic of Turkey
Ministry of Foreign Affairs

ДОКЛАД

УГЛУБЛЕНИЕ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

№ 41 / 2018

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

**ЦЕНТР СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (SAM)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

МОСКВА 2018

УДК 327(470+571:560)
ББК 66.4(2Рос),9(5Туц),3
У25

**Российский совет по международным делам
Центр стратегических исследований (SAM) Министерства иностранных дел
Турецкой республики**

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов**

Авторский коллектив:

С российской стороны: канд. ист. наук **А.В. Картунов; И.С. Касимова;**
канд. экон. наук **Н.Р. Масумова; Р.Ш. Мамедов; Г.В. Лукьянов;** канд. ист. наук **П.В. Шлыков;**
канд. экон. наук **Е.В. Пак**

С турецкой стороны: **Э. Эршен, Т. Дилмач, С. Кёстем, М. Челикпала, А. Атлы**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **Т.А. Махмутов; Р.Ш. Мамедов; О.А. Пылова**

Углубление российско-турецких отношений: Доклад 41/2018 / [А.В. Картунов и др.; Э. Эршен и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2018. – 132 с. – Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978-5-6040388-8-8

Данный доклад – результат совместной работы РСМД и Центра стратегических исследований МИД Турции. Вошедшие в доклад материалы первоначально были опубликованы на английском языке в специальном номере журнала Perceptions: Journal of International Affairs (Турция). В работе представлены взгляды российских и турецких экспертов-международников на динамику отношений России и Турции в ключевых областях сотрудничества. Проанализированы двусторонние экономические связи, стратегические вызовы на Ближнем Востоке, региональные вопросы, касающиеся Черного моря и Кавказа, развитие транспортных коридоров в Евразии.

**УДК 327(470+571:560)
ББК 66.4(2Рос),9(5Туц),3**

Источники фото на обложке:

слева внизу - Sputnik/Vladimir Astapkovich/Kremlin via REUTERS/Pixstream

справа внизу - ПАО «Газпром»

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст доклада опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке – russiancouncil.ru/report41

Содержание

Предисловие. Углубление российско-турецких отношений	4
Раздел 1. ДИПЛОМАТИЯ	7
Россия и Турция: от общей истории — к современному сотрудничеству	8
Андрей Карлов — посол мира и доброй воли	10
Раздел 2. ЭКОНОМИКА	13
Политическая экономия российско-турецких отношений: динамика развития ассиметричной взаимозависимости	14
Россия и Турция: перезагрузка экономического партнерства	32
Раздел 3. БЕЗОПАСНОСТЬ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В ЧЕРНОМ МОРЕ	47
Россия и Турция: подходы к региональной безопасности на Ближнем Востоке	48
Положение Турции на Черном море: против России или вместе с ней?	63
Российско-турецкие отношения в Большом Причерноморье: сотрудничество и конкуренция	79
Раздел 4. О ЕВРАЗИЙСКОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЕ	99
Турция как евразийский транспортный узел: перспективы межрегионального партнерства	100
Турция и ЕАЭС в контексте региональных транспортных систем: соперники или партнеры?	113
Об авторах	128
О РСМД	129
О САМ	130

Предисловие. Углубление российско-турецких отношений

Андрей
КОРТУНОВ
Эмре
ЭРШЕН

16 декабря 2016 г. Центр стратегических исследований (SAM) и Российский совет по международным делам (РСМД) совместно организовали в Анкаре однодневную конференцию под названием «Углубление российско-турецких отношений». Ведущие эксперты из России и Турции обсудили политические, экономические и социальные аспекты взаимоотношений двух стран. Со вступительной речью на конференции выступил Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Турецкой Республике Андрей Геннадьевич Карлов. В своем выступлении он осветил долгую дипломатическую историю и потенциальные области сотрудничества между Россией и Турцией.

Всего через несколько дней после этого мероприятия посол А. Карлов погиб во время ужасающего акта насилия в Анкаре, что стало болезненным потрясением как для турецкого, так и для российского обществ. В тот момент высказывались опасения, что это убийство приведет к новому кризису российско-турецких отношений. Тем не менее трагедия, напротив, способствовала сближению двух стран. Правоохранительные органы России и Турции совместно работали над расследованием этого чудовищного нападения, а политические и экономические отношения между Анкарой и Москвой за период 2017–2018 гг. заметно улучшились.

Уже через день после убийства Андрея Карлова министры иностранных дел России, Турции и Ирана собрались в Москве, чтобы подтвердить свое намерение начать новый мирный процесс для урегулирования сирийского кризиса. Этот трехсторонний стратегический диалог до настоящего момента остается наиболее эффективным инструментом решения сложных проблем, порожденных хаосом в Сирии. Фактически успех обеих трансграничных военных операций Турции в Сирии – «Щит Евфрата» и «Оливковая ветвь» – стал результатом диалога между Анкарой, Москвой и Тегераном.

Помимо стратегического партнерства в Сирии, Россия и Турция сформировали связи в сфере экономического сотрудничества. Реализация двух грандиозных энергетических проектов – атомной электростанции «Аккую» и газопровода «Турецкий поток» – является явным признаком углубления экономических отношений между двумя странами. Объем двусторонней торговли и количество посещающих Турцию российских туристов также продолжают уверенно расти.

Совсем недавно Турция приняла решение о закупке российских систем противоракетной обороны С-400. После завершения сделки Турция станет первым государством – членом НАТО, разместившим на своей территории эту современную российскую систему вооружения. Несмотря на то, что ряд

вопросов в отношениях между двумя странами остается нерешенным, ожидается, что в ближайшем будущем стратегическое восстановление связей между Анкарой и Москвой будет продолжено.

Основной целью этой публикации, посвященной памяти посла А. Карлова, является анализ различных аспектов текущего непрерывного процесса сближения между Россией и Турцией. С учетом того, что основная дилемма российско-турецких отношений на протяжении последней четверти века заключается в достижении подлинного стратегического партнерства при наличии значительных региональных разногласий, важно обсудить предстоящие перспективы и возможные трудности в этих отношениях.

С этой целью в статьях, вошедших в настоящий выпуск, рассматривается динамика сотрудничества и конкуренции в четырех важнейших сферах российско-турецких отношений: 1) двусторонние экономические связи; 2) стратегические вызовы на Ближнем Востоке; 3) региональные вопросы, касающиеся Черного моря и Кавказа, и 4) развитие транспортных коридоров в Евразии.

В своих статьях Сефкин Кёстем и Нигяр Масумова подробно изучают экономические взаимосвязи России и Турции. С. Кёстем выступает с утверждением, что в настоящее время взаимозависимость стран асимметрична и предоставляет России преимущества над Турцией; для анализа эволюции российско-турецких экономических взаимосвязей на протяжении последнего десятилетия он использует данные о прямых иностранных инвестициях. С другой стороны, Н. Масумова уделяет внимание различным направлениям экономического сотрудничества между двумя странами, таким как торговля, туризм, строительство и энергетика, и приходит к выводу о том, что Россия и Турция являются естественными партнерами и должны продолжать развивать экономическое сотрудничество, невзирая на трудности.

Что касается ближневосточного вопроса, Руслан Мамедов и Григорий Лукьянов подробно освещают четыре основные темы, определяющие российско-турецкие отношения в регионе: 1) внутренний и международный терроризм; 2) ядерное оружие и атомную энергетику; 3) сирийский кризис, и 4) архитектуру региональной безопасности. Авторы анализируют, каким образом эти проблемы влияют на эволюцию стратегических российско-турецких отношений в регионе.

Митат Челикпала и Эмре Эршен в своей статье делают попытку понять процесс формирования новой обстановки в области безопасности на Черном море, а также оценить ее влияние на будущее регионального диалога между Россией и Турцией. Авторы уделяют особое внимание радикальному изменению стратегического равновесия в регионе после начала конфликтов России с Грузией и Украиной. Павел Шлыков также выделяет общие закономерности сотрудничества и соперничества между Москвой и Анкарой в Черноморском регионе, включая Кавказ, анализируя при этом, каким образом противоборствующие геополитические интересы двух стран могут превратиться в основу прочного сотрудничества в этом регионе.

Статьи Алтая Атли и Егора Пака посвящены эффекту развития региональных транспортных систем в Евразии. А. Атли считает, что Турция располагает всеми возможностями, чтобы стать евразийским транспортным узлом, соединяющим Европу с Азией, и отстаивает необходимость более тесного сотрудничества с Россией с целью укрепления позиции Турции в сети евразийских маршрутов. Е. Пак уделяет особое внимание Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) и уверен, что при обсуждении этого вопроса с Турцией Россия должна учитывать интересы других членов ЕАЭС, таких как Казахстан. Оба автора подчеркивают растущую важность других транспортных инициатив в регионе — транспортного коридора «Европа — Кавказ — Азия» и инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП).

В заключение мы, как приглашенные редакторы, хотели бы выразить надежду на то, что эта публикация станет ценным дополнением к богатому перечню научной литературы, посвященной российско-турецким отношениям, и создаст новое поле для обсуждения многопланового характера непрерывного процесса стратегического сближения между двумя странами. Мы также хотели бы воспользоваться возможностью напомнить о ценном личном вкладе посла А. Карлова в развитие российско-турецких отношений и выразить соболезнования его семье.

Раздел 1

ДИПЛОМАТИЯ

Россия и Турция: от общей истории – к сегодняшнему сотрудничеству

Турхан
ДИЛЬМАЧ

Россию и Турцию объединяют общее прошлое и соседи. Как это бывает с приграничными государствами, в российско-турецких отношениях довольно долго сменяли друг друга периоды соперничества и сотрудничества. По окончании холодной войны в совместной деятельности появились новые возможности и перспективы. В частности, интенсивные российско-турецкие контакты на протяжении последних 15 лет создали возможность для сегодняшнего открытого диалога и взаимодействия по многим направлениям как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях.

Переломным моментом стало создание в 2010 г. Совета сотрудничества высшего уровня. Совет и такие входящие в его состав механизмы, как Совместная группа стратегического планирования, Совместный экономический комитет и Форум общественности, заложили необходимый фундамент для дальнейшего развития отношений. Твердая политическая воля на высшем уровне и новый структурированный характер сотрудничества принесли свои плоды.

- В 2017 г. Россия стала третьим крупнейшим торговым партнером Турции с объемом торговли, равным 22,2 млрд долл., и большим потенциалом для роста и развития.
- На протяжении долгого времени Россия остается важнейшим зарубежным рынком для строительной отрасли Турции.
- Взаимные инвестиции оцениваются в 10 млрд долл. с каждой стороны без учета проекта атомной электростанции «Аккую».
- Россия и Турция являются важнейшими партнерами в сфере туризма. В прошлом году Турция установила новый рекорд, приняв 4,7 млн российских туристов.

Еще одно важное направление двусторонних отношений – энергетический сектор. Получая из России больше половины потребляемого в стране природного газа и 10% потребляемой нефти, Турция является вторым по объему импорта потребителем российского голубого топлива. В рамках проектов строительства атомной электростанции «Аккую» и газопровода «Турецкий поток» Россия и Турция диверсифицируют стратегическое сотрудничество в области энергетики.

Помимо этого, Россию и Турцию объединяют хорошо развитые культурные и личные связи. Это не удивительно, учитывая, что Россия – родина более чем для 10 млн граждан тюркского происхождения и свыше 20 млн мусульман. Миллионы россиян каждый год посещают Турцию. Более того, прочность отношений между государствами подтверждают тысячи российско-турецких браков. Россия и Турция объявили 2019 г. перекрестным го-

дом культуры и туризма, создав тем самым значительные возможности для укрепления социальных и культурных связей.

Местоположение в центре Евразийского континента возлагает на Россию и Турцию обязанности по поддержанию мира и стабильности в их общем регионе. К тому же бурное развитие событий в регионе, о котором многие говорят, вынуждает страны тщательно координировать усилия. Не секрет, что позиции России и Турции по ряду вопросов не совпадают. По этой причине возрастает важность регионального и международного сотрудничества между странами, основанного на непрерывном диалоге, открытости и искренности.

Вне фокуса внимания остается множество личностей, играющих незаменимую роль в поддержке российско-турецких отношений. Одним из них был покойный посол Российской Федерации Андрей Геннадьевич Карлов, служба которого в Турции пришлась на сложный период. Он погиб 19 декабря 2016 г. в результате гнусного нападения, которое было сознательной провокацией, нацеленной на подрыв российско-турецкой дружбы.

В период работы советником в посольстве Турции в Москве я лично видел, сколько усилий Андрей Карлов, занимавший тогда пост Директора консульского департамента российского Министерства иностранных дел, прилагал для заключения соглашения об упрощении визового режима. Кроме того, мы иногда встречались во время официальных визитов. В качестве генерального консула Турции в Казани я сопровождал президента Республики Татарстан Рустама Минниханова во время его визита в Анкару. После его встречи с министром иностранных дел Турции Мевлютом Чавушоглу я не успел присоединиться к его кортежу и остался стоять на дороге, надеясь, что кто-нибудь сможет подвезти меня на следующее мероприятие визита. В этот момент мимо проезжал посол А. Карлов и любезно пригласил меня в свой автомобиль. Во время беседы с ним я вновь осознал, насколько глубоко он предан своей работе по укреплению российско-турецких отношений. Мы всегда будем помнить его и сделаем все, чтобы эта горькая потеря превратилась в напоминание о вечной дружбе и сотрудничестве между нашими странами.

В конечном итоге широкий спектр российско-турецкого взаимодействия продолжает увеличиваться на основе взаимопонимания, уважения и взаимозависимости. Обе стороны понимают смысл русской пословицы «Близкий сосед лучше дальнего родственника». Россия и Турция есть и будут ценными друг для друга соседями и партнерами, а российско-турецкие отношения продолжают развиваться на этой основе и в будущем.

Андрей Карлов – посол мира и доброй воли

Ирина
КАСИМОВА

От имени посольства Российской Федерации выражаем благодарность редакции журнала *Perceptions: Journal of International Affairs* за возможность еще раз рассказать о российском после Андрее Геннадьевиче Карлове, который безвременно ушел из жизни, став жертвой жестокого убийства в Анкаре холодным зимним вечером 19 декабря 2016 г.

Об этом злополучном дне написано и сказано уже немало, но мы хотели бы уделить внимание жизни и работе Андрея Карлова в качестве посла в Турции.

Многие из нас – дипломатов, работающих в Турции, – были удивлены, узнав о назначении Андрея Геннадьевича послом РФ в Республике Турция, поскольку его предыдущие назначения были связаны со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Тем не менее его высокий профессионализм, широкий взгляд на ситуацию, умение оценивать события со стороны, а также политическая мудрость и выдержка, приобретенные за время работы в Корейской Народно-Демократической Республике, сыграли положительную роль в период кризиса отношений между Россией и Турцией.

Наши дипломаты до сих пор помнят, как тщательно он выбирал слова, публично выступая перед турецкими слушателями в то сложное время, с какой мудростью старался удержать собеседников от обострения риторики, предвидя, что рано или поздно нашим странам придется восстанавливать дружеские отношения, и понимая, что накопленный негативный опыт, несомненно, даст о себе знать и повредит будущей работе.

Инициативы, выдвигавшиеся Карловым, в силу его широкого подхода отличались новизной и дальновидностью. Например, он рекомендовал представителям деловых кругов Турции не ограничивать сферу инвестиций в Россию традиционными регионами – Москвой, Санкт-Петербургом и Казанью, и призывал предпринимателей уделять внимание другим регионам, включая российский Дальний Восток.

В качестве посла Андрей Геннадьевич последовательно и смело отстаивал интересы России. Он часто объяснял своим турецким партнерам, что политика не должна препятствовать развитию торговли и экономического сотрудничества между Турцией и Крымом, общению крымско-татарской диаспоры Турции с представителями этого народа на полуострове, налаживанию гуманитарных и культурных связей.

10 лет назад Андрей Карлов лично принимал участие в решении визовой проблемы. Занимая пост генерального директора консульского департамента МИД, он обладал всесторонними знаниями по этому вопросу и внес значительный вклад в процесс упрощения получения виз турецкими гражданами.

Стремление Андрея Геннадьевича укрепить дружбу между двумя народами лежало в основе активной поддержки, которую он оказывал деятельности по увековечению памяти павших. В период его пребывания на посту посла правительства наших стран подписали соглашение об идентификации и регистрации воинских захоронений, расположенных на территории Турции, обеспечении их благоустройства и содержания. А. Г. Карлов приложил значительные усилия к созданию совместной комиссии, которая должна была координировать выполнение этого соглашения. Посольство России активизировало деятельность по поиску архивных документов и свидетелей, способных пролить свет на местонахождение возможных захоронений российских солдат в Турции. Посол считал важной задачей воздаяние последних почестей российским солдатам в Турции и турецким солдатам в России. Он был уверен, что этот символический шаг позволит примирить наши народы и перевернуть конфликтную страницу нашей истории ради будущего благополучия.

Подчеркивая важность тесного культурного сотрудничества между нашими странами, Андрей Карлов оказывал значительную поддержку культурным проектам. За время его пребывания на посту посла в Анкаре появилась еще одна связанная с Россией точка притяжения – расположенная в центре старинного района Алтындаг Санкт-Петербургская площадь, где в 1920-е гг. работали первые послы, направленные в Турцию молодым советским государством. Выступая с речью на церемонии открытия, Андрей Геннадьевич выразил надежду на то, что осуществление этого проекта придаст новый импульс развитию культурных и гуманитарных связей между нашими странами.

К сожалению, отныне день 19 декабря стал траурной датой для всех сотрудников российских дипломатических и консульских миссий в Турции, работников российских миссий по всему миру и российского народа. Тем не менее дело, которому Андрей Карлов оставался верен на протяжении всей жизни, – быть послом мира и доброй воли, человеком, посвятившим жизнь добрым делам и милосердию, – останется жить в деятельности Международного благотворительного фонда имени А. Г. Карлова, основанного российскими и турецкими дипломатами, известными людьми и представителями деловых кругов, во главе которого встала вдова Андрея Геннадьевича – Марина. Деятельность фонда будет посвящена поддержке двустороннего культурного и гуманитарного сотрудничества, а также содействию реабилитации больных детей.

Раздел 2

ЭКОНОМИКА

Политическая экономия российско-турецких отношений: динамика развития ассиметричной взаимозависимости¹

Сечкин
КЁСТЕМ

Введение

Экономическое сотрудничество стало отличительной чертой российско-турецких отношений в период после завершения холодной войны. В свете конфликтов и взаимного недоверия, характерных для отношений двух стран во время холодной войны и в предшествующие ей годы, нельзя не отметить, что последующие расширение двусторонней торговли, рост инвестиций и укрепление гуманитарных связей в значительной степени способствовали не только развитию двусторонних отношений, но и преобразованию региона, в состав которого входят оба государства. В последнее время появляется всё больше публикаций, посвященных различным аспектам российско-турецких отношений, однако почти никто не занимается анализом развития двустороннего экономического сотрудничества с точки зрения политической экономии².

В настоящей статье, посвященной развитию экономических отношений России и Турции, приводятся следующие три аргумента. Во-первых, для этих отношений характерна так называемая асимметричная взаимозависимость³, при которой у России имеется ряд преимуществ перед Турцией. Недавний российско-турецкий кризис (с ноября 2015 г. по июнь 2016 г.) показал, что последнее слово в экономических отношениях двух стран остается за Россией, и на это есть целый ряд причин, главная из которых заключается в структурных различиях между российской и турецкой экономиками. Если Турция закупает у России преимущественно природные ресурсы, то в структуре российского импорта из Турции преобладают такие товары, как техника и оборудование, текстильные изделия и пищевая продукция. Как будет показано далее, такая система импорта-экспорта дает России структурное преимущество, которое она может использовать в качестве рычага давления в периоды политических кризисов или при возникновении разно-

¹ Автор благодарит докторанта Алды М. и аспиранта Университета Билькента Шена О.Ф. за помощь в проведении исследований.

² Примеры недавних исключений: Öniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a Shifting Global Order: Cooperation, Conflict and Asymmetric Interdependence in a Turbulent Region // Third World Quarterly. 2016, No. 1, pp. 71–95. Demiryol T. Interdependence, Balancing and Conflict in Russian-Turkish Relations // Klieman A. (ed.). Great Powers and Geopolitics: International Affairs in a Rebalancing World. New York, Springer, 2015, pp. 65–86. Çelikpala M. 'Russia Will Cut Gas?': Recent developments in Turkey-Russia energy relations (turk. 'Rusya Gazı Keser Mi?': Son Gelişmeler Işı İnda Türkiye-Rusya Enerji İlişkilerine Bakış) // Özcan G., Bata E., Beşgöl B. (eds.). Business dynamics in Turkey and Russia relations: neighborhood with suspicion (turk. Türkiye ve Rusya İlişkilerinde De İşen Dinamikler: Kuşku İle Komşuluk). İstanbul, İletişim, 2017, pp. 205–223.

³ Данная концепция была позаимствована мною из работы Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston, Little Brown, 1977.

гласий по стратегическим вопросам. Схожая ситуация сложилась и в сфере инвестиций. Несмотря на то, что турецкие инвестиции в российскую экономику носят более диверсифицированный характер, Россия вкладывает свои средства в развитие наиболее стратегически значимых отраслей Турции, а это в свою очередь расширяет диапазон возможностей Москвы в сфере влияния на турецкие власти.

Во-вторых, российско-турецкое экономическое сотрудничество в значительной степени зависит от конъюнктуры мирового рынка. В частности, в настоящей статье рассматриваются два важных фактора, которые весьма негативно отразились на состоянии двусторонних экономических связей, а именно глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. и санкции, введенные в отношении России Европейским союзом и США после событий 2014 г.

Наконец, в-третьих, в настоящем документе аргументированно доказывается, что в обозримом будущем российско-турецкие отношения не смогут перерасти в ту сложную систему взаимной зависимости, которая характерна для экономической кооперации развитых капиталистических государств в эпоху глобализации. Главной причиной этого является всё то же различие в структуре экономик обеих стран. Как показал кризис, разразившийся после инцидента с российским бомбардировщиком, российская экономика остается государственноцентричной, а это препятствует развитию сотрудничества между негосударственными субъектами без вмешательства со стороны государства. В этих условиях укрепление торговли, инвестиций и гуманитарных связей между двумя странами, которые в будущем неизбежно останутся соседями и будут оказывать существенное влияние на ситуацию в различных регионах, в значительной степени зависит от наличия политической воли и позиций их лидеров.

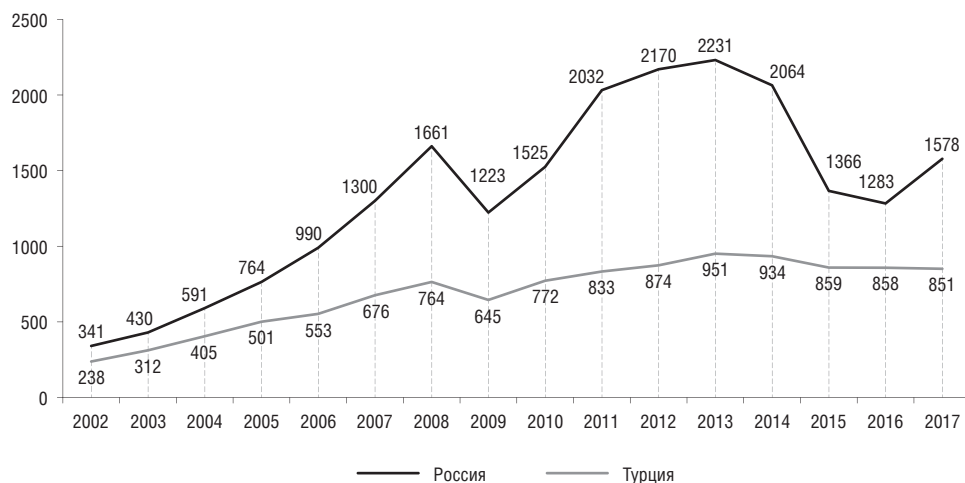
Ассиметричная взаимозависимость в российско-турецких отношениях

В эпоху глобализации отношения между множеством стран в самых разных регионах мира отличаются экономической взаимозависимостью. Это утверждение справедливо и для Турции и России, чьи национальные интересы нередко не совпадают. В первую очередь это касается конфликтов в Причерноморье, на Кавказе и в странах Ближнего Востока. Несмотря на структурные различия в экономических системах двух стран, составе населения и специфике основных отраслей, и Россию, и Турцию относят к числу развивающихся рыночных экономик.

Отличие взаимозависимости от зависимости заключается в том, что первая предполагает обоюдность экономических операций между двумя странами. То есть в ситуации экономической взаимозависимости любой разрыв двусторонних отношений становится серьезным ударом для обеих сторон⁴. Более того, взаимозависимость не означает паритет двусторонних

⁴ Keohane R. O. and Nye J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston, Little Brown, 1977. p. 8.

Рис. 1. ВВП России и Турции
(в настоящее время, млн долл. США)

Источник: Данные Всемирного банка. 16.08.2018. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2016&start=2002>

экономических отношений; напротив, любой кризис, как правило, дороже обходится более слабой стороне. Таким образом, асимметрия в экономических отношениях двух стран становится «рычагом влияния» для более сильного партнера⁵. События, последовавшие за инцидентом с уничтожением Турцией российского бомбардировщика Су-24, показали, что от кризиса пострадали обе стороны, но для Турции он оказался более болезненным⁶. В ноябре 2015 г. российское правительство опубликовало указ о применении специальных экономических мер в отношении Турции. Пакет российских экономических санкций включал в себя отмену безвизового режима, действовавшего с 2011 г., ограничение на турецкие инвестиции и наем турецких рабочих в России, ограничение турецкого экспорта на российский рынок и запрет на чартерные авиаперевозки в Турцию.

Р. Кеохэйн и Дж. Най предлагают два параметра для того, чтобы оценить степень асимметрии влияния при экономической взаимозависимости. Для определения первого параметра, «чувствительности», необходимо ответить на вопрос: «Насколько быстро изменения в одной стране приводят к дорогостоящим последствиям для другой, и насколько значительными оказываются эти последствия?»⁷. Второй аспект – «уязвимость» – отражает альтернативные экономические возможности обеих сторон – чем выше число

⁵ Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston, Little Brown, 1977. pp. 8–9.

⁶ Более подробно об экономических последствиях кризиса, связанного с уничтожением российского бомбардировщика, для экономики РФ см. Шагайда Н. Результаты эмбарго на поставки сельскохозяйственной продукции из Турции // Экономическое развитие. – 2016. – № 7. – С. 31–37.

⁷ Там же. С. 10.

таких альтернатив, тем менее болезненными окажутся издержки, обусловленные экономической взаимозависимостью⁸. Экономические санкции РФ продемонстрировали высокую чувствительность Турции к изменениям российского политического курса. Турция оказалась более уязвимой и в ситуации, когда начался пересмотр правил экономического обмена с Россией. Уязвимость Турции перед российскими санкциями усугубили три фактора. Во-первых, турецким экспортерам было сложнее найти рынок сбыта, способный стать равноценной альтернативой российскому. Как будет показано ниже, объем турецкого экспорта в Россию сократился с 5,9 млрд долл. в 2014 г. до 3,6 млрд долл. в 2015 г. и 1,7 млрд долл. в 2016 г., восстановившись до уровня 2,7 млрд долл. в 2017 г. Во-вторых, было очень непросто найти замену российским туристам, общее число которых в 2014 г. достигло 4 млн человек и составило 12% от всего туристического потока в Турцию. В 2014 г. российские туристы потратили в Турции примерно 3 млрд долл.⁹ В 2016 г. их число упало до 700 тыс. человек, и ситуацию не смогла улучшить даже постепенная нормализация отношений, начавшаяся летом 2016 г. И, наконец, в-третьих, Турция была практически не в состоянии отказаться от закупок российского газа и в кратчайшие сроки заменить его альтернативными источниками энергии. Почти 55% от всего турецкого импорта природного газа приходилось на Россию, и почти половина всех объемов электроэнергии в стране обеспечивалась газовыми электростанциями¹⁰. Для того чтобы понять причины, по которым экономика Турции оказалась настолько уязвима перед российскими санкциями, следует более внимательно изучить характер двусторонней торговли и прямых иностранных инвестиций между странами¹¹. Именно об этом пойдет речь ниже.

Двусторонние торговые связи

Главной причиной асимметрии двусторонней российско-турецкой торговли являются различия в структуре экономик обеих стран, обеспечивающие им разные сравнительные преимущества. В период после завершения холодной войны начался процесс значительного расширения двусторонней торговли, в результате которого к 2008 г. Россия превратилась в ведущего торгового партнера Турции (см. рис. 2). Благодаря богатству своих природных ресурсов Россия обладает относительными преимуществами в таких сферах, как производство и экспорт энергоносителей. В 2016 г. почти 70% российского экспорта приходилось на нефтепродукты, сырую нефть и природный газ. Турция же, напротив, нуждается в закупках энергоносителей для удовлетворения внутреннего спроса и производства электроэнергии. Как утверждает М. Челикпала, российско-турецкие отношения в сфере энерге-

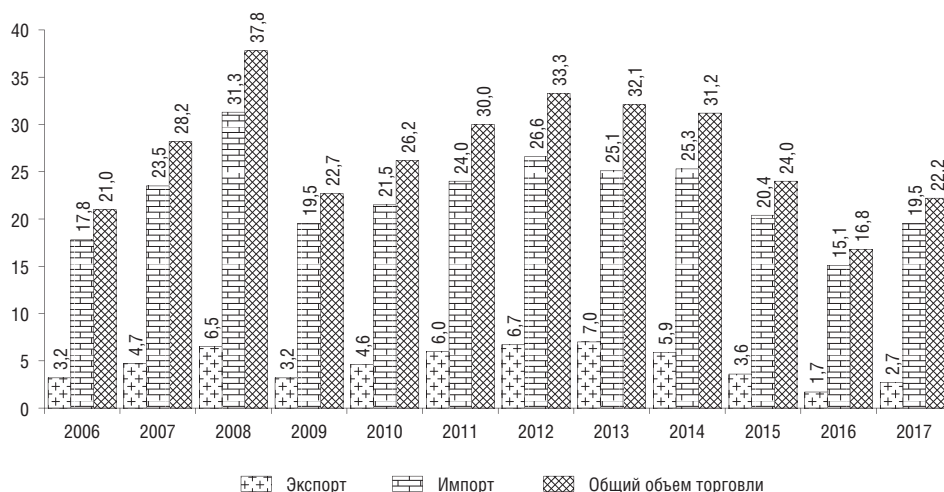
⁸ Шагайда Н. Результаты эмбарго на поставки сельскохозяйственной продукции из Турции // Экономическое развитие. – 2016. – № 7. – С. 11.

⁹ Bilgic-Alpaslan I., Markovic B., Tabak P., Zildzovic E. Economic Implications of Russia's Sanctions against Turkey // European Bank for Reconstruction and Development. 07.12.2015. URL: <http://www.ebrd.com/news/2015/economic-implications-of-russias-sanctions-against-turkey.html>

¹⁰ Erşen E. Evaluating the Fighter Jet Crisis in Turkish-Russian Relations // Insight Turkey, 2017, No. 4, p. 92.

¹¹ Схожий подход отражен в работе Tsarouhas D., The Political Economy of Greek-Turkish Relations // Southeast European and Black Sea Studies. 2009, No. 1–2, pp. 39–57.

Рис. 2. Доля России в структуре внешней торговли Турции, 2006–2017 гг. (млрд долл.)

Источник: расчеты автора, основанные на данных, полученных от Статистического института Турции и Министерства экономики Турции. 16.08.2018. URL: <http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist>, <https://www.ekonomi.gov.tr/portal/faces/home>

тики следует рассматривать с точки зрения энергетической безопасности, для обеспечения которой Турция должна снизить уровень своей зависимости от импорта российского газа¹². В 2015 г. Турция произвела 0,38 млрд куб. м природного газа, закупив у России 26,78 млрд куб. м. Общий объем турецкого импорта газа в том же году составил 48,43 млрд куб. м.¹³

После подписания Турцией и СССР соответствующего соглашения в 1984 г. доля России в структуре турецкого импорта энергоносителей постепенно росла. Укреплению роли России в качестве поставщика энергоресурсов в Турцию после окончания холодной войны способствовало и строительство газопровода «Голубой поток», проложенного по дну Черного моря. Этот газопровод, который был введен в эксплуатацию в декабре 2002 г., стал объектом серьезной критики в связи с тем, что он повышал уровень энергетической зависимости Турции от России и не позволял Анкаре сосредоточить все усилия на проекте трубопровода «Восток – Запад», который в то время пользовался поддержкой ЕС и США. Впрочем, Турция рассматривала альтернативные проекты трубопроводов в качестве инструмента для повышения своего геополитического влияния¹⁴. Однако рост внутреннего энергопотребления Турции привел к одновременному повышению значимости российского газа для турецкого рынка. Как утверждает Владимир

¹² Çelikpala M. "Does Russia Cut Gas?" (тип. "Rusya Gazı Keser Mi?") // Özcan G., Bata E., Beşgül B. (Eds). Doubt and neighborhood: the dynamics of Turkey-Russia relations (тип. Kuşku ile Komşuluk: Türkiye-Rusya ilişkilerinde Değişim Dinamikleri). İstanbul: İletişim, 2017, p. 222.

¹³ Window G. Turkey and Russia: The Importance of Energy Ties // Insight Turkey. 2017, No. 1, p. 18.

¹⁴ Edgier V. Ş., Durmaz D. Energy in Turkey and Russia's Roller-Coaster Relationship // Insight Turkey. 2017, No. 1, p. 139.

Лихачев, объем энергопотребления в Турции вырос с 45 млн т нефтяного эквивалента в 2005 г. до 131 млн т в 2015 г.¹⁵

Начиная с 2002 г., Европейский союз выступал в поддержку проекта трубопровода «Набукко», который, как планировалось, должен был обеспечить транспортировку природного газа из Азербайджана и Туркменистана в Европу через территорию Турции¹⁶. Россия же в 2007 г. предложила собственную альтернативу «Набукко» – проект «Южный поток», цель которого заключалась в доставке природного газа из порта Новороссийск в Болгарию. Таким образом, этот проект преследовал одновременно две цели: повысить уровень энергетической безопасности Европы и обеспечить поставки газа в обход территории Украины¹⁷, к чему стремилась Россия. Во время своего визита в Анкару в декабре 2014 г. российский президент Владимир Путин объявил, что проект «Южный поток» окончательно закрыт, и торжественно представил новый проект газопровода, который должен был обеспечить транспортировку российского газа на европейские рынки через Турцию. Он получил название «Турецкий поток». Этот проект следует рассматривать через призму геополитических целей России по лишению Украины статуса транзитного государства. Эту задачу Россия поставила себе уже давно, но после событий 2014 г. ситуация приобрела особую остроту. Москва стремится решить эту проблему к 2019 г., когда истечет срок действия текущего российско-украинского договора о транзите газа. Именно с этим связано желание российских властей увеличить объемы газа, поставляемого в Европу по трубопроводу «Северный поток», и построить новый газопровод «Турецкий поток», который планируется проложить по дну Черного моря в Турцию¹⁸.

В ходе Всемирного энергетического конгресса, состоявшегося в Стамбуле в октябре 2016 г., Россия и Турция подписали межправительственное соглашение по данному проекту. В соответствии с соглашением обе страны берут на себя обязательства по прокладке двух ниток трубопровода, каждая из которых будет обладать пропускной способностью 15,75 млрд куб. м. Одна из ниток предназначена для транспортировки газа на турецкий рынок, а вторая должна поставлять голубое топливо в страны Европы через территорию Турции¹⁹. Ожидается, что после завершения строительства по газопроводу «Турецкий поток» будут проходить 14 млрд куб. м. газа из того объема, который в настоящее время ежегодно импортируется по маршруту Украина – Молдова – Румыния – Болгария²⁰. В ноябре 2017 г. строительство началось уже в исключительной экономической зоне Турции, а к декабрю 2017 г. было построено 30% морской части газопровода «Турецкий поток». Будущее проекта во многом зависит от прочности политических

¹⁵ Лихачев В. Состояние и перспективы российско-турецких отношений в энергетической сфере // Российско-турецкие экономические отношения на новом этапе: доклад Российского совета по международным делам. – М.: НП РСМД. 2016. – С. 12.

¹⁶ Grigas A. The New Geopolitics of Natural Gas. Cambridge, Massachusetts. 2016, pp. 160–161.

¹⁷ Austvik O. G., Rzaeva G., Turkey in the Geopolitics of Energy // Energy Policy. 2017, p. 539.

¹⁸ Gvosdev N. 2019 Could be a Very Bad Year for Ukraine // The National Interest. 02.10.2017.

URL: <https://nationalinterest.org/feature/2019-could-be-very-bad-year-ukraine-22567>

¹⁹ Edgier V. Ş., Durmaz D. Energy in Turkey and Russia's Roller-Coaster Relationship // Insight Turkey. 2017, No. 1, p. 151.

²⁰ Оздемир В. «Турецкий поток»: объединяя Анкару и Москву // РСМД. 12.10.2018.

URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/turetskiy-potok-obedinyaya-ankaru-i-moskvu/>

связей между Россией и Турцией и в еще большей степени – от позиции ЕС в отношении планов России экспортировать газовое топливо в Европу в обход Украины. На сегодняшний день ЕС не изъявлял желаний закупать российский газ через «Турецкий поток», и поэтому перспективы строительства второй нитки газопровода, которая должна соединить Россию и Европу, остаются туманными²¹.

Несмотря на то, что в отношениях асимметричной взаимозависимости Турции отводится роль более уязвимого игрока, она по-прежнему остается важным партнером России в области энергетики. Значимость роли Турции в вопросах экспорта российского газа объясняется следующими факторами. Во-первых, Турция является надежным торговым партнером России. Несмотря на ряд текущих споров по поводу ценообразования на российский газ, Турция остается стабильным источником доходов для российской экономики. По состоянию на 2017 г. Турция с ее уровнем потребления природного газа (29,03 млрд куб. м) занимала второе место среди клиентов «Газпрома», уступая только Германии, закупившей в том же году 53,44 млрд куб. м российского газа²². Ежегодный доход России от экспорта энергоносителей в Турцию составляет 15 млрд долл., что превышает совокупные годовые доходы от продажи российского оружия²³. Во-вторых, сам факт того, что российские власти выступили с инициативой о строительстве газопровода «Турецкий поток» после отмены проекта «Южный поток», свидетельствует о неизменной геополитической значимости Турции для России. Стремление Москвы построить газопровод в обход украинской территории и тем самым снизить свою зависимость от Украины как страны-транзитера российского газа в Европу укрепляет позиции Турции как партнера России в области энергетики. В настоящее время более 40% всего российского газа, поставляемого в Европу (и Турцию), приходится на газотранспортную систему Украины²⁴. Таким образом, и проект «Северный поток – 2», и «Турецкий поток» преследуют общую цель, которую ставит перед собой Россия, – обеспечить Газпрому возможность и в дальнейшем продавать природный газ странам Европы при одновременной экономической изоляции Украины²⁵. В-третьих, транспортировка российских нефтегазовых продуктов на мировые рынки проходит через Черноморские проливы, которые относятся к ведению Турции, и это повышает геополитическую значимость последней для России. Так, через проливы Босфор и Дарданеллы ежегодно проходит до 150 млн т сырой нефти и нефтепродуктов²⁶.

²¹ Возможные варианты будущего данного проекта описаны в работе Özdemir V. Turkish Stream gas pipeline: Blue Stream, Russian TANAP? (тип. Türk Akımı Gaz Boru Hattı: Mavi Akım mı, Rus Tanap'ı mı?) // Eppen. 06.11.2017. URL: <http://eppen.org/index.php?sayfa=Yorumlar&link=&makale=232>

²² Статистика поставок // Gazprom Export. 27.11.2017. URL: <http://www.gazpromexport.ru/en/statistics>

²³ Çelikpaşa M. "Does Russia Cut Gas?" (тип. "Rusya Gazı Keser Mi?") // Özcan G., Bata E., Beşgöl B. (Eds). Doubt and neighborhood: the dynamics of Turkey-Russia relations (тип. Kuşku ile Komşuluk: Türkiye-Rusya ilişkilerinde De işen Dinamikler). İstanbul: İletişim. 2017. p. 222.

²⁴ Özdemir V. «Турецкий поток»: объединяя Анкару и Москву // РСМД. 12.10.2018.

URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turetskiy-potok-obedinyaya-ankaru-i-moskvu/>

²⁵ Mankoff J., Hillman J. Russia Seeks to Close Ukraine's Window to the West // Financial Times. 06.09.2017. URL: <https://www.ft.com/content/f57f6b4c-92ed-11e7-bdfa-eda243196c2c>

²⁶ Лихачев В. Состояние и перспективы российско-турецких отношений в энергетической сфере // Российско-турецкие экономические отношения на новом этапе: доклад Российского совета по международным делам. – М.: НП РСМД, 2016. – С. 13.

Турция, в свою очередь, экспортирует в Россию преимущественно автомобили, технику и оборудование, текстиль и пищевую продукцию. Несмотря на то, что после инцидента с уничтожением российского бомбардировщика в турецкой прессе наиболее широко освещался запрет российских властей на ввоз турецких помидоров, от российских санкций сильнее всего пострадали такие отрасли турецкой экономики, как автомобильная промышленность и производство техники и оборудования. По данным Министерства экономики Турции, объем турецкого экспорта автомобилей в Россию упал с 289 млн долл. в 2014 г. до 44,6 млн долл. в 2016 г., техники и оборудования – с 221 млн долл. в 2014 г. до 108 млн долл. в 2016 г. В 2016 г. после кризиса в отношениях двух стран главной статьёй турецкого экспорта (270 млн долл.) в РФ стали цитрусовые, занявшие в общем списке то место, которое раньше занимала автомобильная отрасль. Следующими по значимости экспортными товарами Турции для российского рынка стали техника и оборудование, автомобили и рыба.

В последние 10 лет (2007–2016 гг.) Россия, обеспечивавшая 11,2% от всего турецкого импорта, оставалась главным поставщиком Турции, обгоняя Германию и КНР, на долю каждой из которых приходилось 9,7%. При этом доля турецкого экспорта в Россию составляла лишь 3,7% от общего экспорта Турции, что делало Россию 7-м по значимости экспортером турецких товаров после Германии, Соединенного Королевства, Ирака, Италии, Франции и США. В тот же период на турецкую продукцию приходилось лишь 3,2% от общего импорта РФ, тогда как доля российского экспорта в Турцию составляла 8,8% от всего объема экспорта России²⁷. Таким образом, эти различия могут служить наглядным доказательством асимметричной взаимозависимости в двусторонней торговле, причем Россия в данном случае оказывается в выигрыше.

Двусторонние инвестиционные связи

Еще одним важным аспектом экономической взаимозависимости России и Турции являются инвестиции. Несмотря на то, что сегодня существует множество публикаций, посвященных торговым и энергетическим связям двух стран, вопрос двусторонних инвестиций остается относительно малоизученным, хотя в эпоху глобализации именно прямые иностранные инвестиции и международное производство являются важнейшими составляющими национальной экономической силы²⁸. За последние 10 лет российские компании расширили свое присутствие на турецком рынке, ликвидировав разрыв в объеме двусторонних прямых инвестиций и обеспечив преимущество России. Это связано в первую очередь с тем, что Россия инвестирует средства в такие отрасли Турции, как энергетика, металлургия, банковские услуги и автомобильная промышленность, которые имеют большую стра-

²⁷ Расчеты автора основаны на данных, полученных от Центрального банка РФ и Статистического института Турции.

²⁸ Elkins Z., Guzman A. T., Simmons B. A. Competing for Capital: The Diffusion of Bilateral Investment Treaties // International Organization. 2006. No. 4. pp. 811-846.

О турецких транснациональных компаниях см. Bakır C. World leaders: Turkish multiculturalists in the process of globalization (тур. Dünyayla Ş Yapanlar: Küreselleşme Sürecinde Türk Çokulusluları). İstanbul, Koç Üniversitesi Yayınları. 2016. 230 p.

тегическую значимость и более высокую добавленную стоимость по сравнению с теми отраслями России, в которые направляются турецкие инвестиции. Турецкие инвестиции в России приходятся в основном на строительный сектор, имеющий для последней социально-экономическое значение, и на такие низко- и среднетехнологичные отрасли, как производство алкогольных напитков и химической и стеклянной продукции.

В новом тысячелетии объем внешних прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Турции значительно вырос. В период с 2000 по 2013 гг. объем внешних накопленных ПИИ Турции вырос с 3,6 млрд долл. до 32,7 млрд долл., а исходящий поток ПИИ увеличился с 870 млн долл. до 3,1 млрд долл.²⁹ По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объем внешних накопленных ПИИ России вырос с 139 млрд долл. в 2005 г. до 335 млрд долл. в 2016 г.³⁰, тогда как исходящий поток ПИИ увеличился с 16,7 млрд долл. в 2005 г. до своего максимального значения – 70 млрд долл. – в 2013 г., после чего снизился до 26,7 млрд долл. в 2016 г.³¹ В связи с этим представляется важным изучить характер российско-турецких инвестиционных связей с начала нового века. В отличие от двусторонней торговли, для накопленных объемов ПИИ между странами характерна относительная сбалансированность. После завершения холодной войны российский рынок стал важным направлением для внешних инвестиций Турции.

Как недавно отметил министр энергетики РФ Александр Новак в ходе своего выступления на Измирской международной ярмарке, объем российских инвестиций в Турцию составил 10 млрд долл., что почти сопоставимо с уровнем турецких инвестиций в российскую экономику³². Турецкие компании имеют более значительный опыт работы на российском рынке, поскольку именно строительные фирмы Турции завоевали статус ключевых участников строительного сектора РФ практически сразу после распада СССР. По сути, турецкие подрядчики начали работу в России еще в конце 1980-х гг. благодаря межправительственному соглашению 1984 г., в соответствии с которым Турция получала право инвестировать средства в советскую экономику в обмен на импорт природного газа³³.

В настоящее время к числу ведущих турецких компаний, действующих на российском рынке, относятся *Anadolu Efes* (производство алкогольных напитков), *ENKA* (строительство), *Renaissance* (строительство), *Şişecam* (стекло), *Trakya Cam Sanayi* (стекло), *Eczacıbaşı* (плитка и керамические изделия), *HAYAT* (товары повседневного спроса и деревянные изделия), *Koç* (бытовая техника и банковские услуги) и *Zorlu* (бытовая техника и энергетика). Несмотря на то, что на российском рынке присутствуют и сотни дру-

²⁹ Bakır C. World leaders: Turkish multiculturalists in the process of globalization (тип. Dünyayla Ş Yapanlar: Küreselleşme Sürecinde Türk Çokulusluları). İstanbul, Koç Üniversitesi Yayınları. 2016. P. 41.

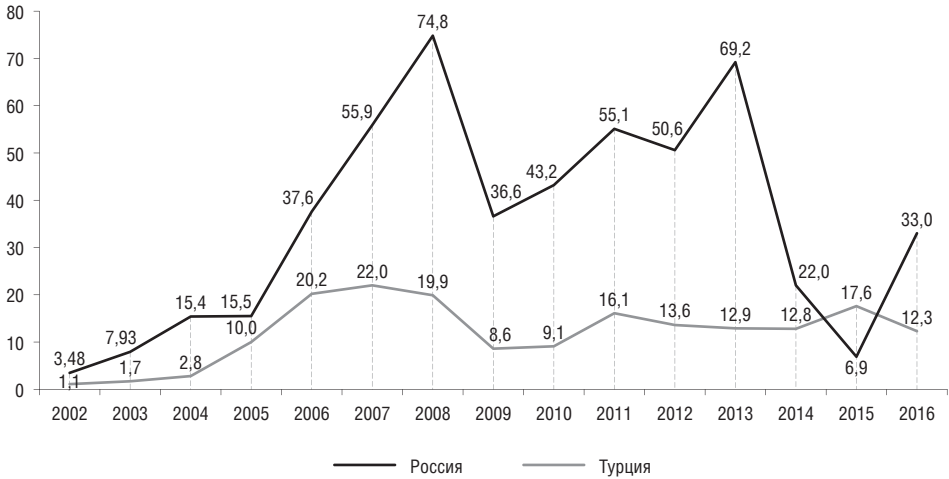
³⁰ FDI Stocks // OECD. 01.12.2017. URL: <https://data.oecd.org/fdi/fdi-stocks.htm#indicator-chart>

³¹ FDI Flows // OECD. 01.12.2017. URL: <https://data.oecd.org/fdi/fdi-flows.htm>

³² Turkish Investment in Russian Economy Amounts to \$10 Billion // Sputnik International. 21.11.2017. <https://sputniknews.com/business/201708181056576740-turkey-russia-investments>

³³ Öniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region // Third World Quarterly. 2016. issue 1. p. 75.

Рис. 3. Чистый приток прямых иностранных инвестиций, Россия и Турция
(млрд долл. США)

Источник: данные Всемирного банка.

URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?end=2016&locations=RU-TR&start=2002&view=chart>

гих, более мелких турецких предприятий, именно на эти компании приходится львиная доля турецких ПИИ в Россию. За период с 2003 по 2013 гг. действующие в России турецкие компании инвестировали средства в 105 совершенно новых проектов на общую чистую сумму более 9 млрд долл.³⁴. Кроме того, при объеме инвестиций на общую сумму 2,6 млрд долл. Россия в тот же период также оказалась для турецких инвесторов наиболее значимым рынком слияний и поглощений³⁵. По оценкам Министерства экономики Турции, российские проекты составили около 20% от всех контрактов, заключенных турецкими предпринимателями за рубежом. Компании “Beko” и “Vestel” получили 10% от всего российского сектора товаров длительного пользования³⁶. Anadolu Efes, действовавшая в России с 1997 г., стала вторым по величине участником российского рынка пивной продукции: в 2016 г. ее доля оценивалась в 14,9%³⁷. Глава исполнительного совета холдинга “Anadolu” Тунджай Озильхан также является председателем Российско-Турецкого делового совета, действующего под эгидой Комитета по внешнеэкономическим связям Турции (DEIK). У компании “Şişecam”, занимающей первое место по производству стекла в Европе и четвертое – в мире, в настоящее время в России действуют восемь заводов. В октябре

³⁴ Bakır C. World leaders: Turkish multiculturalists in the process of globalization (тип. Dünyayla Ş Yapanlar: Küreselleşme Sürecinde Türk Çokulusluları). İstanbul, Koç Üniversitesi Yayınları. 2016. Pp. 66-67. Следующими после России странами СНГ по общему числу и стоимости турецких инвестиций в проекты нулевого цикла за тот же период являются Азербайджан, Украина и Казахстан.

³⁵ Ibid, p. 81.

³⁶ Oniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region // Third World Quarterly. 2016. issue 1. p. 75.

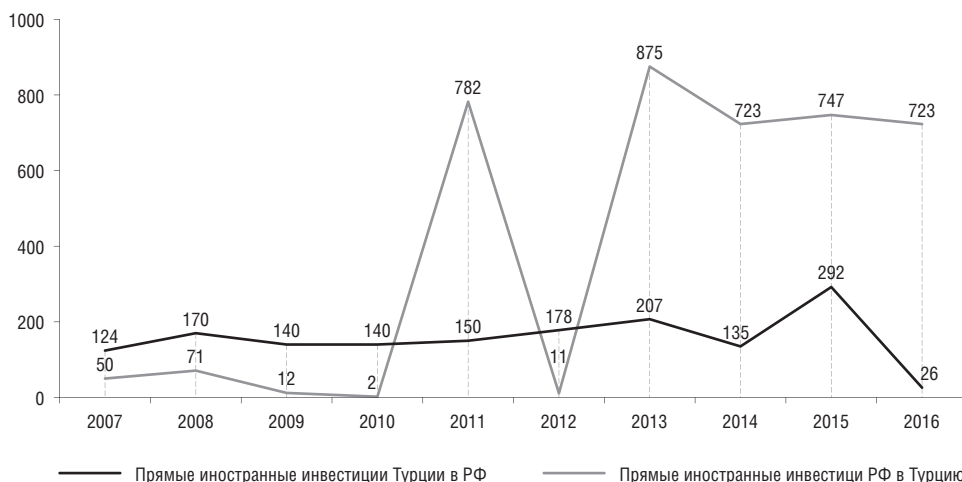
³⁷ Operations // Anadolu Efes. 30.11.2017.

URL: <http://www.anadoluefes.com/index.php?gidil=in&gsayfa=op&galtsayfa=operasyonlardetay&gicsayfa=rusya>

2016 г. Şişecam открыла в татарстанской Алабуге завод по производству листового и автомобильного стекла. Общий объем инвестиций компании на российском рынке превысил 1,1 млрд долл.³⁸

В первые два десятилетия после окончания холодной войны объем российских ПИИ в турецкую экономику оставался незначительным, однако с 2011 г. начался период их существенного роста (см. рис. 4). Это было связано главным образом с тем, что российская компания «Магнитогорский металлургический комбинат» (ПАО «ММК»), являющаяся крупнейшим в мире производителем стали, в 2011 г. открыла завод в городе Искендерун на юге Турции. ПАО «ММК» в настоящее время является самым большим промышленным предприятием в Турции, которое было создано с нуля при финансировании в рамках ПИИ. Под управлением ПАО «ММК» также находится крупнейший турецкий частный порт, расположенный в городе Дёртьёл провинции Хатай³⁹. Помимо этого, компании принадлежит еще один завод в районе Гебзе. В 2012 г. российский Сбербанк выкупил Денизбанк у бельгийской финансовой группы *Dexia* за 3,6 млрд долл., что стало самым большим приобретением России за рубежом⁴⁰. За последние 10 лет свое присутствие на турецком рынке нарастила и компания «Лукойл», являющаяся второй по величине российской нефтяной корпорацией. После покупки турецкой сети АЗС «Акпет» в 2008 г. Лукойл быстро превратилась в одну из крупнейших сбытовых компаний Турции, и по состоянию на текущий

Рис. 4. Двусторонние потоки прямых иностранных инвестиций
(млн долл. США)

Источник: расчеты автора основаны на данных, полученных от Центрального банка РФ, Центрального банка Турции и ЮНКТАД.

³⁸ \$ 310 Million Investment From Şişecam To Tatarstan (туп. Şişecam'dan Tataristan'a 310 Milyon Dolarlık Yatırım) // Şişecam. 30.11.2017.
URL: http://www.sisecam.com.tr/tr/basin-odasi/basin-bultenleri/ssiecamedan_tataristanana%20_yatirim

³⁹ MМК Port // MМК Metalurji. 21.11.2017. URL: http://mmkturkey.com.tr/en/?page_id=68

⁴⁰ Russia's Sberbank "Ready Support Big Projects in Turkey" // Hürriyet Daily News. 25.10.2012.
URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/russias-sberbank-ready-to-support-big-projects-in-turkey-121379>

момент объем ее инвестиций в турецкую экономику превысил миллиард долларов. Вторая по величине российская автомобилестроительная компания «Группа ГАЗ» начиная с 2014 г. производит в турецкой провинции Сакьяр модель автомобиля ГАЗель «NEXT».

Наиболее значимой сферой стратегического сотрудничества России и Турции стал сектор ядерной энергетики. После завершения строительства АЭС «Аккую» общая стоимость российских ПИИ в турецкую экономику значительно вырастет. По имеющимся оценкам, проект «Аккую» обойдется примерно в 20 млрд долл., что означает дальнейшее увеличение асимметричной взаимозависимости двух стран и смещение баланса двусторонних инвестиционных связей в пользу России. После введения АЭС «Аккую» в эксплуатацию у турецких инвесторов не останется никаких шансов на то, чтобы обогнать Россию в сфере инвестиций.

Как и в случае с двусторонней торговлей, в сфере инвестиционных связей двух стран наблюдается дисбаланс, причем вновь в пользу России. За последние 10 лет (2007–2017 гг.) на российские ПИИ в Турции приходилось 2,8% от всех ПИИ, направленных в турецкую экономику, тогда как доля турецких ПИИ составляла лишь 0,3% от общего объема ПИИ в российскую экономику⁴¹. Это говорит о том, что обеим странам предстоит приложить еще немало усилий для укрепления взаимных инвестиционных связей. В марте 2017 г., во время визита президента Р.П. Эрдогана в Россию, Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) и вновь созданный Суверенный фонд Турции (TWF) подписали меморандум, в рамках которого стороны намерены «вести совместный поиск привлекательных инвестиционных проектов, способствующих укреплению двусторонних экономических связей и увеличению объема взаимных инвестиций между Россией и Турцией»⁴². Планируется, что фонды национального благосостояния обеих стран вложат в создание совместного инвестиционного фонда по 500 млн долл. Это важный проект, который в случае грамотного подхода в будущем обещает значительно увеличить объемы взаимных инвестиций. Впрочем, ключевыми условиями для наращивания двусторонних ПИИ являются благополучие российской и турецкой экономик, уверенность инвесторов в стабильности каждой из них и перспективы углубления политического сотрудничества между правительствами России и Турции.

Значение международной конъюнктуры для экономических связей России и Турции

Как недавно отмечал Э. Эршен, рассматривать политические отношения Турции и России без учета международной ситуации и связей обеих стран с Западом представляется весьма затруднительным⁴³. В настоящем разделе

⁴¹ Расчеты автора основаны на данных, представленных на рисунках.

⁴² РФПИ и Суверенный фонд Турции создают Российско-турецкий инвестиционный фонд // Российский фонд прямых инвестиций. 12.10.2018. URL: <https://rdif.ru/fullNews/2285/>

⁴³ Erşen E. The Transatlantic Dimension of Turkey's Strategic Rapprochement with Russia: The Turkish Perspective // Toperiç S., Noi A. U. (eds.) Turkey and Transatlantic Relations. Washington, DC, Center for Transatlantic Relations. 2017. pp. 203-216.

приводятся доводы в пользу того, что подобное утверждение справедливо и в отношении российско-турецких экономических отношений. В статье показано, что на потенциале торговли между Турцией и Россией негативно отразились такие факторы, как международный финансовый кризис, кризис в еврозоне и экономические санкции стран Запада в отношении России. При более пристальном анализе двусторонней торговли становятся очевидными причины нестабильности экономических связей двух стран. За последние 10 лет российско-турецкая торговля подверглась двум серьезным ударам. Во-первых, в 2009 г. объем торговли Турции с Россией сократился на 50,8% по сравнению с показателями предыдущего года – до 22,7 млрд долл.⁴⁴ Причинами такого падения послужили обвал кредитно-финансовой системы и повсеместная рецессия, вызванные глобальным финансовым кризисом, который зародился на жилищном рынке США, а затем стремительно распространился на весь остальной мир⁴⁵. Следует напомнить, что в 2008 г. Россия стала главным торговым партнером Турции, обойдя Германию по такому параметру, как общий объем двусторонней торговли: в 2008 г. этот показатель достиг 37,8 млрд долл. Однако в 2009 г. рост российской экономики сменился падением: ВВП страны упал на 7,8%. Экономическая ситуация в Турции в том же году оказалась немногим лучше: ее ВВП снизился на 4,7%⁴⁶. Как видно из рис. 3, в 2009 г., спустя год после великой рецессии, чистый приток ПИИ в обеих странах резко сократился. И в России, и в Турции объем входящих ПИИ снизился более чем на 50% по сравнению с 2008 г. Для России этот показатель упал с 74,8 млрд долл. в 2008 г. до 36,6 млрд долл. в 2009 г., а для Турции за тот же период – с 19,9 млрд долл. до 8,6 млрд долл. В обеих странах объем ПИИ до сих пор не восстановился до уровня 2008 г. Важно отметить, что эта тенденция нанесла больший ущерб экономике Турции, которая в настоящее время столкнулась со структурной проблемой дефицита платежного баланса.

Вторым критическим этапом в экономических отношениях двух стран стал кризис 2015 г., когда экспорт турецких товаров в Россию упал на 39,6% по сравнению с предыдущим годом. В этот период экономический спад был обусловлен не только ухудшением двусторонних отношений из-за инцидента со сбитым российским бомбардировщиком, но и санкциями, введенными США и ЕС в отношении российской экономики. Начиная с апреля 2014 г. страны Запада расширили санкции против российской финансовой системы, нанеся удар по банкам и деловому сообществу страны. Несмотря на то, что власти Турции официально осудили присоединение Крыма к России, Анкара не стала присоединяться к антироссийским санкциям США и ЕС. Поначалу турецкие

⁴⁴ Основой для расчетов в данном разделе послужили данные об объемах торговли, полученные автором на сайте Статистического института Турции. Для получения более подробной информации см. Foreign trade statistics (тип. Dış Ticaret istatistikleri) // Turkish Statistical Institute (тип. Türkiye istatistik Kurumu). 07.10.2017. URL: http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1046

⁴⁵ Для получения более подробных сведений о влиянии кризиса на глобальную политическую экономику см. Helleiner E. The Status Quo Crisis. New York, Oxford University Press. 2014. 256 p.

⁴⁶ Данные Всемирного банка; для получения информации о Турции см. Турция // Данные Всемирного Банка. 26.11.2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2016&locations=TR&start=1993> Для получения информации о России см. Россия // Данные Всемирного Банка. 26.11.2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2016&locations=RU&start=1990&view=chart>

деловые и властные круги ожидали, что санкции неизбежно приведут к тому, что Турция станет важным партнером для России. Так, например, глава Ассамблеи экспортеров Республики Турция Мехмет Бююкекши заявил, что Турция сможет нарастить объемы экспорта фруктов, яиц и мяса птицы⁴⁷. Однако все эти надежды быстро уступили место пессимистическим настроениям после того, как турецкий экспорт в РФ в 2014 г. упал на 14% по сравнению с показателями 2013 г. (с 6,9 до 5,9 млрд долл.). Главной причиной такого снижения стало влияние западных санкций на российскую экономику. В результате турецким экспортерам стало труднее наращивать свою долю рынка в России. Кроме того, санкции привели к быстрому обесцениванию рубля по отношению к доллару США. Низкие цены на нефть на глобальных энергетических рынках в сочетании с западными санкциями обвалили курс рубля до рекордно низких значений – 86 рублей за 1 долл. в январе 2016 г.⁴⁸

Падение курса рубля также косвенно означало, что антироссийские экономические санкции приведут к сокращению экспорта турецких товаров на российский рынок. Кроме того, правительство РФ решило использовать экономические санкции Запада в интересах национальной экономики, после первой санкционной волны объявив о начале программы импортозамещения в целях укрепления экономического суверенитета РФ⁴⁹. Падение курса рубля также рассматривалось властями страны в качестве стимула для развития бизнеса российских компаний. Самая важная цель данной программы заключалась в снижении объемов импортного продовольствия на российском рынке и наращивании инвестиций в сельскохозяйственный сектор для укрепления продовольственной безопасности страны. Правительство РФ ввело ответные санкции в отношении продовольственных товаров, импортируемых из стран ЕС, и увеличило размер субсидий для местных производителей. В целом данная программа оказалась успешной. Как сообщает *Financial Times*, сельскохозяйственная продукция стала второй по значению статьей российского экспорта после сырьевых товаров, опередив даже торговлю оружием⁵⁰. Кризис в российско-турецких отношениях после трагедии с бомбардировщиком стал для правительства РФ еще одним аргументом в пользу снижения зависимости страны от импортного продовольствия. Именно по этой причине Анкара столкнулась с немалыми трудностями при попытках убедить Москву снять эмбарго на поставки турецких фруктов и овощей.

Так или иначе, объем торговли между двумя странами до сих пор не вернулся на уровень 2008 г. Это стало важным уроком для Турции: спад в экономике одного из ключевых партнеров страны немедленно наносит ущерб двусторонней торговле. Более того, очень высокая степень интеграции Турции в гло-

⁴⁷ Цитируется в Turkey Hopeful of Boosting Exports to Russia Amid Ban on Western Products // Hurriyet Daily News. 08.08.2014. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkey-hopeful-of-boosting-exports-to-russia-amid-ban-on-western-products-70132>

⁴⁸ Johnson J., Woodruff D. Currency Crises in Post-Soviet Russia // Russian Review. 2017. issue 4. p. 630.

⁴⁹ Connolly R., Hanson P. Import Substitution and Economic Sovereignty in Russia // Chatham House Russia and Eurasia Program Research Paper. 09.06.2016. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/import-substitution-and-economic-sovereignty-russia>

⁵⁰ Buckley N. Russian Agricultural Sector Flourishes amid Sanctions // The Financial Times. 19.08.2017. URL: <https://www.ft.com/content/422a8252-2443-11e7-8691-d5f7e0cd0a16>

бальную экономику приводит к тому, что на ней негативно отражаются любые политические беспорядки в соседних странах. Напротив, текущий санкционный кризис стал наглядным доказательством того, насколько экспортный потенциал Турции зависит от экономического благополучия ее партнеров.

Стремление к сложной взаимозависимости – вектор развития российско-турецких экономических отношений?

В настоящем разделе речь пойдет о том, возможен ли быстрый переход от асимметричной взаимозависимости России и Турции к сложной взаимозависимости, которая характерна, к примеру, для отношений между США и Канадой или Францией и Германией. В модели Р. Кеохэйна и Дж. Наю сложная взаимозависимость между странами оценивается на основании трех ключевых характеристик: множественные каналы коммуникации между жителями этих стран, отсутствие иерархического распределения вопросов по уровню значимости и отказ от военной силы как элемента двусторонних межправительственных отношений⁵¹. Первым условием перехода от асимметричной взаимозависимости к более сложным формам отношений является тесная связь между обществами обеих стран, возникающая без участия правительств. К таким социальным связям относятся гуманитарное сотрудничество, взаимодействие между неправительственными организациями и многое другое. Несмотря на то, что жители России и Турции сегодня знают друг о друге гораздо больше, чем 30 лет назад, кризис двусторонних отношений после инцидента с бомбардировщиком четко показал, где пролегает граница доверия между двумя странами. Стремительное и значительное снижение российского турпотока в Турцию после уничтожения российского самолета стало еще одним свидетельством того, насколько хрупкими являются межобщественные связи. Согласно Р. Кеохэйну и Дж. Наю, вторым условием формирования сложной взаимозависимости является отказ от иерархического распределения вопросов, представляющих интерес для обеих стран. Это в первую очередь означает снижение значимости вопросов военной безопасности в двусторонней повестке дня. Окончание холодной войны, несомненно, повлекло за собой снижение важности военных/стратегических вопросов в системе взаимоотношений российских и турецких властных кругов. Тем не менее недавние разногласия России и Турции по поводу Крыма и кризис, начавшийся после уничтожения бомбардировщика, наглядно продемонстрировали несовпадение стратегических интересов двух стран в Причерноморье и на Ближнем Востоке. Кроме того, даже если убрать из общей повестки дня военную проблематику, то окажется, что судьба двусторонних связей может зависеть от чрезмерной сосредоточенности властей обеих стран на вопросах энергетической безопасности. Третьим условием обеспечения сложной взаимозависимости является полный отказ от угроз взаимного использования военной силы. Несмотря на то, что

⁵¹ Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston, Little Brown. 1977. pp. 20-24.

повторение истории со сбитым российским бомбардировщиком крайне маловероятно, этот инцидент продемонстрировал, что военный конфликт между Россией и Турцией не является чем-то невозможным.

Существует целый ряд факторов, которые способствуют закреплению статус-кво в отношениях России и Турции и, следовательно, препятствуют формированию сложной взаимозависимости между ними. Самым главным фактором является отсутствие международных режимов, которые объединяли бы Турцию и Россию. Важные функции в этой сфере выполняла учрежденная в 1992 г. Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), однако сегодня ее деятельность можно охарактеризовать в лучшем случае как неопределенную форму регионализма, которая не предусматривает какого-либо углубления экономической интеграции среди ее членов⁵². Более того, текущий украинский кризис ставит под сомнение дальнейшие перспективы работы ОЧЭС. Несмотря на то, что и Россия, и Турция являются членами Всемирной торговой организации, они по-прежнему относятся к разным механизмам региональной интеграции. Россия с помощью Евразийского экономического союза (ЕАЭС) стремится к углублению экономического сотрудничества с бывшими республиками СССР, тогда как Турция входит в состав Таможенного союза ЕС. Было бы неразумно и с экономической точки зрения нерационально ожидать, что Турция присоединится к ЕАЭС в обозримом будущем.

Большое значение для анализа динамики экономической взаимозависимости двух стран имеет деятельность неправительственных субъектов, например, деловых групп и их влияние на процесс формирования политики⁵³. Традиционно сложилось, что на выработку внешнеэкономической стратегии Турции оказывает влияние такая полуофициальная структура, как Комитет по внешнеэкономическим связям Турции (*DEİK*). Как уже упоминалось выше, председателем Российско-Турецкого делового совета, действующего под эгидой *DEİK*, является глава исполнительного совета холдинга Anadolu Тунджай Озильхан. Руководит Российско-Турецким деловым советом Ахмет Паланков, который также является членом Совета Федерации РФ. Важную роль в урегулировании кризиса после трагедии с российским бомбардировщиком в июне 2016 г. сыграл бизнесмен Джавит Чаглар. Однако каким бы значительным ни был рост торгово-инвестиционных связей между деловыми кругами двух стран за период с начала 1990-х гг., вышеупомянутый инцидент показал, что во внешнеэкономических отношениях России главная роль отводится государству. Резкое снижение числа российских туристов в Турции в 2016 г. четко продемонстрировало, что российское государство способно влиять не только на хозяйственные, но и на гуманитарные связи. И, наконец, проведение Россией политики импортозамещения в ответ на санкции Запада в сочетании с ее государственноцентричной системой экономики будет и в дальнейшем препятствовать углублению экономического сотрудничества между двумя странами.

⁵² Öniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region // *Third World Quarterly*. 2016. issue 1. p. 75

⁵³ Tsarouhas D. The political economy of Greek–Turkish relations // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2009. Iss. 1-2. p. 52.

Заключение

Турецкие власти нередко заявляли, что официальный целевой показатель объемов российско-турецкой двусторонней торговли составляет 100 млрд долл. Какой бы привлекательной ни казалась эта цифра, следует понимать, что достичь ее в условиях вышеописанной асимметричной взаимозависимости двух стран не представляется возможным. Кроме того, принципиальным условием для наращивания турецкого экспорта на российский рынок является углубление экономической интеграции России и Турции, на которое рассчитывать в ближайшее время также не приходится. Еще более важное условие укрепления двусторонних экономических связей – это значительный рост благосостояния как российского, так и турецкого населения. Усилению экономической взаимозависимости двух стран препятствуют и различные региональные и международные события, затрагивающие проблему безопасности. Так, например, хотя Турция и Россия занимаются совместным поиском решения для мирного урегулирования сирийского кризиса, их взгляды на будущее президента Сирии Б. Асада и курдской Партии демократического единства (PYD) по-прежнему различаются.

Как было верно подмечено в работе З. Ониша и Ш. Йылмаза, партнерства, для которых характерна асимметричная взаимозависимость, ограничивают переговорные возможности более слабой стороны⁵⁴. В случае российско-турецких отношений укрепление экономических связей очевидно привело к усилению позиции России за счет ослабления возможностей Турции. Как уже разяснялось выше, санкции, введенные Россией после инцидента с бомбардировщиком, лишь подчеркнули асимметричный характер экономического сотрудничества между двумя странами. В то же время в условиях ухудшения российских отношений со странами Запада и Украиной Россия нуждается в Турции как в надежном партнере в сфере энергетики. Именно это стало одной из тех причин, по которым кризис, возникший после трагедии со сбитым самолетом, был урегулирован в течение всего лишь семи месяцев, несмотря на изначальную ярость и негодование правительств двух стран.

Что могут сделать Россия и Турция для того, чтобы придать новый импульс экономическому сотрудничеству и предотвратить ситуации, при которых разногласия по стратегическим вопросам негативно отражаются на экономических отношениях? Наиболее простым и очевидным решением может показаться возврат к разделению системы двусторонних отношений на отдельные блоки, но, как недавно отметил Э. Эршен, значительные разногласия России и Турции по поводу Крыма и Сирии продемонстрировали, что подобная стратегия, характерная для отношений двух стран в 2000-х гг., сегодня утратила жизнеспособность⁵⁵.

⁵⁴ Tsarouhas D. The political economy of Greek–Turkish relations // Southeast European and Black Sea Studies. 2009. Iss. 1-2. p. 88.

⁵⁵ Erşen E. Turkey-Russia relations in the 2000s: problems of the strategy of commodification (тип. 2000'li Yıllarda Türkiye-Rusya ilişkileri: Kompartımanlaştırma Stratejisinin Sorunları) // Özcan, Bata, Beşgül (eds.). The dynamics in Turkey and Russia's relations: the neighborhood with doubt (Türk. Türkiye ve Rusya ilişkilerinde De işen Dinamikler: Kuşku ile Komşuluk, Fatih). İstanbul, İletişim Yayınları. 2017. pp. 147-161.

Международная экономическая деятельность России и Турции в значительной степени зависит от глобальной экономико-политической конъюнктуры. Взлеты и падения в российско-турецких отношениях являются наглядным свидетельством того, что определяющим фактором для устойчивой экономической взаимозависимости в будущем будет оставаться политика. Ввиду преобладающей роли политики в экономической сфере необходимо прилагать усилия для укрепления двусторонних политических связей с помощью таких механизмов, как Совет сотрудничества высшего уровня между Россией и Турцией. Помимо этого, несмотря на все трудности, вызванные действующими и замороженными конфликтами в регионе, обеим странам следует вновь попытаться восстановить роль ОЧЭС в качестве платформы для совместных инвестиций и торговли в регионе.

Кризис в отношениях двух стран после инцидента с российским бомбардировщиком стал важным уроком для Турции с точки зрения выработки внешнеполитической стратегии страны. В настоящее время экономическая взаимозависимость двух стран дает преимущества России в силу особенностей структур российской и турецкой экономик. Как уже пояснялось выше, эти структурные различия влияют как на инвестиции, так и на торговлю, однако в долгосрочной перспективе диверсифицированный характер турецкой экономики может способствовать выравниванию баланса экономических связей в пользу Турции. В то же время совершенно очевидно, что на данном этапе Турции следует пересмотреть свою внешнеторговую стратегию по отношению к России в целях снижения собственной уязвимости. Еще одной целью для Турции должно стать наращивание прямых инвестиций в российскую экономику с особым упором на те отрасли, которые обеспечивают более высокую добавленную стоимость. Трудоустройство значительного числа российских граждан позволит турецким компаниям, действующим на рынке РФ, нарастить уровень своего влияния в России и ослабить возможности российских властей по ограничению их экономической деятельности в будущем. Турция рискует понести существенные экономические убытки в случае возникновения разногласий с Россией по тем или иным стратегическим вопросам. Экономика Турции обречена на уязвимость до тех пор, пока основными статьями экспорта на российский рынок остаются готовые изделия, произведенные с использованием технологий среднего уровня, продовольственные товары и овощи, а основными статьями импорта из РФ – природный газ и нефтепродукты. В связи с этим правительству Турции следует сосредоточить усилия на диверсификации поставщиков энергоносителей и одновременно продолжать извлекать выгоду из своей геополитической значимости для России как пути сбыта российских природных ресурсов. При этом ключевой целью турецкой внешнеэкономической стратегии должна оставаться разработка долгосрочного плана по привлечению инвестиций в высокотехнологичные отрасли, которые в конечном итоге повысят добавленную стоимость турецкой экспортной продукции. Подобная стратегия позволит снизить не только уязвимость Турции перед внешними потрясениями, но и хронический дефицит платежного баланса.

Россия и Турция: перезагрузка экономического партнерства

Нигяр
МАСУМОВА

Введение

Экономическое сотрудничество между Россией и Турцией охватывает такие сферы, как торговля, туризм, строительство и энергетика. Ввиду того, что Турция является южным соседом России, очень важно развивать не только политическое сотрудничество двух стран, но и их взаимодействие в области экономики, в особенности в сфере промышленности, транспорта, сельского хозяйства и строительства. Кроме того, большое значение имеет поддержание сбалансированных двусторонних связей между Анкарой и Москвой в контексте нестабильной геополитической обстановки, кризисов в регионе общего соседства и текущих проблем в мировой экономике.

И Россия, и Турция играют значительную роль как в региональной, так и в глобальной экономике. Россия в настоящий момент занимает шестое место среди крупнейших экономик мира, а Турция – 13-е (по ВВП, рассчитанному по ППС)⁵⁶. Государства также являются стратегическими партнерами и поддерживают друг с другом тесные экономические связи, активное развитие которых началось в 1990-х гг.

На долгосрочные перспективы экономического взаимодействия между двумя государствами влияет несколько политических факторов. Серьезные политические проблемы, возникавшие между Турцией и Россией на протяжении последних лет, отрицательно сказались на развитии их экономических отношений. Тем не менее оба государства осознали необходимость срочного преодоления политических разногласий в связи с высоким уровнем нестабильности геополитического и экономического баланса в своем регионе. Устойчивое экономическое развитие и процветание России и Турции зависят от их способности найти решения по существующим двусторонним политическим вопросам.

Исторический контекст

Прежде чем анализировать текущее состояние российско-турецких экономических отношений, необходимо учесть некоторые исторические факторы, повлиявшие на формирование взаимодействия между двумя государствами до распада СССР.

В советские времена экономические отношения Анкары и Москвы были весьма сложными. До официального объявления Турецкой Республики советская власть оказывала финансовую и военную помощь движению за не-

⁵⁶ Worldbank Data. 09.04.2018. URL: <http://databank.worldbank.org>

зависимость в Анатолии во главе с Мустафой Кемалем⁵⁷. После провозглашения Турецкой Республики Великим национальным собранием в 1923 г. СССР вновь предоставил Анкаре финансовую помощь в виде кредита на 8 млн долл. Этот кредит под низкий процент, выданный сроком на 20 лет, позволил ослабить воздействие бремени долгов, оставшихся со времен Османской Империи, на турецкую экономику, и был использован Турцией для финансирования инфраструктурных проектов, а также для закупки и производства вооружений.

Результатом экономического сотрудничества между СССР и Турцией стали текстильные комбинаты в Назилли и Кайсери, построенные в период с 1933 по 1936 гг.⁵⁸ Позднее, по окончании строительства, они были переданы государственной компании “Sümerbank”. Кроме того, Москва поставляла в Турцию товары и услуги, осуществляла передачу технологий. В конце 1950-х гг. в городе Чайырова был возведен стеклотавод, также с привлечением советского кредита. Однако впоследствии экономическое сотрудничество между Турцией и СССР пошло на спад по причине разницы политических курсов, принятых государствами. Советско-турецкие экономические отношения начали восстанавливаться только в период с 1960 по 1970 гг. благодаря трансформации экономической политики Турции и изменению отношения к иностранным инвестициям⁵⁹.

Когда основным источником инфраструктурного развития в Турции стал иностранный капитал, с Москвой было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. Это произошло в 1967 г. Турция получила кредит на 200 млн долл. на строительство металлургических предприятий в городе Искендерун, алюминиевого завода в городе Сейдишехир, нефтеперерабатывающего завода в городе Алиага и завода по производству серной кислоты в городе Бандырма⁶⁰. Советские инвестиции помогли Турции удовлетворить внутренний спрос и вывезти свои товары и услуги на иностранные рынки. Соглашение от 1967 г. также предусматривало программы сотрудничества в сфере образования, науки и профессиональной подготовки.

Российско-турецкие экономические отношения в новую эпоху

За последние несколько десятилетий социальные и экономические модели России и Турции претерпели серьезные изменения. В начале 1980-х гг. Турция взяла курс на построение современной экономической системы и встала на либеральный путь развития. Сегодня Турция считается региональным лидером и одной из наиболее развитых в экономическом плане стран мусульманского мира – преимущественно благодаря ее тесным свя-

⁵⁷ Гасанлы Джамиль. СССР-Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М.: Центр Пропаганды. 2008. с. 11.

⁵⁸ Киреев Н. Г. История Турции: XX век. М.: Крафт. 2007. С. 201–213.

⁵⁹ Киреев Н. Г. История этатизма в Турции. М.: Наука. 1991. С. 145, 181.

⁶⁰ Там же.

зиям с европейским рынком и стремлению стать полноправным членом ЕС в будущем. Эти достижения также во многом обусловлены успешными рыночными реформами и внедрением ориентированной на экспорт модели развития. Положительные темпы роста ВВП, качественное изменение отраслевой структуры экономики, всестороннее развитие и поощрение экспорта способствовали увеличению объемов внешней торговли, изменению структуры и географии экономики⁶¹.

Россия же с распадом СССР выбрала путь радикальных реформ, направленных на смену экономической модели с социалистической на рыночную капиталистическую. Поначалу эта резкая смена курса привела к экономической катастрофе и значительному снижению макроэкономических показателей в 1990-х и начале 2000-х гг. Лишь в 2007 г. России удалось достичь показателей ВВП докризисного периода.

Однако, несмотря на наблюдаемый экономический рост, в российской экономике до сих пор велика доля добывающей промышленности, оптовой и розничной торговли и операций с недвижимостью, в то время как доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей довольно мала.

Распад СССР способствовал более тесному сотрудничеству между Россией и Турцией в различных областях экономики, подняв развитие двусторонних связей на качественно новый уровень развития. Россия стала одним из крупнейших инвесторов в экономику Турции и одним из ее ключевых торговых партнеров. Расширяется сотрудничество по многим направлениям внешнеэкономической деятельности, включая обмен научными знаниями и технологиями, туризм, иностранные инвестиции и торговлю, что соответствует стратегическим интересам обоих государств.

За последнее время Анкара и Москва подписали большое количество двусторонних соглашений по стимулированию и поддержке экономического сотрудничества. Первый документ – договор 1992 г. об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики – способствовал углублению политического, экономического и культурного взаимодействия между двумя государствами. Новым толчком к построению двусторонних связей стал первый официальный визит российского президента Владимира Путина в Турцию в 2004 г., а также подписание сторонами совместной декларации об углублении дружбы и многопланового партнерства. Наиболее важный этап двусторонних экономических отношений начался в 2009 г. с учреждением российско-турецкого Совета сотрудничества высшего уровня. Этот совет продолжил работу, начатую межправительственной Российско-Турецкой комиссией по торгово-экономическому сотрудничеству.

Период с 2004 по 2015 гг. характеризовался развитием экономического сотрудничества между двумя правительствами. Однако инцидент со сбитым бомбардировщиком, произошедший в 2015 г., нанес значительный урон рос-

⁶¹ Масумова Н. Р. Особенности социально-экономического развития Турции на рубеже XX–XXI вв. // М.: ИД «Международные отношения». 2015. – 256 с.

сийско-турецким отношениям, обнаружив хрупкость экономических связей между государствами перед лицом политических разногласий.

В настоящий момент экономические отношения между Россией и Турцией открывают для обоих государств новые возможности и ставят перед ними новые вызовы. Россия по уже сложившейся традиции экспортирует в Турцию нефть, газ и металлы и импортирует определенные промышленные товары. В свою очередь, Турция является популярным местом отдыха российских туристов; на текущих строительных проектах в России работает большое количество граждан Турции. Далее мы рассмотрим несколько важных вопросов, касающихся будущего развития экономического сотрудничества между Россией и Турцией.

Турция и Россия: направления экономического развития

Внешняя торговля

Высокая доля экспортной квоты отражает открытость экономики и значимость экспорта для государства. Результатом политики либерализации внешней торговли и стимулирования инвестиций на протяжении последнего десятилетия (с 1995 по 2016 гг.) стало увеличение экспортной квоты Турции за счет обрабатывающей промышленности. В России же экспортная квота была увеличена за счет добывающей отрасли⁶².

Рис. 1. Экспортные квоты России и Турции

Год	Россия			Турция		
	ВВП в текущих ценах, млрд долл.	Экспорт		ВВП в текущих ценах, млрд долл.	Экспорт	
		Млрд долл.	% ВВП		Млрд долл.	% ВВП
1995	395,5	115,8	29,3	169,5	33,7	19,9
2000	259,7	114,4	44,1	273,0	53,1	19,5
2005	764,0	269,0	35,2	501,4	105,4	21,0
2010	1524,9	445,5	29,2	771,9	157,8	20,4
2015	1365,9	391,6	28,7	859,4	200,5	23,3
2016	1283,2	329,9	25,7	857,8	189,2	22,1

Источник: данные Всемирного банка. URL: <http://databank.worldbank.org>.

Анализ торговых отношений между Россией и Турцией за период с 1995 по 2016 гг. показывает стабильный рост объемов торговли, возобновившийся после определенного спада во время глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. (см. таблицу ниже). В настоящее время Турция столкнулась

⁶² Масумова Н. Р. Внешняя торговля как драйвер развития экономики Турции // Вестник МГИМО. № 2/47. 2016. С. 111-117.

с отрицательным сальдо торгового баланса, т. е. импорт из России превысил экспорт преимущественно за счет больших объемов закупок российских энергоресурсов⁶³. В 2016 г. на Россию приходилось 1,2% (2,5% в 2015 г.) турецкого экспорта и 7,6% (почти 10% в 2015 г.) турецкого импорта. Другими словами, на Россию приходилось почти 5% (7% в 2015 г.) внешней торговли Турции, что составляет 16,9 млрд долл. В то же время на Турцию в 2016 г. приходилось 5,5% (6% в 2015 г.) российского экспорта и 1,3% (3% в 2015) российского импорта, что составляет почти 4% торгового оборота России⁶⁴.

В структуре российского экспорта в Турцию преобладают нефть, нефтепродукты, природный газ, уголь, различные металлы и металлические изделия – на указанные категории приходится более чем 70% от общего объема экспорта. Россия импортирует из Турции текстильные изделия, продовольствие, бытовую технику, машины и оборудование. Санкции, введенные Россией в отношении ввоза товаров из Турции в результате кризиса, вызванного уничтожением российского бомбардировщика, затронули 15% турецкого экспорта⁶⁵.

Несмотря на то, что большая часть санкций, введенных Москвой против Анкары, с середины 2016 г. были постепенно сняты, объем торговли восстанавливается очень медленно. Лидеры России и Турции объявили о намерениях достичь объемов двусторонней торговли в размере 100 млрд долл. США, однако это будет возможно только в случае реализации масштабных совместных инвестиционных проектов⁶⁶.

Рис. 2. Товарооборот между Россией и Турцией

Год	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Млрд долл. США	21,0	28,2	37,9	22,6	26,2	30,0	33,3	32,0	31,2	24,0	16,9	22,3

Источник: Институт статистики Турции. URL: <http://www.turkstat.gov.tr>.

Военное сотрудничество

Важная сфера российско-турецкого экономического сотрудничества связана с военно-техническими вопросами. В частности, быстрому сближению двух стран в данной области способствовал сирийский кризис. Что особенно важно, Анкара приняла решение о приобретении российских зенитных ракетных комплексов С-400 и уже внесла за них авансовый платеж. Стоимость контракта составляет более 2 млрд долл., начало поставки первых компонентов комплекса С-400 в Турцию ожидается в мае-июне 2020 г.

⁶³ Özer A. C. Turkey's foreign trade and new markets for Turkey. Global perspectives on trade integration and economies in transition // Hershey. IGI Global. 2016. pp. 147-165.

⁶⁴ Turkish statistical institute. 06.04.2018. URL: <http://www.turkstat.gov.tr>

⁶⁵ Масумова Н. П. Современное состояние торгово-экономических связей России и Турции // РСМД. 15.12.2016. URL: http://russiancouncil.ru/en/analitics-and-comments/analitics/sovremennoe-sostoyanie-torgovo-ekonomicheskikh-svyazey-rossii/?sphrase_id=10163904

⁶⁶ Russian Envoy Anticipates \$100 Billion Trade with Turkey // Daily Sabah. 28.08.2017. URL: <https://www.dailysabah.com/economy/2017/08/28/russian-envoy-anticipates-100-billion-trade-withturkey>

В 2021 г. поставка будет продолжена. Анкара планирует профинансировать 55% сделки на основе российского кредита⁶⁷.

Турция станет первой страной – участницей НАТО, закупившей российский комплекс С-400. Одновременно российские и турецкие вооруженные силы ведут работу над совершенствованием сотрудничества и коммуникации, что позволит впредь избегать в двусторонних отношениях таких инцидентов, как уничтожение российского бомбардировщика. В связи с этим ожидается углубление военного и технического сотрудничества между двумя сторонами.

Снятие запрета на ввоз турецкой продукции

Запрет на ввоз в Россию турецких томатов частично снят, однако стороны по-прежнему ведут переговоры по этому вопросу. В настоящее время Москва разрешает экспорт 50 тыс. т томатов в год лишь восьми турецким предприятиям, так как сельскохозяйственный сектор является одной из наиболее чувствительных сфер российской экономики и после введения санкций против Турции производство томатов в России резко увеличилось. Тем не менее обе стороны надеются в будущем полностью отменить запрет.

Схожим образом в прошлом году Россия также столкнулась с определенными барьерами при экспорте пшеницы в Турцию, которая является вторым по величине покупателем этого российского товара. Развитие отношений между двумя государствами имеет большое значение для рынка пшеницы, так как, будучи одним из крупнейших в мире экспортеров муки, Турция в огромных количествах закупает российское зерно. Кроме того, России требуются покупатели для реализации рекордного урожая пшеницы⁶⁸. В настоящий момент ограничения сняты, но повторение подобных проблем создает постоянное напряжение и подрывает доверие между двумя сторонами.

Энергетика

Высокие темпы экономического роста в Турции в сочетании с увеличением объемов производства электроэнергии с середины 2000-х гг. обусловили высокий спрос на новые объекты инфраструктуры и сырье. Энергетические ресурсы Турции – в особенности нефть и природный газ – очень ограничены, и страна импортирует около 75% от общего объема потребляемой первичной электроэнергии. Почти 38% электроэнергии в Турции производится из природного газа, 29% – из угля, 26% – из гидроисточников и 6% – из возобновляемых источников и отходов⁶⁹.

⁶⁷ Turkey Buys 4 Russian S-400 Systems, Russian Loans to Cover 55% of Costs // Sputnik News. 27.12.2017. URL: <https://sputniknews.com/military/201712271060341881-turkey-buy-russia-s400-loans>

⁶⁸ Russia Faces Hurdles on Food Sales to Key Wheat Customer Turkey // Bloomberg. 09.10.2017. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-10-09/turkey-to-place-additional-hurdles-on-somerussian-food-imports>

⁶⁹ Институт статистики Турции. 21.02.2018. URL: <http://www.turkstat.gov.tr>

Рис. 3. Производство электроэнергии и доли использования различных энергоресурсов

Источник: Институт статистики Турции. <http://www.turkstat.gov.tr>.

С 2000 г. потребление электроэнергии на душу населения в Турции удвоилось (см. ниже). Быстрое развитие экономики стимулировало потребление электроэнергии в промышленно развитых странах. Россия обладает крупнейшими в мире запасами природного газа после Ирана, равные 11,40 трлн куб. футов, что составляет почти 17% от общих доказанных мировых запасов⁷⁰. Именно поэтому сотрудничество между Россией и Турцией имеет под собой твердую основу. В настоящее время танкеры доставляют нефть из российских портов на Черном море на международные рынки через проливы Босфор и Дарданеллы. В свою очередь, Турция является крупным потребителем российского природного газа (вторым по величине после Германии), который транспортируется по двум газопроводам – «Голубому потоку» и Трансбалканскому газопроводу. На сегодняшний день 30% импортируемого газа поступает в Турцию из России⁷¹.

Рис. 4. Потребление электроэнергии в Турции
(кВт · ч на душу населения)

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
1653	1613	1667	1772	1892	2014	2179	2347	2422	2314	2492	2696	2772	2761	2855

Источник: данные Всемирного банка. 2017. URL: <http://www.worldbank.org>

⁷⁰ Statistical Review of World Energy // BP p.l.c. 06.2017. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf>

⁷¹ Министерство энергетики и природных ресурсов. 21.02.2018. URL: <http://www.enerji.gov.tr>

Трубопровод «Турецкий поток»

Во время официального визита российского президента Владимира Путина в Анкару 1 декабря 2014 г. Газпром и турецкая компания “Botas Petroleum Pipeline Corporation” подписали меморандум о взаимопонимании по строительству морского газопровода из России в Турцию через Черное море. Газпром получил разрешения органов власти Турции на реализацию проекта, в том числе первое разрешение на строительство морского участка и разрешение на проведение изыскательских работ по двум ниткам морского газопровода в исключительной экономической зоне и территориальных водах Турции.

10 октября 2016 г. в Стамбуле было подписано соглашение по проекту «Турецкий поток», предусматривающее строительство двух ниток газопровода из России в Турцию через Черное море, а также одной сухопутной нитки для транзита газа к границе Турции с соседними странами. Строительство газопровода началось 7 мая 2017 г. в Черном море у российского побережья. Планируется, что «Турецкий поток» будет выведен на сушу в европейской части Турции в районе населенного пункта Кыйыкёй. Точкой поставки газа для турецких потребителей определен Люлебургаз, для европейских – участок турецко-греческой границы в районе Ипсала⁷².

Проект «Турецкий поток» состоит из двух параллельных ниток газопровода, первая из которых будет полностью удовлетворять внутренний спрос на природный газ в Турции. Эта нитка заменит маршрут, проходящий через Украину и Республику Молдова. Российский газ будет поставляться на европейские рынки по второй нитке, однако в отношении ее строительства сохраняется некоторая неопределенность. Это связано с тем, что ЕС пока не подтвердил ее окончательный маршрут. Переговоры между Россией и ЕС по этому вопросу продолжаются.

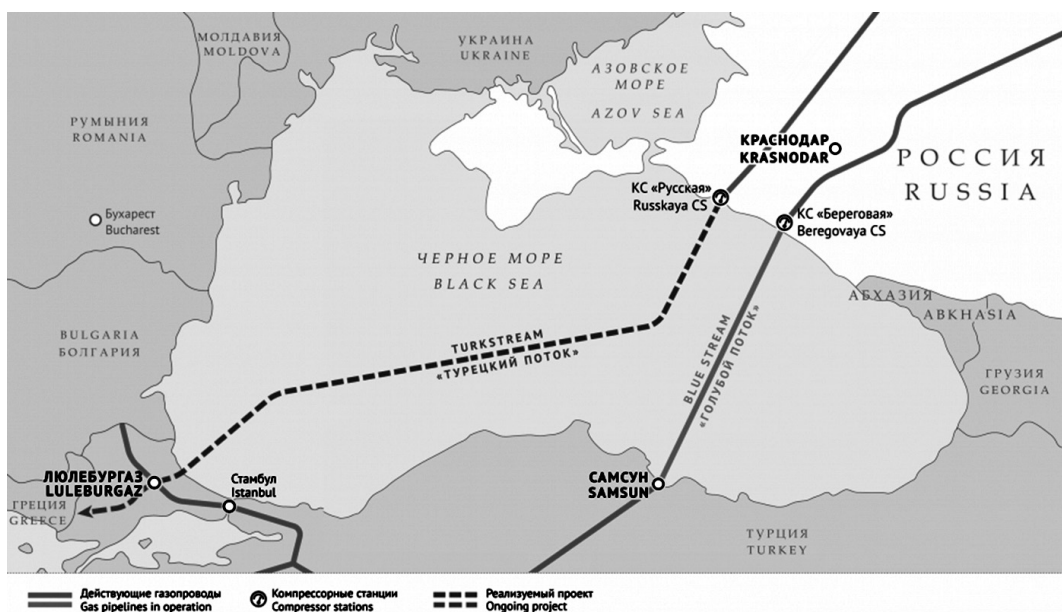
23 июня 2017 г. была осуществлена стыковка мелководной и глубоководной части газопровода «Турецкий поток» и начата укладка глубоководной части. К середине октября 2017 г. было проложено суммарно 373 км по двум ниткам морского участка газопровода⁷³.

Проект по строительству газопровода «Турецкий поток» имеет стратегическое значение как для России, так и для Турции. Даже после ухудшения отношений между двумя государствами в результате инцидента со сбитым российским бомбардировщиком реализация этого масштабного энергетического проекта продолжалась без остановок; впоследствии именно этот проект стал одним из главных факторов нормализации отношений между двумя странами. Причиной тому – существующая и у России, и у Турции потребность в диверсификации маршрутов поставки природного газа. России необходимо обеспечить стабильный экспорт на европейский рынок и избежать рисков, связанных с транспортировкой газа по украинско-

⁷² Масумова Н. Р., Васильева Е. А. Турция: новый центр распределения энергоресурсов в Евразии // Трубопроводный транспорт: теория и практика. 2015. № 5/51. С. 52–55.

⁷³ TurkStream // Gazprom Export. URL: <http://www.gazpromexport.ru/en/projects/>

Рис. 5. Схема газопровода «Турецкий поток»

му маршруту, а цель Турции заключается в обеспечении энергетической безопасности. Кроме того, согласно Энергетической стратегии Турции, газопровод «Турецкий поток» превратит Турцию в газоторговый узел региона⁷⁴.

АЭС «Аккую»

Россия и Турция сотрудничают и в сфере атомной энергетики. Первая в Турции атомная электростанция будет построена в г. Аккую, оценочный объем инвестиций в проект составит 22 млрд долл.⁷⁵ Строительство АЭС «Аккую» осуществляется государственной корпорацией «Росатом» в южной провинции Мерсин на средиземноморском побережье. Проект предусматривает сооружение четырех энергоблоков мощностью по 1200 МВт со сроком службы 60 лет⁷⁶.

Проект «Аккую» представляет большую важность как для Анкары, так и для Москвы, поскольку позволит Турции диверсифицировать свои источники энергии, а России – нарастить свой научно-технический потенциал в сфере атомной энергетики. Строительство было начато в конце 2017 г., и официальные лица обоих государств намерены завершить его в 2023 г. – к столетней годовщине провозглашения Турецкой Республики.

⁷⁴ Масумова Н. Р., Васильева Е. А. Россия и Турция: газовый вопрос // Трубопроводный транспорт: теория и практика. № 1/ 53. 2016. С. 45–47.

⁷⁵ Эрдоган и Путин запустили строительство АЭС «Аккую» в Турции // РБК. 03.04.2018. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/04/2018/5ac387ee9a79472a4f288a66>

⁷⁶ Аватков В. А., Лихачев В. Л., Мамедов Р. Ш., Масумова Н. Р., Стародубцев И. И. Российско-турецкие экономические отношения на новом этапе. Доклад №28/2016. — М.: РСМД. 2016. С. 13–14.

Корпорация «Росатом» ведет длительные переговоры о продаже 49% акций АЭС «Аккую» с консорциумом трех турецких компаний – “Cengiz Holding”, “Kalyon Construction” и “Kolin Construction”. Однако, по последним данным, две из них (“Kalyon” и “Kolin”) вышли из переговорного процесса. Условия сделки пока не разглашаются.

Инвестиции и строительство

Главным источником дохода в экономике России остается продажа нефти, и именно это стало причиной ее быстрого роста в начале 2000-х гг., когда цена на сырую нефть была высокой. В этот период российский капитал искал возможности для вложения в том числе в Турции, и за последние 10 лет в инвестиционном сотрудничестве двух государств произошел настоящий прорыв⁷⁷.

Российские прямые инвестиции направлялись в сферу промышленности (металлургия, энергетика и т. д.) и услуг (туризм, банковская деятельность и т. д.)⁷⁸. По данным платежного баланса Турции за 2016 г., на Россию приходится 6% всех прямых иностранных инвестиций и менее 1% исходящих внешних инвестиций. В марте 2017 г. стороны подписали меморандум об учреждении совместного инвестиционного фонда с капиталом в миллиард долларов, стремясь укрепить двусторонние связи и поток инвестиций.

Предполагается, что фонд будет финансировать крупные проекты в сфере энергетики и оборонной промышленности. Кроме того, он будет содействовать развитию экономического сотрудничества.

Рис. 6. Прямые иностранные инвестиции резидентов за рубежом (млн долл.)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017*
Во всем мире	1065	1677	2275	2604	2040	1823	2542	4335	3226	5234	5242	3114	3177
В России	7	14	50	77	101	74	88	162	107	84	62	10	16

* Промежуточные данные

Источник: платежный баланс Турции за 2018 г. URL: <http://www.tcmb.gov.tr>

Рис. 7. Прямые иностранные инвестиции в Турции (млн долл.)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017*
Во всем мире	8535	17639	19137	14748	6266	6256	16136	10761	9890	8631	12077	7534	7437
В России	1,605	7	108	71	12	2	762	11	875	723	747	723	4

* Промежуточные данные

Источник: платежный баланс Турции за 2018 г. URL: <http://www.tcmb.gov.tr>

⁷⁷ Масумова Н. Р. Особенности формирования инвестиционного климата в Турции // Международная экономика. 2015. № 10. С. 69–75.

⁷⁸ Булатов А. С. Географические аспекты участия России в международном движении капитала // Известия Российской академии наук. 2012. № 2. С. 187–193.

Из уже осуществленных совместных инвестиционных проектов можно привести в качестве примера следующие:

- сделка крупнейшего мирового производителя стали – Магнитогорского металлургического комбината – по приобретению в Искендеруне турецкого завода с собственным портом и доступом к рынку ЕС;
- покупка в 2012 г. Сбербанком, крупнейшим по капитализации банком России, турецкого банка “*Denizbank*” за 3,5 млрд долл. Эта сделка стала крупнейшим приобретением в истории Сбербанка (сейчас ведутся переговоры о продаже этого актива предпринимателям из Катара);
- турецкий «Кредит Европа банк», основанный турецким банком “*Finansbank*”, присутствует на российском банковском рынке с 1994 г.

На протяжении многих лет турецкие компании принимали активное участие в строительстве, реконструкции и ремонте общественных зданий, торговых и офисных центров, отелей, мини-гостиниц и ресторанов, жилых домов, промышленных объектов, больниц и реабилитационных центров, исторических, архитектурных и выставочных комплексов, школ и образовательных учреждений в различных регионах России. По состоянию на июнь 2016 г. турецкими компаниями были реализованы строительные проекты в России общей стоимостью 64 млрд долл., из которых более 3 млрд долл. приходится на проекты, выполненные в рамках подготовки к зимним Олимпийским играм в Сочи. Россия заняла первое место по проектам, реализованным турецкими компаниями за рубежом, с показателем 20%⁷⁹.

Турецкие компании “*ENKA Holding*” и “*Renaissance Construction Company*” осуществляют ряд инвестиционных проектов на территории России. *ENKA* вошла на строительный рынок России еще в эпоху СССР. Она знаменита, в частности, успешно проведенной реконструкцией зданий Госдумы и Петровского пассажа. Компания также владела сетью торговых центров «Рамстор». *Renaissance Construction*, одна из крупнейших строительных компаний в мире, была основана в Санкт-Петербурге в 1993 г. турецким предпринимателем.

В Турции также действует несколько нефтяных компаний. Деятельность ПАО «ЛУКОЙЛ» на турецком рынке началась в 1998 г. с бункеровочного бизнеса. После получения дистрибьюторской лицензии компания приняла решение об активном продвижении на розничном рынке топлива. Первая АЗС «ЛУКОЙЛ» в Турции открыта в 2006 г., а уже к концу 2007 г. количество АЗС достигло 70. На конец 2015 г. сеть АЗС «ЛУКОЙЛ» в Турции насчитывала 610 станций. Доля на розничном рынке моторного топлива составила 5%. В настоящий момент на территории Турции компания осуществляет деятельность по следующим направлениям: оптовая и розничная реализация нефтепродуктов и газовой продукции, авиационного топлива, а также масел и продуктов нефтехимии⁸⁰.

⁷⁹ Kelkitli F. A. Turkish-Russian Relations: Competition and Cooperation in Eurasia. New York, Routledge. 2017. 146 pp.

⁸⁰ LUKOIL in the Republic of Turkey // LUKOIL.

URL: <http://www.lukoil.com/Company/BusinessOperation/GeographicReach/Asia/LUKOILinTurkey>

Турецкие работники участвуют в строительстве объектов спортивной, туристической и дорожно-транспортной инфраструктуры, которую необходимо было возвести в том числе к Чемпионату мира FIFA по футболу в 13 принимающих городах России: Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Ярославле, Нижнем Новгороде, Саранске, Казани, Екатеринбурге, Самаре, Волгограде, Краснодаре, Сочи и Ростове-на-Дону. Объем инвестиций, необходимых для строительства одних только стадионов в соответствии с требованиями FIFA, оценивается турецкой стороной в 3,8 млрд долл. США⁸¹.

Российские строительные компании также ведут подрядную деятельность в Турции, однако область их деятельности более ограничена и сконцентрирована преимущественно на инфраструктурных работах, а также строительстве и реконструкции промышленных объектов. Компания «Технопромэкспорт» принимала участие в строительстве ТЭС «Орханели». В 1998 г. компания «Техностройэкспорт» в сотрудничестве с турецкой компанией «Erg Insaat» и швейцарскими компаниями «ABB», «Sulzer Hydro», «Hydro Vevey» и «Stucky» вела строительство ГЭС «Деринер» вблизи от черноморского города Артвин. Кроме того, «Техностройэкспорт» и турецкая компания «Tekser» совместно провели электрификацию турецких железных дорог, а также осуществили строительство мостов и плотин.

Туризм

Турция является одним из любимых направлений отдыха россиян, которые до 2015 г. составляли 10% всех посетивших страну туристов. Однако еще до запрета туристических поездок и чартерных перелетов в ноябре 2015 г. поток туристов из России уменьшился и, по данным на 2015 г., снизился до 3,7 млн человек. Проанализировав данные за январь–август 2015 г. и за тот же период 2016 г., мы наблюдаем колоссальный спад количества туристов из России – с 2,6 млн до 0,3 млн человек. А как известно, денежные поступления от туризма (которые составляют почти 20% от общего экспорта Турции) имеют большое значение для успешного развития экономики Турции, в том числе для оптимизации платежного баланса.

С момента принятия Россией решения о снятии запрета ситуация изменилась. Из таблицы ниже следует, что с января–августа 2017 г. количество туристов из России в Турции резко увеличилось до 3,1 млн человек, или около 15% от общего числа туристов. По словам официальных лиц, количество российских туристов в Турции достигло «исторической отметки», и турецкие курорты вернули себе статус любимого места отдыха российских туристов⁸². Безвизовый режим, высокое качество услуг, низкие цены и благоприятный климат продолжают привлекать российских туристов в Турцию.

⁸¹ Аватков В. А., Лихачев В. Л., Мамедов Р. Ш., Масумова Н. Р., Стародубцев И. И. Российско-турецкие экономические отношения на новом этапе. Доклад №28/2016. – М.: РСМД. 2016. С. 21.

⁸² Turkey Eyes Record Number of Russian Tourists Next Year // Daily Sabah. 06.12.2017.
URL: <https://www.dailysabah.com/tourism/2017/12/07/turkey-eyes-record-number-of-russian-tourists-next-year>

Одним из наиболее чувствительных вопросов в российско-турецких отношениях является приостановление безвизового режима для граждан Турции. Однако по прогнозам экспертов, этот вопрос будет решен одновременно с урегулированием сирийской проблемы. Кроме того, Россия ввела запрет на наем турецких работников компаниями, работающими в России, за исключением тех, которые принимают участие в строительстве объектов Чемпионата мира по футболу 2018 г. Запрет начал действовать с 1 января 2016 г. как часть российских санкций против Турции и продлился около года. В этот период многим турецким компаниям пришлось покинуть российский строительный сектор. Однако после нормализации отношений стороны объявили об упрощении процесса выдачи виз и об их отмене, в особенности для представителей деловых кругов. В марте 2017 г. Россия также отменила ограничения в отношении турецких компаний, работающих в России, и найма турецких работников.

Рис. 8. Количество туристов, посещающих Турцию (млн)

Гражданство	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ГЕРМАНИЯ	1,6	2,2	4,1	4,4	4,8	5,0	5,0	5,3	5,6	3,9	3,6
ВСЯ ЕВРОПА	4,5	6,7	14,0	16,6	18,2	18,3	18,8	19,5	19,2	13,3	13,2
РОССИЯ	–	0,7	1,9	3,1	3,5	3,6	4,3	4,5	3,7	0,9	4,7
СТРАНЫ СНГ	1,2	1,3	3,4	6,0	6,6	7,2	8,6	8,8	8,1	5,6	10,5
ИТОГО	7,2	10,0	20,5	28,5	31,3	31,3	33,8	35,9	35,6	25,3	32,1

Источник: платежный баланс за 2017 г. Центральный банк Турецкой Республики. URL: <http://www.tcmb.gov.tr>

Заключение

Экономические связи России и Турции после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. только к 2013 г. встали на путь постепенного восстановления. Однако в полной мере достигнуть докризисных показателей не удалось в основном по причине замедления мировой экономики. Серьезным испытанием на прочность отношений России и Турции стал инцидент со сбитым бомбардировщиком и последовавшие за ним санкции со стороны России, которые коснулись важнейших отраслей экономики Турции. В настоящий момент стороны демонстрируют намерение восстановить прежний уровень отношений. Это положительный сигнал, поскольку в современных глобальных экономических условиях любые ограничительные меры оказывают отрицательное влияние на национальные экономики. Кроме того, сближению сторон способствуют такие масштабные инфраструктурные проекты, как газопровод «Турецкий поток» и АЭС «Аккую». Сотрудничество в сфере энергетики является наиболее важным фактором укрепления нормализации политических и экономических связей между двумя странами.

Россия и Турция имеют ряд общих политических интересов. Можно предположить, что Россия использует проект «Турецкий поток» как инструмент давления на западных партнеров в «санкционной войне», а Турция же, в свою очередь, в зависимости от ее отношений с европейскими коллегами – как средство для того, чтобы выторговать у России более выгодные условия по поставкам газа. Мы также видим, что после снятия российских санкций важная для турецкой экономики туристическая отрасль начинает восстанавливаться, и количество российских туристов в Турции быстро растет.

С момента снятия ограничительных мер в отношении сельхозпродукции из Турции Анкара стремится вновь отвоевать потерянные позиции на российском рынке. В то же время деловым кругам обеих стран необходимо восстановить доверие друг к другу, так как затянувшаяся неопределенность может привести к долгой паузе в инвестиционном сотрудничестве. Это особенно важно для России в условиях действующих против нее экономических санкций со стороны Запада.

Раздел 3

**БЕЗОПАСНОСТЬ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
И В ЧЕРНОМ МОРЕ**

Россия и Турция: подходы к региональной безопасности на Ближнем Востоке

Руслан
МАМЕДОВ
Григорий
ЛУКЬЯНОВ

Введение

Трансформационные процессы, развернувшиеся в арабском мире в начале 2010-х гг., вынуждают Россию и Турцию искать новые подходы к внешней политике на Ближнем Востоке. Задача, которую ставят перед собой авторы настоящей статьи, заключается в определении влияния внешнеполитических подходов России и Турции в этом регионе на отношения между Москвой и Анкарой. Задача эта не только исключительно актуальна сегодня (и останется таковой в течение ближайших лет), но и весьма обширна и амбициозна. Таким образом, авторы сосредоточились на четырех основных аспектах: терроризме, ядерном оружии, сирийском кризисе и архитектуре безопасности Ближневосточного региона.

В начале 2010 г. Россия и Турция придерживались разных взглядов на ситуацию в регионе. Однако определенная степень политического участия в ситуации на Ближнем Востоке и расширение двустороннего сотрудничества в других областях позволяли двум странам избежать открытого конфликта. По мере роста факторов риска, исходящих от Ближневосточного региона (международный терроризм, кризис государственности, угроза распространения и/или использования оружия массового поражения), рос и интерес России и Турции к этому региону – ведь и Москва, и Анкара были вынуждены реагировать на множасьщиеся угрозы их безопасности. Однако недостаточная конструктивность диалога между двумя влиятельными политическими игроками не позволила им согласовать интересы и выработать общий подход к региональной безопасности, что привело к инциденту на турецко-сирийской границе 24 ноября 2015 г. В связи с этим вновь стал актуальным вопрос об уровне отношений между Россией и государствами – членами НАТО. Конфликт, прозванный в западной прессе «jet crisis» – «кризис (из-за сбитого) самолета», – вкупе с попыткой государственного переворота, предпринятой в Турции в 2016 г., имел огромное значение для Турции как участника Североатлантического альянса.

На сегодняшний день российско-турецкий кризис урегулирован, двусторонние отношения восстановлены. Нормализация этих отношений потребовала пересмотра подходов к региональным стратегиям и продемонстрировала необходимость открытого диалога между сторонами. Теперь Москва и Анкара согласуют друг с другом свою региональную политику и стараются проявлять гибкость, чтобы избежать конфликтных ситуаций. Россия и Турция располагают значительным потенциалом для принятия совместных мер, направленных на стабилизацию обстановки в регионе, равно как и для участия в построении новой системы региональной безопасности.

Терроризм как угроза национальной и глобальной безопасности

Внутренний и международный терроризм являются одной из главных проблем для сферы безопасности и России, и Турции. Что касается России, для нее крайне важной с середины 1990-х гг. остается борьба с экстремистскими группировками, действующими на Северном Кавказе – главным образом в Чечне и Дагестане. Несмотря на успешное завершение Второй чеченской кампании и проведение контртеррористической операции на Северном Кавказе в 2009 г., результатом которых стало восстановление Москвой контроля над всей территорией Чечни и Дагестана, некоторые местные террористические группировки продолжают свою деятельность в регионе, сохраняя связи с международными исламистскими террористическими группами⁸³. После референдума, результатом которого стало присоединение Крыма и Севастополя к России в 2014 г., некоторые ассоциации украинских и крымско-татарских националистов и других групп активизировали свою деятельность, что было расценено российскими официальными структурами как терроризм⁸⁴.

Занимаясь борьбой с внутренним терроризмом в обоих регионах, российские правоохранительные органы постоянно сталкиваются с необходимостью сотрудничества с турецкими службами безопасности. Причина заключается в исторически тесных культурно-религиозных связях между Турцией и народами, населяющими южные регионы России. Несмотря на наличие определенного конфликтного потенциала, эти связи открывают и перспективы конструктивного развития отношений в духе взаимного уважения и понимания в интересах обеих сторон.

После распада СССР Россия всегда была бескомпромиссна по отношению к терроризму – отказывалась признавать его законным и легитимным методом политического протеста в мире в целом и в Турции в частности. Соответственно, несмотря на тот факт, что в России проживает весьма значительная часть курдской общины, Москва никогда не признавала такие организации, как Рабочая партия Курдистана (РПК), и не поддерживала их в случаях, когда главным инструментом достижения заявленных целей становился терроризм. В то же время Россия официально не признаёт РПК террористической организацией, несмотря на соответствующие запросы со стороны Турции. Основная причина заключается в том, что Россия рассматривает организацию как террористическую, только если эта организация представляет угрозу для России и действует на её территории. С другой стороны, уважение к территориальной целостности и суверенитету Турции было и остается неизменным и важнейшим принципом внешней политики России. В отличие от СССР, для которого краеугольным камнем внешней политики была коммуни-

⁸³ Авдеев Ю. Современный международный терроризм: Новые угрозы и актуальные вопросы противодействия // Актуальные проблемы Европы. М.: Институт Европы Российской академии наук. Москва, 2003. С. 17.

⁸⁴ Полуостров без экстремизма: ФСБ пресекла деятельность ячейки «Хизб ут-Тахрир» в Крыму // RT. 11.10.2017. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/438606-fsb-hizb-ut-tahrir-krym>

стическая идеология, Россия строит свои взаимоотношения с Турцией и другими странами Ближнего и Среднего Востока с позиций прагматизма и стремится адекватно реагировать на реальные проблемы и угрозы безопасности – как конвенциональные, так и неконвенциональные.

На рубеже XX и XXI вв. одной из самых значительных неконвенциональных угроз безопасности стал международный терроризм. Сетевым организациям типа Аль-Каиды под силу преодолевать межэтническую рознь, ранее препятствовавшую объединению террористических ячеек даже в тех случаях, когда они преследовали одни и те же или схожие цели. Такого рода организации, провоцируя и поддерживая социально-экономическую и военно-политическую нестабильность (оптимальное для них положение вещей), противостоят традиционным национальным государствам и бросают вызов монополии последних на насилие и защиту граждан как на локальном, так и на глобальном уровне. Взаимовыгодное многоуровневое сотрудничество между Россией и Турцией в борьбе сначала с Аль-Каидой, а затем, в 2016–2017 гг., с так называемым ИГ стало прецедентом прагматического подхода к решению ряда общих проблем.

Несмотря на многочисленные противоречия, накопившиеся в течение нескольких последних десятилетий, а также на регулярные кризисы взаимного доверия, Россия и Турция имеют весьма солидный опыт совместных действий в сфере борьбы с терроризмом. На фоне взаимной критики существовали и примеры сотрудничества, вызванного необходимостью, и единства в понимании проблемы⁸⁵. В начале 2000-х гг. Москве и Анкаре удалось достигнуть согласия в сфере решения внутренних проблем, исходящих, соответственно, от чеченских и курдских сепаратистов, и найти ответ на вызов терроризма, регулярно появлявшийся на повестке дня⁸⁶. Такие успехи объяснялись прежде всего экономическим ростом, имевшим место в 2000-х гг. в обеих странах и стимулировавшим резкое увеличение объемов двусторонней торговли.

Ситуация стала ухудшаться в 2010 г. в связи с последствиями глобального экономического кризиса и под влиянием трансформационных процессов в арабских странах – в том числе социально-политических беспорядков так называемой арабской весны. Турция, значительно глубже вовлеченная в региональные процессы и имеющая общую границу с двумя арабскими государствами, оказалась перед лицом гораздо большей опасности и была вынуждена гораздо активнее реагировать на происходящее в арабском мире. Приняв в 2011 г. сторону сирийской оппозиции, Анкара потеряла контакты с официальным сирийским правительством. Следующее серьезное ухудшение ситуации имело место на южных границах Турции и было связано с политическими процессами в Ираке – с радикализацией населения страны и расширением территорий, контролируемых террористической организацией ИГ. Кроме того, летом 2015 г. обострилась конфронтация меж-

⁸⁵ Ekinci D. *Russia-Turkey Relations (1991-2016): Diverging Interests and Compelling Realities*. Cham, Springer, 2017. P. 159.

⁸⁶ Tanrisever O. *Turkey and Russia in Eurasia*. Cambridge, London, MIT Press, 2004. P. 148.

ду РПК и турецкими силами национальной безопасности. Всё это имело негативные для Турции последствия.

На этом фоне политика России на Северном Кавказе в течение того же периода не претерпела радикальных изменений – роль Чечни во внутренней и внешней политике страны фактически возросла. В контексте сирийского кризиса и начала активной фазы российской военной операции в Сирии (сентябрь 2015 г.) так называемый чеченский фактор стал весьма эффективным инструментом российской внутренней и внешней политики (на Ближнем Востоке и в Северной Африке). Участие Чечни в установлении неформальных и официальных связей в разных частях этого региона позволило России решить целый ряд проблем в частности в Ливии, Сирии и Ираке. Используя неформальные внешнеполитические ресурсы Чечни, Россия успешно диверсифицировала свой антитеррористический инструментарий, освоив новые пути участия в урегулировании острых гуманитарных и экономических проблем. Например, учрежденный в 2004 г. в Чечне Фонд Ахмада Кадырова регулярно поставляет гуманитарную помощь в Сирию. Кроме того, после освобождения Алеппо в декабре 2016 г. в составе правоохранительных и миротворческих сил в Сирии был развернут батальон российской военной полиции, укомплектованный главным образом уроженцами Чечни.

И Россия, и Турция официально взяли на себя обязательства по борьбе с международным терроризмом. Однако в отсутствие общего понимания этого феномена (в том числе и на международном уровне) каждое государство пытается выработать собственные критерии и подходы. Так же как и в ряде других областей двустороннего сотрудничества, партнерству между Россией и Турцией в противодействии террористическим угрозам до сих пор недостает твердой институциональной базы, основанной (в рамках данного круга задач) на взаимном стратегическом доверии. При этом, несмотря на разницу в подходах к оценке конкретных международных событий и политических кризисов в третьих странах, Россия относится к внутренним проблемам Турции, а Турция – к внутренним проблемам России как к сугубо внутригосударственным делам, не пытаясь зарабатывать на них очки в политической игре. Такое взаимное дистанцирование может стать той основой, на которой две страны смогут выработать общий подход к пониманию природы терроризма и созданию эффективной стратегии для борьбы с ним.

Ядерное оружие и «мирный атом» на Ближнем Востоке

Тема ядерного оружия не слишком часто упоминается при анализе отношений между Россией и Турцией, но регулярно возникает на повестке в периоды кризисов. В 1950-е гг. прошли переговоры между США и Турцией о развертывании ядерных боеголовок на авиабазе Инджирлик в рамках концепции стратегического сдерживания и обороны НАТО⁸⁷. Факт развер-

⁸⁷ Aybet G. Turkey's Security Challenges and NATO. Brussels, Carnegie Endowment for International Peace. 2012. P. 2.

тивания наступательных тактических ядерных вооружений в Турции в 1961 г. заставил СССР ускорить реализацию собственной программы размещения ядерных боеголовок в непосредственной близости от границ США. Результатом стал Карибский кризис 1962 г., урегулированный благодаря прямым переговорам глав двух сверхдержав. Стороны достигли договоренности о том, что СССР выведет ядерное оружие с Кубы, а США дадут гарантии ненападения на Кубу и выведут ракеты «Юпитер» с территории Турции⁸⁸. Это решение несколько разрядило глобальную напряженность, однако НАТО оставило свои ядерные вооружения в пяти странах, официально не причисляемых к ядерным державам – в Бельгии, Германии, Италии, Нидерландах и Турции⁸⁹. При этом Турция присоединилась к целому ряду международных договоров о нераспространении ядерного оружия и поддержала идею создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке. Анкара подписала договор о нераспространении ядерного оружия 28 января 1969 г. и ратифицировала его в 1980 г.

По окончании конфронтации между Советским Союзом и США многим аналитикам стало ясно, что наличие на территории отдельных стран ядерного оружия продолжает терять смысл⁹⁰. В НАТО начались дебаты на тему будущего ядерных боеголовок в Европе; сомнения вызывала сама целесообразность сохранения военного альянса в условиях, когда «коммунистический противник» перестал существовать. НАТО принялось искать новые «угрозы» и в конечном итоге идентифицировало в качестве таковых несколько ближневосточных государств, в том числе Иран, Сирию и Ирак⁹¹. На фоне распространения на Западе идеи об опасности иранской ядерной программы, и концепции «сдерживания» Ирана многие аналитики, в том числе турецкие, стали склоняться к тому, что ядерное оружие в современных условиях еще не утратило своей политической и военной значимости. Другие эксперты не соглашались с этим, настаивая на контрпродуктивности наличия ядерного оружия у Турции в условиях отсутствия угрозы, требующей «сдерживания», а также неспособности НАТО к эффективному противостоянию новым вызовам⁹².

Ситуация в области обеспечения контроля над ядерными вооружениями начала стремительно ухудшаться в 2000–2010 гг. в результате вторжения возглавляемых США коалиций в Афганистан и Ирак, а также обострения кризисов в ряде национальных государств и усиления напряженности в отношениях между Ираном, Саудовской Аравией и Израилем. По мнению многих наблюдателей, единственной страной в регионе, располагающей ядерным оружием, является Израиль, сам же Израиль не отрицает его наличия.

⁸⁸ Criss N. B. Strategic Nuclear Missiles in Turkey: The Jupiter Affair, 1959-1963 // *Journal of Strategic Studies*. 1997. Vol. 20, No. 3. P. 97.

⁸⁹ Kearns I. Turkey, NATO and Non-Strategic Nuclear Weapons in Europe. London, Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. 2013. P. 3.

⁹⁰ Kibaroglu M. Reassessing the Role of U.S. Nuclear Weapons in Turkey // *Arms Control Today*. 04.06.2010. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/view/31968856/reassessing-the-role-of-us-nuclear-weapons-mustafakibaroglu>

⁹¹ Kearns I. *Op.cit.*

⁹² Kibaroglu M. Reassessing the Role of U.S. Nuclear Weapons in Turkey // *Arms Control Today*. 04.06.2010. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/view/31968856/reassessing-the-role-of-us-nuclear-weapons-mustafakibaroglu>

Несмотря на то, что ядерный арсенал Израиля может служить стране серьезной гарантией безопасности, сам факт его наличия компрометирует идею превращения региона в безъядерную зону⁹³. Возможность распространения ядерного оружия напрямую зависит от идентификации и оценки угроз другими ближневосточными государствами. Именно в ответ на доминирование США на Ближнем Востоке и вторжение Вашингтона в Ирак, а также на отказ Израиля даже от обсуждения имеющегося у него ядерного потенциала Иран принял решение о запуске собственной ядерной программы. Примеру Ирана последовала Саудовская Аравия, аргументировав это тем, что ядерная программа Ирана угрожает ее национальной безопасности. В условиях обострения напряженности на Ближнем Востоке и неоднозначности гарантий безопасности, предлагаемых Саудовской Аравии Соединенными Штатами, первая всё больше склоняется к идее разработки собственного ядерного оружия. Эр-Рияд упрочивает стратегические связи с Исламабадом, располагающим собственным ядерным оружием и возможностями для его создания⁹⁴. Впрочем, на официальном уровне Саудовская Аравия выступает за нераспространение ядерных вооружений.

В сегодняшнем постбиполярном мире Турция может выбрать один из двух вариантов. В опубликованной в 2008 г. статье турецкий аналитик Мустафа Кибароглу отметил, что в интересах страны избавиться от ядерного оружия на ее территориях⁹⁵. Это, по его мнению, будет способствовать созданию атмосферы взаимного доверия в регионе и укреплению международной стратегической стабильности. У противоположной позиции, однако, тоже есть свои сторонники, считающие целесообразным оставить ядерные боеголовки в стране. Они апеллируют к тому, что нынешний статус-кво укрепляет позиции Турции как члена НАТО, несмотря на то, что Вашингтон и Анкара не скрывают недовольство друг другом еще со времен войны в Ираке, т. е. с 2003 г.

Взаимоотношения между США и Турцией напрямую отражаются на риторике обеих стран и их действиях в рамках НАТО – в том числе связанных с ядерным оружием на территории Турции. Напряженность стала нарастать с началом сирийского кризиса – подходы двух стран к борьбе с ИГ со временем расходились всё дальше, увеличивая трещину в отношениях между Вашингтоном и Анкарой. Турцию раздражала поддержка Соединенными Штатами альянса Сирийских демократических сил (СДС), доминирующие позиции в котором занимают курдские отряды народной самообороны (YPG) – боевое крыло партии «Демократический союз» (PYD). Обе организации, как считает Анкара, входят в структуру РПК. Вооруженные формирования YPG установили контроль над крупными приграничными городами в северной части страны, после того как оттуда были выведены правительственные войска⁹⁶.

⁹³ Riedel B., Samore G. *Managing Nuclear Proliferation in the Middle East*. Washington DC, Brookings Institution Press, 2008. P. 95.

⁹⁴ Bahgat G. *A Nuclear Arms Race in the Middle East: Myth or Reality?* // *Mediterranean Quarterly*, Vol. 22, No. 1. 2011. P. 38.

⁹⁵ Кибароглу М., Гюрзел А. Нужно ли Турции американское ядерное оружие? // *Индекс безопасности*. 2008. №3. С. 117–122.

⁹⁶ Okuy A. S. *Turkey's Post-2011 Approach to its Syrian Border and its Implications for Domestic Politics* // *International Affairs*, Vol. 93, No 4. P. 835.

Сдержанная реакция правительств стран Запада на попытку государственного переворота в Турции также привела к ухудшению отношений Турции с США и некоторыми государствами ЕС. Членство страны в НАТО и присутствие на ее территории ядерного оружия вновь стало камнем преткновения. Стали обсуждаться предложения о перемещении ядерных боеголовок из турецкого Инджирлика в другие страны (в том числе в Румынию, хотя позднее эту версию посчитали необоснованными слухами)⁹⁷.

Еще одним очагом напряженности, связанным с распространением ядерного оружия на Ближнем Востоке, является ядерная программа Ирана. Большим шагом вперед стало подписание 14 июля 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) – соглашения между Ираном и группой «5+1». Содержание достигнутых договоренностей отражает позицию России, участвовавшей в переговорном процессе по иранской ядерной программе. Стороны выразили надежду на то, что выполнение СВПД «внесет положительный вклад в обеспечение мира и региональной и международной безопасности». Кроме того, СВПД «отвечает озабоченностям “шестерки”, в том числе посредством всеобъемлющих мер транспарентности и проверки... СВПД приведет к всеобъемлющему снятию всех санкций Совета Безопасности ООН, а также многосторонних и национальных санкций, имеющих отношение к иранской ядерной программе, включая шаги по обеспечению доступа к сферам торговли, технологий, финансов и энергетики». Турция одобрила это соглашение. В заявлении Министерства иностранных дел Турецкой Республики говорится: «Мы надеемся на безоговорочное и полное выполнение СВПД в условиях полной прозрачности под наблюдением Международного агентства по атомной энергии».

На СВПД, вступивший в силу в январе 2016 г., возлагались большие надежды в плане ослабления глобальной политической напряженности. Однако ситуация в регионе практически не изменилась⁹⁸. События в Сирии, Йемене и Ираке, состояние (а де-факто – отсутствие) региональной институциональной инфраструктуры безопасности лишь углубили ближневосточные кризисы и региональные конфликты. Пересмотр администрацией Б. Обамы подхода США к политике в этом регионе (демонстративное дистанцирование Вашингтона от ситуации на Ближнем Востоке) привел к активизации региональных сил. На фоне нежелания США и неспособности региональных властей справиться с новыми проблемами и угрозами Россия (как давний участник региональной политики и член ядерного клуба) получила возможность выйти на региональную арену.

РФ всегда последовательно выступала за нераспространение ядерного оружия и призывала к использованию ядерной энергии во благо гражданского населения. Это подтверждается российскими проектами строительства атомных электростанций (АЭС) в разных регионах мира, в том числе

⁹⁷ Лавров прокомментировал слова Трампа о намерении выйти из ДРСМД // РБК. 22.10.2018. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bcdaa339a79471ed6cccb75>

⁹⁸ Burkhard S. Saudi Arabia's Nuclear Ambitions and Proliferation Risks. Washington DC: The Washington Institute. 2017. P. 36.

на Ближнем Востоке. Так, Россия приняла участие в строительстве первой в этом регионе АЭС, отвечающей требованиям МАГАТЭ, в иранском городе Бушер. Планируется строительство и других атомных энергоблоков в Иране. Кроме того, российская государственная корпорация «Росатом» приступила к строительству АЭС «Аккую» в Турции и АЭС «Эль-Дабба» в Египте. Россия участвует в тендере на строительство АЭС в Иордании, ведет соответствующие переговоры с Саудовской Аравией и уже подписала ряд соглашений с Объединенными Арабскими Эмиратами.

Точно так же как СССР во времена биполярного мира, Россия критикует решение Турции о размещении американских ядерных вооружений на своей территории. Министерство иностранных дел Российской Федерации постоянно требует от США размещения ядерного оружия исключительно на государственной территории, подчеркивая, что Москва уже сделала это и теперь рассчитывает на то, что Соединенные Штаты последуют ее примеру. По информации *Global Research*, США держат в Европе около 200 термоядерных бомб В61. Национальный совет по охране ресурсов США утверждает, что еще примерно 90 бомб В61 размещены в Турции.

Тем не менее Россия сегодня видит в Турции скорее партнера, чем представляющего угрозу противника. За последние два десятилетия эти две страны добились существенного расширения экономического сотрудничества, в том числе в области использования «мирного атома». Именно с Россией Турция подписала контракт на строительство АЭС «Аккую» в провинции Мерсин. АЭС будет возводиться на условиях «строительство – владение – эксплуатация», Росатом, генеральный подрядчик строительного проекта, после завершения строительства возьмет на себя обслуживание и эксплуатацию объекта. Российская госкорпорация планирует сдать в эксплуатацию четыре энергоблока, оборудованных реакторами VVER-1300.

Несмотря на все существующие проблемы, и Россия, и Турция неизменно выступают за нераспространение ядерного оружия и создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке. Обе страны понимают важность использования ядерной энергии в мирных целях и продолжают сотрудничество в этой сфере.

Сирийский кризис

30 сентября 2015 г. в ответ на обращение сирийского правительства началась военная операция Воздушно-космических сил Российской Федерации в Сирии, определяемая Дамаском и Москвой как контртеррористическая; и Анкара, и Москва незамедлительно осознали, что ситуация в Сирии напрямую влияет на отношения двух стран. Путь к пониманию позиций друг друга и поиски компромисса были долгими и непростыми. Результатом несогласованности действий сторон стал инцидент в небе над Сирией 24 ноября 2015 г., когда турецкий истребитель сбил российский военный самолет. Эта трагедия привела к резкому ухудшению российско-турецких отношений и введению Россией экономических санкций против Турции. В то же время Москва значительно расширила помощь сирийскому правительству

в борьбе с терроризмом, подчеркивая необходимость, говоря словами российского МИДа, «полного отмежевания отрядов так называемой „умеренной“ оппозиции от ИГИЛ и [являющейся подразделением „Аль-Каиды“] „Джабхат ан-Нусры“». Однако по мнению российских официальных лиц, это условие не было выполнено; никто из участников процесса урегулирования, поддерживавших оппозиционные группы (включая США), не пожелал выступить гарантом такого отмежевания.

Охлаждение отношений между Москвой и Анкарой имело негативные последствия для обеих сторон. Поскольку США продолжали поддерживать формирование *YPG* на севере Сирии, в позициях турецкого руководства прагматизм взял верх, и Анкара направила в Москву письмо с выражением сожаления об инциденте. В 2016 г. турецкое правительство, возглавляемое новым премьер-министром Бинали Йылдырымом, взяло курс на улучшение отношений с соседними странами и снижение уровня напряженности в них. Турция начала этот процесс с восстановления отношений с Израилем (соответствующие переговоры заняли несколько лет), а затем перешла к урегулированию конфликта с Россией. Внушительные масштабы двустороннего экономического сотрудничества и исторические связи между Россией и Турцией, восходящие к 1990-м гг., помогли двум странам преодолеть кризис доверия. В то время, как механизмы взаимодействия требовали значительной оптимизации и существовала настоятельная необходимость в установлении прямого диалога на различных институциональных уровнях, нормализация отношений между Анкарой и Москвой началась главным образом благодаря экономическим перспективам. Тем не менее сирийский кризис оставался основной нерешенной проблемой между двумя странами. Турция по-прежнему настаивала на том, что единственным легитимным представителем Сирии является сирийская оппозиция, и оказывала содействие антиправительственным группам; Россия же оставалась верна своим обязательствам перед правительством Б. Асада.

В 2016 г. Турция и Россия приняли решение обсудить сирийскую проблему, несмотря на диаметрально противоположные взгляды на ситуацию. Это обсуждение, как и реализация нового подхода Анкары к внешней политике, началось за несколько недель до попытки военного переворота в июле 2016 г.⁹⁹ Поддержка Россией президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана стала еще одним доводом в пользу приверженности Анкары своим планам по восстановлению и развитию двустороннего диалога. Встречи президентов и рабочих групп двух стран участились, что позволило несколько повысить уровень взаимопонимания и разработать конкретные механизмы сотрудничества в Сирии. Однако вопрос о *YPG* оставался для Анкары делом принципа – турецкие власти были уверены в том, что формирования *YPG*, действующие в Сирии, входят в структуру РПК, и были категорически против их участия во внутрисирийских переговорах. Россия смотрела на ситуацию под несколько иным углом, полагая, что за столом переговоров должны

⁹⁹ Aktürk S. Turkey's Role in the Arab Spring and the Syrian Conflict // Turkish Policy Quarterly, Vol. 15, No. 4. P. 88.

сидеть все влиятельные сирийские силы, в том числе представители различных курдских формирований.

24 августа 2016 г. Турция направила сухопутный военный контингент в северную Сирию. В целях поддержки протурецких оппозиционных групп, обеспечения безопасности турецко-сирийской границы и борьбы с ИГ Анкара приступила к реализации операции «Щит Евфрата». Не менее важной целью операции стало пресечение попыток поддерживаемых США *SDF/YPG* создать автономный регион на севере Сирии¹⁰⁰. Операция была завершена 29 марта 2017 г. установлением контроля над городом Эль-Баб, что позволило отрезать курдский кантон Африн, расположенный на северо-западе страны, от Кобани и Джазиры на северо-востоке. Операция в Эль-Бабе, осуществленная при поддержке российской авиации, стала первой совместной операцией Москвы и Анкары против ИГ.

В сентябре 2016 г., после провала переговоров С. Лаврова и Дж. Керри, Россия скорректировала свою позицию по Сирии. Москва временно приостановила попытки урегулирования сирийского кризиса в сотрудничестве с США – в преддверии президентских выборов Вашингтон стал не слишком надежным партнером. Теперь Россия решила опереться на те региональные силы, которые могли оказать реальное влияние на ситуацию в Сирии. В результате в конце 2016 г. был предложен астанинский формат сирийских переговоров с Россией, Турцией и Ираном в качестве государств-гарантов. Начало этого процесса совпало с возвращением Алеппо под полный контроль сирийских правительственных сил. Наблюдая за развитием событий в Ближневосточном регионе, российские аналитики пришли к выводу о снижении роли США и о том, что эпоха однополярного мира близится к концу, а мы являемся свидетелями зарождения нового мирового устройства с элементами полицентризма¹⁰¹.

Все стороны, участвующие в Астанинском процессе, нацелены на разрешение политического кризиса в Сирии в рамках Женевских переговоров и резолюции 2254 Совета Безопасности ООН. Российские официальные лица неоднократно подчеркивали, что целью Астанинского процесса является принятие решения по ряду технических вопросов для снижения общего уровня насилия. Стороны и участники добились существенных успехов на этом направлении благодаря достижению соглашения по созданию в Сирии зон деэскалации. Следует отметить, что выделение этих зон не тождественно проведению каких бы то ни было границ и никоим образом не ставило под вопрос суверенитет Сирии. С точки зрения международного права, Сирия в полной мере сохранила суверенитет на всей своей территории, а зоны деэскалации представляют собой не более чем временную меру.

После военного поражения ИГ в Сирии и освобождения территорий, ранее подконтрольных террористам, ситуация коренным образом изменилась.

¹⁰⁰ Okyay A. S. Turkey's Post-2011 Approach to its Syrian Border and its Implications for Domestic Politics // *International Affairs*, Vol. 93, No 4. pp. 829-846.

¹⁰¹ Ходынская-Голенищева М. Алеппо. Война и дипломатия. Геополитика сирийского кризиса в контексте трансформации системы международных отношений. М.: Абрис. 2017. 223 с.

Однако конфликт, начавшийся в 2011 г., еще далек от разрешения, и потенциал насилия вдоль линий существующих политических, экономических и конфессионально-этнических расколов остается очень высоким. Становится всё более очевидно, что откладывать на будущее решение целого комплекса гуманитарных проблем больше невозможно, что восстановление разрушенной социально-экономической инфраструктуры является абсолютно необходимым условием выживания сирийских граждан и возвращения беженцев. Последнее представляется исключительно важной задачей, в решение которой, безусловно, заинтересованы все страны, на территории которых в настоящее время проживают сирийские беженцы. В первую очередь речь идет о странах, имеющих общую границу с Сирией – Ливане, Иордании и Турции.

Россия, Турция и Иран, сколь бы ни разнились их позиции по другим вопросам, являются неизменными и ключевыми участниками процесса урегулирования сирийского конфликта. В их руках сосредоточены многие рычаги влияния на ситуацию, и они заинтересованы в скорейшей нормализации гуманитарной, социально-экономической и политической обстановки. Главными задачами этих стран в 2018 г. стало сохранение договоренностей, достигнутых в 2017 г., и накопление опыта взаимодействия.

Координация интересов большого числа участников процесса как в самой Сирии, так и за ее пределами была и остается одной из первостепенных задач. Многие из этих интересов не вполне оформлены и не поддаются четкому политическому выражению. В условиях объективно сложной ситуации ни одно из основных направлений сотрудничества не должно становиться «заложником» других. В среднесрочной перспективе Россия и Турция имеют возможность продолжать сотрудничать по трем основным направлениям.

Во-первых, участвовать в преодолении гуманитарного кризиса и восстановлении социально-экономической инфраструктуры в Сирии. В среднесрочной перспективе эти задачи будут тесно переплетаться. У России и Турции есть опыт проведения гуманитарных операций в Сирии, они могут объединить усилия и друг с другом, и с другими заинтересованными сторонами (в том числе и с международными организациями), чтобы обеспечить оказание помощи всем нуждающимся. Важным подспорьем в этой деятельности может стать уже реализуемая практика зон деэскалации, обладающая потенциалом дальнейшего развития. Опыт создания зон деэскалации можно использовать для формирования гуманитарных зон, предназначенных для оказания помощи людям независимо от того, под чьим политическим или военно-политическим контролем находятся места их проживания.

Вторая возможная сфера сотрудничества – содействие политическому урегулированию. Россия и Турция в состоянии не только усовершенствовать работающие форматы – переговорные платформы в Астане (при посредничестве трех стран-гарантов) и Женеве (под эгидой ООН), – но и создавать новые. При этом новые платформы могут функционировать как на локальном уровне, используя имеющийся опыт российского Координационного центра по примирению враждующих сторон на территории Сирийской

Арабской Республики, дислоцированного в Хмеймиме, так и в масштабах всей страны. В частности эффективным может оказаться Конгресс национального диалога Сирии, если работа по его подготовке и проведению получит поддержку и будет продолжена с учетом всех слабых мест, выявленных в 2017 г. Для Москвы и Анкары крайне важно обеспечить сохранение и развитие трехстороннего формата, позволяющего урегулировать сирийский кризис с участием Ирана. По целому ряду объективных причин Иран был и останется важнейшей действующей силой сирийского процесса, что делает его обязательным участником переговоров по мирному урегулированию. При этом трехсторонняя конфигурация, предполагающая участие России и Турции, оказывается единственным форматом, учитывающим этот фактор как объективную данность. Именно поэтому такой формат обладает большим потенциалом и расширяет диапазон поиска новых решений, позволяющих сдвинуть ситуацию с мертвой точки.

Третье направление совместной деятельности – сотрудничество в борьбе с терроризмом. Используя накопленный опыт и опираясь на общность тактико-стратегических интересов (во всяком случае, в среднесрочной перспективе), Россия и Турция могут значительно повысить эффективность борьбы с терроризмом как на двусторонней основе, так и с участием других стран региона, в том числе Ирана и Ирака.

События 2015–2017 гг. сделали Россию и Турцию незаменимыми участниками процесса политического урегулирования сирийского кризиса и постконфликтного восстановления страны. Учитывая объемы ресурсов, необходимых для возрождения страны, и ограниченность возможностей Москвы и Анкары, если они будут действовать порознь, стороны могут ориентировать свое взаимодействие на поиски прагматичного решения, устраивающего оба государства.

Архитектура безопасности: региональные платформы и системы

Согласно российской военной доктрине, главной угрозой безопасности страны является расширение НАТО на Восток – вплоть до границ России. Однако целый ряд экспертов, а также Президент РФ полагают, что в течение последних лет Россия нашла адекватный ответ на эту угрозу, пересмотрев подходы к внешней политике, успешно проведя перевооружение армии и разработав целый ряд других механизмов сдерживания. В этом контексте, невзирая даже на членство Турции в НАТО, Москва и Анкара за последние годы решили множество актуальных проблем, воспользовавшись форматом прямого диалога.

Из российской военной доктрины следует, что одной из целей военно-политического сотрудничества является «развитие переговорного процесса по созданию региональных систем безопасности с участием Российской Федерации»¹⁰². И Турция, и Россия участвуют в работе целого ряда между-

¹⁰² Военная доктрина Российской Федерации (в редакции от 2014 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 26.12.14. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/589760

народных организаций, занятых обеспечением безопасности, в том числе Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) (обе страны – члены ОБСЕ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (Россия – член ШОС, Турция – партнер по диалогу).

Необходимость создания региональной системы безопасности на Ближнем Востоке с участием России и Турции сегодня актуальнее, чем когда бы то ни было. Обе страны играют заметную роль в регионе и имеют интересы, нуждающиеся в защите. В сфере безопасности уровень институционализации Ближневосточного региона весьма низок. Деятельность многосторонних организаций, присутствующих в регионе, оказалась неэффективной. Одной из таких организаций является Лига арабских государств (ЛАГ), основанная в 1945 г. для защиты интересов лишь арабских стран региона. ЛАГ не удалось найти адекватный ответ на существующие проблемы в контексте текущих региональных трансформаций. Для послевоенного восстановления стран в посткризисный период эффективной мерой может стать создание рабочих групп по безопасности и новых многосторонних форматов взаимодействия¹⁰³.

Архитектура региональной безопасности может быть эффективной только в том случае, если она будет создана на основе принципа инклюзивности. Россия и Турция стараются поддерживать рабочие отношения со всеми субъектами политической жизни региона. В 2017 г. на ситуации в регионе отразилось решение Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) об объявлении блокады для изоляции Катара. Россия не стала вмешиваться в этот конфликт, Турция же в значительной степени встала на сторону Катара. Существующий альянс между Дохой и Анкарой вынудил последнюю разместить свои войска в Катаре, на территории которого находится авиабаза Эль-Удейд – самый крупный военный объект США во всем регионе. Конфликт между ССАГПЗ и Катаром до сих пор не разрешен, однако ажиотаж вокруг него в значительной мере стих. Тем не менее ситуация выявила тот факт, что еще одна региональная организация, ССАГПЗ, не прошла проверку на прочность в качестве эффективного инструмента обеспечения региональной безопасности.

То обстоятельство, что все действующие на Ближнем Востоке и в Северной Африке форматы интеграции либо не располагают достаточной базой, либо просто неэффективны, напрямую сказывается на способности региональных игроков обеспечить не только собственную безопасность, но и безопасность региона в целом. Формат, подобный предложенному президентом США Дональдом Трампом весной 2017 г., после визита в Саудовскую Аравию («ближневосточное НАТО», как его окрестили журналисты)¹⁰⁴, не имеет шансов на успех в этом регионе в XXI в. Такого рода институт является под-

¹⁰³ Махмутов Т. А., Мамедов Р. Ш. Предложения к формированию системы региональной безопасности в Западной Азии и Северной Африке. Рабочая тетрадь №38. – М.: НП РСМД. 2017.

¹⁰⁴ Rogin J. Trump to unveil plans for an 'Arab NATO' in Saudi Arabia // The Washington Post. 17.05.2017. URL: https://www.washingtonpost.com/news/josh-rogin/wp/2017/05/17/trump-to-unveil-plans-for-an-arabnato-in-saudi-arabia/?noredirect=on&utm_term=.3e8c82928e86

меной стратегических интересов стран региона узконаправленной повесткой дня, актуальной для горстки региональных держав и некоторых международных игроков типа США. Главным изъяном такой ассоциации стало бы отсутствие инклюзивного открытого диалога с участием всех без исключения стран региона. Напротив, во главу угла ставится в данном случае принцип исключительности и даже исключения некоторых стран, попавших в немилость по тем или иным политическим причинам. Этот подход полностью игнорирует тот факт, что долгосрочные стратегические задачи эффективного развития и обеспечения безопасности Ближнего Востока и Северной Африки носят не столько политический, сколько экономический и гуманитарный характер. Подразумеваемая цель заключается в объединении против кого-то, а не в сотрудничестве ради чего-то. Иран, без поддержки которого такие страны как Россия и Турция, не мыслят благополучного будущего для региона, оказывается категорически исключенным из этого формата.

Еще одно предложение сводится к созданию формата, объединяющего ССАГПЗ, Иран и Ирак (так называемый формат «ССАГПЗ+2»)¹⁰⁵. На начальной стадии этот проект может потребовать участия таких внешних игроков, как США и Россия. Организованный при их посредничестве прямой диалог между государствами Персидского залива мог бы снизить накал взаимных претензий и негативной риторики и повысить эффективность мер, принимаемых для укрепления взаимного доверия в регионе. Это представляется необходимым для снятия с региональной политики бремени контрпродуктивных односторонних санкций, направленных против отдельных государств. Одним из таких примеров можно назвать Иран, как государство, посредством санкций исключенное из обсуждения многих трансграничных вызовов. Помимо Ирана, на Ближнем Востоке и в Северной Африке есть немало стран, полномасштабное участие которых является необходимым условием эффективного урегулирования региональных проблем. Роль Судана, уже много лет находящегося под санкциями, в решении таких задач, как противодействие терроризму, гарантии безопасной навигации по Красному морю, контроль над миграционными потоками из Африки в Европу, обеспечение бесперебойного водоснабжения и продовольственной безопасности, огромна просто ввиду географического положения этой страны.

Многие из крупных региональных конфликтов, в том числе многолетние конфликты в Ливии и Йемене, не поддаются урегулированию силами государств-соседей, поскольку последние оказываются в сфере прямого и жесткого воздействия проблем и угроз, исходящих от зон военной, социально-экономической и гуманитарной нестабильности. На первый взгляд может показаться, что и Ливия, и Йемен слишком удалены от России и Турции, однако было бы неверно утверждать, что Москва и Анкара не могут сыграть позитивную роль в разрешении локальных противоречий и разногласий, возникающих в контексте постконфликтного восстановления.

¹⁰⁵ Махмутов Т. А., Мамедов Р. Ш. Предложения к формированию системы региональной безопасности в Западной Азии и Северной Африке. Рабочая тетрадь №38. – М.: НП РСМД. 2017.

И Россия, и Турция на разных исторических этапах внесли позитивный вклад в развитие Ливии и Йемена. Более того, обе страны располагают экономическим потенциалом, необходимым для решения сегодняшних проблем народов этих двух стран, оказавшихся на грани выживания. Россия и Турция не конкурируют на экономическом поле. Они, скорее, являются потенциальными партнерами в контексте очень широкого спектра сфер экономической деятельности. Для обеих держав регион Ближнего Востока и Северной Африки в долгосрочной перспективе представляет собой исключительно многообещающий рынок, открывающий широкие горизонты как перед государственными компаниями, так и перед частным бизнесом. И Турция, и Россия располагают огромным долгосрочным потенциалом для содействия арабским странам в преодолении дефицита природных ресурсов и последствий нехватки воды. Речь идет не только о поставках продовольствия – российского зерна и турецких продуктов, но и о стратегических инвестициях в транспортную и энергетическую инфраструктуру, а также в такие высокоперспективные секторы, как горнодобывающая и обрабатывающая промышленность. Обе страны заинтересованы в обеспечении региональной безопасности и располагают возможностями в сфере установления контактов с региональными игроками в целях скорейшего достижения стабильности в регионе. Объединив усилия, Россия и Турция могли бы предложить реалистичный формат обеспечения региональной безопасности, предусматривающий участие всех стран региона, а также таких внешних игроков, как Европейский союз и Китай.

Заключение

В XXI в. процесс развития российско-турецких отношений приобрел беспрецедентно динамичный и интенсивный характер. На этом фоне планомерное «возвращение» России на ближневосточное политическое поле в условиях новых геополитических реалий не несет в себе угрозы интересам Турции ни в региональных, ни в глобальных масштабах. Прагматичное партнерство между двумя государствами характеризуется деидеологизацией и независимостью как от глобальной конъюнктуры, так и от прошлых тенденций. Это знаменует новый этап российско-турецкого взаимодействия, пришедший на смену диалогу между Турецкой Республикой и СССР перед холодной войной и сразу после нее. Такое сотрудничество реализуется в обоюдновыгодном формате взаимодействия между двумя странами, позволяющем им выступить с совместным предложением реальной альтернативы тому миропорядку, на котором до сих пор был основан ближневосточный уклад и который ранее определял взаимодействие региона с внешними игроками.

Несмотря на то, что подходы России и Турции к региональной и мировой политике по-прежнему во многом разнятся, не существует никаких непреодолимых препятствий для сотрудничества в тех сферах, где реальные и потенциальные обоюдные выгоды, и общие интересы превалируют над разногласиями.

Положение Турции на Черном море: против России или вместе с ней?

Введение

Россия и Турция – два наиболее значимых субъекта в черноморском регионе. Если первая из стран располагает самой протяжённой береговой линией среди всех прибрежных государств черноморского бассейна, то вторая с XVIII в. остаётся региональным геополитическим лидером. Благодаря многовековому региональному господству Османской империи на Балканах и в Крыму до заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г. Черное море в основном рассматривалось как «внутреннее море» Турции. На протяжении многих лет эта гегемония позволяла османам полностью контролировать доступ в Черное море через Черноморские проливы. Но их превосходству бросила вызов постоянно расширявшаяся Российская империя, которая стремилась получить выход к теплым водам Черного моря. Русско-турецкие войны XVIII–XIX вв., включая Крымскую войну 1853–1856 гг., стали наиболее значительными проявлениями яростного геополитического соперничества за Черное море между российскими царями и османскими султанами.

После Первой мировой войны обе империи распались, и их государства-преемники – Советский Союз и только что созданная Турецкая Республика – сумели успешно построить друг с другом иные отношения. Экономическая и военная поддержка Москвы во время войны за независимость Турции в Анатолии ознаменовала начало принципиально нового периода российско-турецких отношений. Впоследствии, в 1920-е и 1930-е гг., параллельно с укреплением политических и экономических связей между двумя странами, Черное море стало для них регионом сотрудничества. В частности, советско-турецкий диалог сыграл важную роль в дипломатическом процессе, который завершился подписанием Лозаннской конвенции и Конвенции Монтрё о статусе Черноморских проливов. Последний из документов, подписанный в 1936 г., стал основным регулятором доступа военных и торговых кораблей в Черное море. Даже несмотря на то, что после Второй мировой войны Советский Союз и Турция, как участники противоборствующих блоков, стали противниками, тот геополитический баланс, который был создан на Черном море благодаря их сотрудничеству, сумел пережить период холодной войны.

Распад Советского Союза в 1991 г. породил новые возможности для создания обновленных условий диалога и сотрудничества между Москвой и Анкарой. Страны провели совместную работу для сохранения своего привилегированного статуса на Черном море и создания ряда механизмов, направленных на сдерживание усиления военного влияния запада в регионе. Тем не менее российско-грузинская война 2008 г. и присоединение Крыма

Митат
ЧЕЛИКПАЛА
Эмре
ЭРШЕН

к России в 2014 г. заставили руководство Турции пересмотреть политику в отношении Черного моря. Российско-турецкие разногласия по Сирии стали причиной серьезного кризиса в отношениях между странами в конце 2015 г., а также значительно осложнили региональный диалог между Москвой и Анкарой.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать и оценить процесс формирования новой обстановки в области безопасности на Черном море, а также его влияние на будущее регионального диалога между Россией и Турцией. Несмотря на то, что странам удалось нормализовать отношения после кризиса, связанного с крушением российского бомбардировщика в Сирии в 2015 г., Анкара по-прежнему испытывает трудности при учете интересов Москвы в регионе. Рост напряженности в отношениях между НАТО и Россией также негативно влияет на попытки Турции следовать политике равновесия на Черном море. В этой связи можно утверждать, что сегодня перед Анкарой стоят четыре сложные задачи по переосмыслению политики в отношении Черного моря: i) сохранить существующее положение, созданное после принятия Конвенции Монтрё; ii) защитить свои интересы на фоне укрепления военного присутствия России в регионе; iii) бороться с последствиями в области безопасности в связи с созданием Россией трех сфер ограничения и воспреещения доступа и маневра (A2/AD) вокруг турецких территорий; iv) учитывать различные подходы союзников по НАТО к региону без отдаления от России.

Эволюция способа сосуществования России и Турции в Черноморском регионе

Несмотря на долговременные стратегические связи с НАТО, политика Турции на Черном море после окончания холодной войны в основном определялась ее стремлением к выработке схемы регионального сотрудничества не с западными союзниками, а с причерноморскими странами. Подобный подход – так называемый принцип региональной ответственности – сблизил позиции России и Турции, поскольку отвечал стремлению Москвы ослабить растущее влияние ЕС и НАТО в регионе¹⁰⁶. В частности, созданная в 1992 г. Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) стала той платформой, на базе которой Москва и Анкара смогли постепенно укрепить региональный диалог и двусторонние экономические отношения в сфере туризма, энергетики и торговли. ОЧЭС также помогла двум странам наладить новые каналы регионального экономического сотрудничества по другим направлениям, включая транспорт, сельское хозяйство, банковское дело и финансы¹⁰⁷.

¹⁰⁶ О концепции региональной ответственности (regional ownership) см. Celac S. The Regional Ownership Conundrum: The Case of the Organization of the BSEC. Washington DC: German Marshall Fund. – 2006. – Pp. 215-226.

¹⁰⁷ См., например, Aydin M. Regional Cooperation in the Black Sea and the Role of Institutions // Journal of International Affairs. Vol. 10. No. 3. Pp. 62-66.

Одним из важнейших результатов укрепления российско-турецкого диалога по Черному морю стало создание ряда дополнительных схем многостороннего сотрудничества, направленных на укрепление региональной стабильности и безопасности. Несмотря на поддержку предоставления Болгарии и Румынии полноправного членства в НАТО (это произошло в 2004 г.), Турция в сотрудничестве с Россией организовала ряд важных инициатив в сфере безопасности при взаимодействии с Россией и другими причерноморскими странами. Например, в апреле 2001 г. была официально учреждена Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия («Блэксифор»), задачей которой является содействие региональному сотрудничеству в таких сферах, как поисково-спасательные операции, защита окружающей среды и разминирование.

Создание подобных многосторонних механизмов было вызвано не только желанием подчеркнуть важность геополитической роли Турции как основного игрока на Черном море, но и стремлением не допустить превращение региона в зону военного конфликта между Западом и Россией. Решение Анкары провести в марте 2004 г. операцию «Черноморская гармония», к которой позже присоединились Россия и другие причерноморские государства, может рассматриваться в основном как ответ на планы НАТО распространить свое военное влияние на черноморский регион посредством операции «Активные усилия», которая началась в Средиземноморье в 2001 г. (после атак 11 сентября) под руководством США. Несмотря на то, что операция «Черноморская гармония» была аналогичным образом направлена на предотвращение терроризма и других асимметричных угроз в регионе, она также способствовала углублению российско-турецкого диалога в области безопасности на Черном море.

Такие региональные инициативы, как «Блэксифор» и операция «Черноморская гармония», указывают на то, что поддержка особых отношений с Россией без отдаления от союзников по НАТО – важный компонент черноморской политики Турции в 2000-е гг. Это одна из основных причин стремления Турции строго придерживаться положений Конвенции Монтрё от 1936 г., которая регулирует проход военных кораблей по черноморским проливам Босфор и Дарданеллы, а также гарантирует свободный проход гражданских судов и в мирное, и в военное время¹⁰⁸.

Конвенция Монтрё содержит ряд ограничений в отношении прохода военных кораблей из держав, неприбрежных к Черному морю. Им не разрешается держать в Черном море более девяти кораблей. Эти суда, общий максимальный тоннаж которых не должен превышать 45 тыс. т, могут находиться в Черном море не более 21 дня. Они также должны уведомить правительство Турции не менее чем за 15 дней до даты прохода через черноморские проливы. В то время как проход авианосцев запрещен полностью, подводные лодки причерноморских государств могут проходить че-

¹⁰⁸ Traduction – translation convention regarding the regime of the straits signed at Montreux, July 20 TH, 1936. URL: http://sam.baskent.edu.tr/belge/Montreux_ENG.pdf

рез Черноморские проливы, но также при соблюдении весьма жестких условий и ограничений.

Во время холодной войны хрупкое равновесие, установленное Конвенцией Монтрё, сыграло ключевую роль при сохранении Причерноморья в стороне от геополитического соперничества между НАТО и странами Варшавского договора. По этой же причине Россия и Турция воздержались от изменения этого режима и после окончания холодной войны, так как он предоставлял им привилегированный статус на Черном море. Например, в 2008 г. Турция применила положения Конвенции Монтрё в ответ на просьбу США пропустить их военные корабли через Черноморские проливы для доставки гуманитарной помощи в Грузию непосредственно после российско-грузинской войны.

Этот акт стал показателем стремления Турции решать связанные с Черным морем вопросы совместно со странами региона, а не с внешними силами, несмотря на ее альянс с США и НАТО. Это также побудило Анкару взять на себя роль активного посредника на переговорах между Москвой и Тбилиси во время и после российско-грузинского кризиса¹⁰⁹. Тем не менее дипломатические усилия Турции не помогли ни заставить Россию отказаться от признания независимости Южной Осетии и Абхазии, ни содействовать разрядке напряженности между НАТО и Россией на Черном море в дальнейшем¹¹⁰.

Турция в 2014 г. во время украинского кризиса ещё раз подчеркнула значение режима, установленного Конвенцией Монтрё. Когда российские официальные лица выразили озабоченность в связи с присутствием в Черном море военных кораблей США, один из которых проводил совместные морские учения с членами НАТО – Румынией и Болгарией, Турция вновь заверила Россию в том, что ситуация отвечает положениям Конвенции Монтрё¹¹¹. Таким образом, Анкара продолжила следовать осторожной политике поддержания равновесия между Западом и Россией на Черном море. Например, несмотря на то, что Турция поддержала территориальную целостность Украины и не признала результаты референдума в Крыму, который в итоге привел к присоединению полуострова к России, в отличие от других членов НАТО она воздержалась от резкой критики в адрес Москвы. Более того, она отказалась присоединиться к западным санкциям против России и продолжила экономическое сотрудничество с ней. В этом контексте заявление о проекте газопровода «Турецкий поток», сделанное в ходе визита президента России Владимира Путина в Турцию в декабре 2014 г., указывало на особый характер экономических взаимосвязей между Россией и Турцией.

¹⁰⁹ См. также Punsmann B. G. The Caucasus Stability and Cooperation Platform: An Attempt to Foster Regional Accountability // ICBSS Policy Brief. No. 13. – 2009. – 22 p.

¹¹⁰ Baev P. K., Kirişci K. An Ambiguous Partnership: The Serpentine Trajectory of Turkish-Russian Relations in the Era of Erdo an and Putin // Brookings Institute. 2017. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/09/pavel-and-kirisci-turkey-and-russia.pdf>

¹¹¹ Demirtaş S. Turkey under NATO and Russia Pressure over Black Sea // Hurriyet Daily News. 05.04.2014. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/opinion/serkan-demirtas/turkey-under-nato-and-russia-pressure-over-black-sea-64579>

Одновременно с этим следует отметить, что кризисы в Грузии и на Украине в значительной степени изменили и без того хрупкое равновесие между НАТО и Россией на Черном море. Рост напряженности в отношениях с НАТО после 2007 г., выразившийся в решении Москвы приостановить участие в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и возобновить разведывательные полеты большой дальности у границ государств – членов НАТО, включая черноморское побережье Турции, ослабил значение многосторонних инициатив регионального сотрудничества, появившихся в 1990-е и 2000-е гг.¹¹²

Российскому Черноморскому флоту была отведена важная роль в новой стратегии Москвы, направленной на борьбу с усилением влияния НАТО в регионе. Цель Москвы, особенно после российско-грузинской войны 2008 г., заключалась в обладании мультирегиональными военно-морскими силами в Черном море, которые также могли позволить увеличить контингент в Средиземном море и на Ближнем Востоке. На существование этой цели намекал адмирал Владимир Масорин, занимавший на тот момент пост Главнокомандующего военно-морским флотом. В 2007 г., выступая в штаб-квартире российского Черноморского флота в Севастополе, он сказал: «Операционная зона флота, распространяющаяся на Черноморскую и Средиземноморскую морские зоны вплоть до Атлантического океана, находится на стыке Европы, Азии и Африки, и здесь должно быть восстановлено постоянное присутствие ВМФ России»¹¹³.

Влияние кризиса, связанного с крушением российского бомбардировщика

Присоединение Крыма к РФ в марте 2014 г. еще больше склонило весы стратегического равновесия на Черном море в пользу России – Москва установила прямой контроль над Севастопольской военно-морской базой, которую ранее арендовала у правительства Украины в рамках международного соглашения. Однако это достижение противоречило усилиям Турции, направленным на сохранение существующего в регионе положения дел. Угроза сосуществованию России и Турции на Черном море увеличилась в сентябре 2015 г., когда Россия начала военную операцию в Сирии.

Решение России о военном вмешательстве в Сирии вызвало у Турции серьезные опасения¹¹⁴. Президент страны Реджеп Тайип Эрдоган даже выступил с открытой критикой российских авиаударов, заявив, что не понимает смысла военного вмешательства, поскольку Россия не граничит с Сирией¹¹⁵.

¹¹² Güvenç S., Egeci S. Changing Naval Balances in the Eastern Mediterranean: Implications for Turkey. *Turkish Policy Quarterly*. Vol.15. No.1. pp. 102-103.

¹¹³ Coalson R. News Analysis: Russian Build-up Focuses Concerns around the Black Sea // *Radio Free Europe/Radio Liberty*. 23.02.2016. URL: <https://www.rferl.org/a/russia-black-sea-military-buildup-turkey/27569877.html>

¹¹⁴ Так, министр обороны Турции утверждал, что 88% воздушных операций России в Сирии направлены против оппозиционных групп. См. Россия нанесла 7 200 авиаударов (тип. Rusya 7 Bin 200 Hava Saldırısı Düzenledi) // *Yeni afak*. 16.02.2016. URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/rusya-7-bin-200-hava-saldirisi-duzenledi-2415461>

¹¹⁵ Почему Россия так заинтересована в Сирии (тип. Rusya Suriye'yle niye bu kadar ilgileniyor) // *Hurriyet*. 02.10.2015. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/dunya/s-400-bir-nato-meselesi-degildir-41253569>

Москва и Анкара не смогли разрешить противоречия, и в итоге в ноябре 2015 г. вооруженные силы Турции сбили вблизи турецко-сирийской границы российский истребитель, вошедший в турецкое воздушное пространство. После этого инцидента Турция обратилась за поддержкой к своим союзникам из НАТО, а Москва ответила вводом ряда экономических санкций против Турции.

Вследствие инцидента политические, экономические и культурные связи между Россией и Турцией оставались практически замороженными до июня 2016 г. В течение этих семи месяцев Анкара пребывала в весьма сложной геополитической ситуации, что повлекло за собой пересмотр ее отношения к Черному морю. Например, Россия и Армения заключили договор в сфере безопасности о создании объединенной региональной системы противовоздушной обороны¹¹⁶. К этому моменту в Армении уже располагались две российские военные базы и около 5 тыс. российских солдат. Кроме того, страна входит в возглавляемую Россией Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Помимо этого, в феврале 2016 г. правительства двух стран заключили соглашение, позволившее России предоставить Армении десятилетний государственный экспортный заем на сумму до 200 млн долл. с отсрочкой платежей до начала 2018 г.¹¹⁷ Ереван поддержал экономические санкции, введенные Россией против Турции после инцидента с уничтожением российского бомбардировщика.

Значительная военная помощь России – важнейшее условие для поддержания военного превосходства Армении в Нагорно-Карабахском конфликте, хотя Баку (в основном с помощью Турции) также вложил немалые средства в модернизацию армии за последнее десятилетие. Стратегическое партнерство между Турцией и Азербайджаном выражается не только в лозунге «один народ – два государства», но и в грандиозных проектах в области транспортировки энергоресурсов, таких как нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, который был введен в эксплуатацию в 2006 г.¹¹⁸ Страны также тесно сотрудничают в области строительства Трансанатолийского газопровода (*TANAP*), который руководство Турции рассматривает как жизненно важный проект, необходимый для снижения зависимости Турции от российского природного газа.

Несмотря на тесные политические и экономические связи между этими странами, необходимо отметить, что Азербайджан не является официальным военным союзником Турции. Военная поддержка Азербайджана осуществляется Турцией в основном в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира». Несмотря на то, что в 2010 г. страны подписали соглашение о стратегическом партнерстве, которое на бумаге позволяет Турции предпринять «все возможные меры» для оказания помощи Азербайджану, если

¹¹⁶ Why Did Russia, Armenia Create Joint Defense System in Caucasus? // Sputnik News. 23.12.2015.

URL: <https://sputniknews.com/military/201512231032214928-russia-armenia-defense-system-turkey>

¹¹⁷ Russia Grants \$200 Million Loan to Armenia for Purchasing Weapons // Russia Beyond the Headlines. 19.02.2016.

URL: https://www.rbth.com/defence/2016/02/19/russia-grants-200-million-loan-to-armenia-for-purchasingweapons_569219

¹¹⁸ См. также Ismayilov M., Graham N. A. Turkish-Azerbaijani Relations: One Nation – Two States? New York. Routledge. – 2016. – 182 pp.

он подвергнется военному нападению со стороны третьего государства, это положение звучит чересчур расплывчато, чтобы указывать на реальный альянс между Анкарой и Баку¹¹⁹. Кроме того, до настоящего момента военная помощь Азербайджану со стороны Турции в основном ограничивалась направлением советников и обучением азербайджанских военных.

Учитывая нестабильность геополитической ситуации на Кавказе и стратегические связи Турции с Азербайджаном, неожиданное обострение военного конфликта Еревана и Баку в связи с ситуацией в Нагорном Карабахе в апреле 2017 г. стало для Анкары тревожным сигналом. Во время жестоких четырехдневных столкновений, унесших жизни не менее 200 человек с обеих сторон, президент Р. Эрдоган выразил свою солидарность с Азербайджаном и обвинил Армению в эскалации напряженности в регионе¹²⁰. Следует отметить, что политическую поддержку Баку со стороны Анкары в период этого кризиса подвергли критике не только президент Армении Серж Саргсян, но и премьер-министр России Дмитрий Медведев¹²¹.

Несмотря на то, что Россия сыграла важную дипломатическую роль в регулировании недавнего кризиса в Нагорном Карабахе, некоторые аналитики расценили этот инцидент как сигнал со стороны Москвы в адрес Баку о том, что он должен с осторожностью подходить к формированию особых отношений с Анкарой¹²². В этой связи также необходимо подчеркнуть, что после кризиса, связанного с уничтожением российского бомбардировщика, Азербайджан принял решение придерживаться политики нейтралитета. Например, президент страны Ильхам Алиев предложил стать посредником в преодолении конфликта между Россией и Турцией¹²³. Можно предположить, что тесные экономические связи с Россией и ее значительное влияние на мирный процесс в Нагорном Карабахе помешали Баку открыто встать на сторону Анкары. Тем не менее после того как Москва в рамках санкций против Анкары ограничила въезд турецкого коммерческого автотранспорта, перевозящего товары в Центральную Азию, Азербайджан открыл для него свои границы¹²⁴.

Даже если оставить в стороне вопрос Нагорного Карабаха, в Причерноморье есть и другие региональные конфликты, отношения к которым у Москвы и Анкары отличаются. Например, Турция продолжила развивать политические и экономические отношения с Украиной и критиковать политику Москвы в отношении крымских татар. Во время официального визита в Турцию президента Украины Петра Порошенко в марте 2016 г. страны до-

¹¹⁹ Соглашение о стратегическом партнерстве (на тур.) // Resmî Gazete. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2011/05/20110528M1-30-1.pdf>

¹²⁰ Erdoğan: Karabakh will be returned to Azerbaijan one day // Daily Sabah. 04.04.2016.

URL: <https://www.dailysabah.com/europe/2016/04/05/erdogan-karabakh-will-be-returned-to-azerbaijan-one-day>

¹²¹ Интервью Дмитрия Медведева программе «Вести в субботу» телеканала «Россия» // Правительство Российской Федерации. 09.04.2016. URL: <http://government.ru/archive/>

¹²² Kasapo C. Is Armenia the Next Turkish-Russian Flashpoint? // The Washington Institute. 04.04.2016. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/is-armenia-the-next-turkish-russian-flashpoint>

¹²³ Safarova D. Azerbaijan: Can Baku Broker Peace between Turkey and Russia? // Eurasianet.org. 17.02.2016.

URL: <http://www.eurasianet.org/node/77386>

¹²⁴ Türk TIR'larına Alternatif Güzergah // Hurriyet. 02.12.2015.

URL: <http://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/turk-tirlarina-alternatif-guzergah-40022017>

говорились расширить сотрудничество в военно-технической области¹²⁵. Одновременно с этим Грузия, отношения которой с Россией остаются непростыми, стала новым основным стратегическим партнером Турции на Кавказе. Анкара поддерживает укрепление отношений между Тбилиси и НАТО, в то время как руководство Грузии активно сотрудничает с Турцией и Азербайджаном в сфере региональных энергетических и транспортных проектов, включая нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум и железную дорогу Баку – Тбилиси – Карс. Начиная с 2012 г., министры иностранных дел и президенты трех стран проводят регулярные встречи, которые служат подтверждением их приверженности принципу трехстороннего стратегического партнерства.

Усиление военного присутствия России на Черном море

В то время как на Кавказе продолжалось сближение между Турцией, Азербайджаном и Грузией, Россия значительно укрепила отношения не только с Арменией, но и с отколовшимися от Грузии республиками – Абхазией и Южной Осетией¹²⁶. Модернизация и расширение Черноморского флота также стало одной из потребностей России, особенно после кризиса на Украине. В 2014 г. Москва объявила о планах потратить более 2 млрд долл. на усиление этого флота, включающее закупку более современных надводных и подводных кораблей, оснащенных новейшими крылатыми ракетами, комплексными средствами противовоздушной обороны и морского десантирования¹²⁷. Она также ввела в строй на Черном море три новых современных надводных военных корабля, вооруженных крылатыми ракетами «Калибр» и другими средствами противовоздушной и противокорабельной обороны, которые способны отразить любые воздушные, надводные и подводные угрозы. Ожидается, что к моменту завершения модернизации в 2020 г. Черноморский флот получит 30 новых судов различного размера и класса, включая шесть патрульных кораблей проекта 22160, три дополнительных фрегата проекта 11356 и девять малых ракетных кораблей проекта 21631¹²⁸.

В результате этой масштабной программы модернизации всего через год после присоединения Крыма Черноморский флот достиг стратегического потенциала, позволяющего служить целям России в регионе и стать океанским флотом, способным осуществлять широкомасштабные операции в открытом море¹²⁹. Корабли Черноморского флота несут постоянную боевую

¹²⁵ Україна та Туреччина поглиблюватимуть стратегічне партнерство задля безпеки в Чорноморському регіоні – підсумки зустрічі президентів // Міністерство закордонних справ України. 10.03.2016. URL: <https://mfa.gov.ua/ua/press-center/news/45522-ukrajina-ta-turechchina-pogliblyuvatimuty-strategichne-partnerstvo-zadlya-bezpeki-v-chornomorsykomu-regioni--pidsumki-zustrichi-prezidentiv>

¹²⁶ Ambrosio T., Lange W. A. The Architecture of Annexation? Russia's Bilateral Agreements with South Ossetia and Abkhazia // Nationalities Papers. Vol. 44. No. 5. pp. 673-693.

¹²⁷ Bugajski J., Doran P. B. Black Sea Rising: Russia's Strategy in Southeast Europe. Washington, Warsaw, Center for European Policy Analysis. P. 12. URL: http://cepa.org/files/?id_plik=2096

¹²⁸ Konarzewska N. A New Balance of Power in the Black Sea? // The Central Asia-Caucasus Analyst. 15.09.2016. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13393-a-new-balance-of-power-in-theblack-sea?htm> (по состоянию на 2 декабря 2017 г.).

¹²⁹ Coalson R. News Analysis: Russian Build-up Focuses Concerns around the Black Sea // Radio Free Europe/Radio Liberty. 23.02.2016. URL: <https://www.rferl.org/a/russia-black-sea- military-buildup-turkey/27569877.html>

службу в составе переформированной в 2013 г. Средиземноморской эскадры кораблей ВМФ России. По словам советника начальника Генштаба ВС России адмирала Игоря Касатонова, модернизацию Черноморского флота оправдывают события в Крыму и Сирии: «Если с Каспия стреляют по Сирии, то Черноморский флот, если будет поставлена такая задача, может стрелять по Персидскому заливу и дальше. Флот имеет серьезные перспективы, пока преимущество отдается подводной составляющей»¹³⁰.

Необходимо отметить, что Черноморский флот представляет собой лишь небольшую часть военной мощи России на Черном море. Совокупность наземных, морских и воздушных сил Москвы при поддержке средств радиоэлектронной борьбы позволяет эффективно противостоять попыткам сил НАТО проникнуть в Черное море¹³¹. Иными словами, главная задача российской сферы ограничения и воспреещения доступа и маневра (A2/AD) на Черном море заключается в том, чтобы ослабить возможности НАТО по защите ее государств – членов и по оказанию военной поддержки ее партнерам в регионе.

Поворотным моментом в этом смысле стало присоединение Крыма к России, так как полуостров превратился в базу, укрепившую военно-морскую инфраструктуру России на Черном море. Москва также значительно укрепила свои военно-воздушные силы в Крыму, поставив на службу 10 бомбардировщиков Ту-22М3, а также патрульные и противолодочные самолеты. Помимо этого, на полуострове были размещены различные ракетные комплексы и системы береговой обороны, такие как зенитные ракетные комплексы класса «земля – воздух» С-300ПМУ и береговые ракетные комплексы К-300П «Бастион-П». Кроме того, в августе 2016 г. Россия развернула в Крыму систему С-400, считавшуюся одной из наиболее современных систем противовоздушной и противоракетной обороны в мире¹³².

Резкое изменение стратегического равновесия в регионе открыто признал президент Р. Эрдоган, который всего за несколько недель до варшавского саммита НАТО выступил с требованием принять контрмеры против действий, превративших Черное море во «внутреннее море» России. Обращаясь к министрам обороны балканских стран в Анкаре, он подчеркнул необходимость вновь сделать Черное море «стабильным водоемом на основе сотрудничества между странами, примыкающими к Черному морю».

«Совсем недавно в Турции побывал [генеральный секретарь НАТО Йенс – прим. авт.] Столтенберг. Во время визита я сказал ему: “Ваше присутствие в Черном море незаметно, и эта незаметность превращает его, так сказать, во “внутреннее море” России”. Как прибрежные страны, мы должны выполнять свои обязанности. Как члены НАТО, мы должны принимать все необходимые меры на море, в воздухе и на земле. Иначе история нас не про-

¹³⁰ Черноморский флот России: 233 года защиты южных рубежей // ТАСС. 13.05.2016.
URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/3277270>

¹³¹ Bugajski J., Doran P. Black Sea Defended. NATO Responses to Russia's Black Sea Offensive. Strategic Report No. 2. CEPA. – 2016. – 25 pp.

¹³² Konarzewska N. A new balance of power in the Black Sea? // CACI Analyst. 15.09.2016.
URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13393-a-new-balance-of-power-in-the-black-sea?.html>

стит. Мы также должны углублять наше существующее сотрудничество в соответствии с принципом всеобщего регионального участия»¹³³.

Несмотря на то, что основной темой саммита в Варшаве в июле 2016 г. стало расширение передового базирования НАТО в Восточной Европе, проиллюстрированное решением Альянса разместить в Латвии, Литве, Польше и Эстонии четыре многонациональные тактические группы численностью до батальона, ряд ключевых решений был принят и в отношении Черного моря. Самым важным из них стало соглашение государств – членов НАТО о принятии «специальных мер по расширению присутствия НАТО на юго-восточных рубежах Альянса на земле, в воздухе и на море с помощью увеличения объема многонациональных наземных учений, комбинированных совместных расширенных учений, усиления активности на море и улучшения координации»¹³⁴.

Принятые в Варшаве решения продемонстрировали намерение НАТО перейти от увещаний к фактическим мерам по сдерживанию России и защите от нее, а также укрепить восточный фланг Альянса, включающий в себя Черноморский регион. В соответствии с этим НАТО принял решение расквартировать в Румынии «рамочную» многонациональную бригаду и продолжить обсуждение военных мер по укреплению коллективного присутствия Альянса на Черном море в ходе дальнейших совещаний на уровне министров. Несмотря на то, что состав этих мер пока не конкретизирован, НАТО может принять решение о начале миссий воздушного или морского патрулирования или еще больше нарастить количество или объем совместных морских учений, чтобы усилить оперативную согласованность действий между черноморскими странами.

Успех специальной стратегии передового базирования НАТО на Черном море прежде всего зависит от тесного сотрудничества между тремя государствами – членами НАТО в регионе. Иными словами, «расширение и надежность любых средств сдерживания НАТО по большей части зависят от модернизации и усиления военно-морского потенциала трех прибрежных стран НАТО»¹³⁵. Тем не менее до настоящего момента Румынии, Болгарии и Турции не удалось объединить усилия по созданию общих систем обороны и выработке единого механизма безопасности и оценки угроз на Черном море. Препятствиями на пути субрегионального сотрудничества являются в частности бюджетные ограничения, а также расхождения региональных интересов трех стран.

Кроме того, прочность их двусторонних связей с Россией, включая зависимость от российского природного газа, влияет на готовность Анкары, Буха-

¹³³ Несмотря на переход через все красные линии, в Сирии не было сделано ни одного шага (тур. Suriye'de Tüm Kırmızı Çizgilerin Aşılmasına Rağmen Bir Adım Atılmadı) // T.C. Cumhurbaşkanlığı Kurumsal İnternet Sayfası. 11.05.2016. URL: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/43922/suriyede-tum-kirmizi-cizgilerin-asilmasina-ragmen-bir-adim-atilmadi.html>

¹³⁴ Boosting NATO's presence in the east and southeast // NATO.int. 21.01.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/nato/hq/topics_136388.htm?selectedLocale=en

¹³⁵ Bugajski J., Doran P. Black Sea Defended. NATO Responses to Russia's Black Sea Offensive. Strategic Report No. 2. CEPA. – 2016. – P. 4.

реста и Софии сотрудничать друг с другом в сфере безопасности на Черном море. Например, Румыния гораздо позитивнее относится к идее усиления присутствия НАТО в регионе, чем Болгария и Турция, которые поддерживают тесные экономические отношения с Москвой. Румынские базы «Крайова» и «Михаил Когэлничану» также играют важную роль как наземные и воздушные компоненты специальной стратегии передового базирования НАТО на Черном море¹³⁶. Помимо этого, в 2016 г. Румыния разместила на своей базе в Девеселу баллистические ракеты сухопутного противоракетного комплекса НАТО «Иджис Эшор».

Запуск миссии поочередного воздушного патрулирования НАТО, аналогичной миссии по охране воздушного пространства в Прибалтике, создание региональной военно-морской целевой группы и формирование объединенного флота с участием Румынии, Болгарии и Турции – вот некоторые из идей НАТО в его черноморской программе¹³⁷. Тем не менее следует отметить, что ни одного из рассматриваемых шагов не будет достаточно для уравнивания потенциала боевого развертывания России в регионе. Некоторые аналитики считают Конвенцию Монтрё препятствием для уверенных ответных мер НАТО против России на Черном море, поскольку усиление присутствия НАТО в регионе потребует проведения регулярных учений с участием флотов нечерноморских стран, в том числе США¹³⁸.

До настоящего момента НАТО рассматривал лишь вариант поочередного развертывания военно-морских сил в Черном море, не нарушающий Конвенцию Монтрё. Другое предложение, которое, возможно, пользуется некоторой поддержкой, особенно в Вашингтоне, заключается в том, чтобы перевести военные корабли нечерноморских стран НАТО под флаги Румынии, Болгарии или Турции, с тем чтобы обойти ограничения режима Монтрё¹³⁹. Однако убедить турецкую сторону пойти на этот шаг может быть непросто, так как у Турции есть исторический опыт передачи под ее флаг двух германских кораблей в 1914 г., что в конечном итоге привело к вступлению Османской империи в Первую мировую войну.

Урегулирование разногласий между Россией и Турцией

Нормализация отношений между Россией и Турцией началась летом 2016 г. Со стороны Турции наиболее важным фактором примирения стала борьба с ИГ и Рабочей партией Курдистана (РПК), связанная с усилением их атак на силовые службы и гражданское население Турции в период 2015–2016 гг. В связи с этим восстановление отношений с Москвой стало для Анкары важнейшим шагом, необходимым для принятия трансграничных мер безо-

¹³⁶ Toucas B. NATO and Russia in the Black Sea: A New Confrontation?. // Center for Strategic and International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/nato-and-russia-black-sea-new-confrontation>

¹³⁷ Bugajski J., Doran P. Black Sea Defended. NATO Responses to Russia's Black Sea Offensive // Strategic Report No. 2. CEPA. – 2016. – pp. 4-5.

¹³⁸ Daly J. Hot Issue: After Crimea: The Future of the Black Sea Fleet // The Jamestown Foundation. 22.05.2014. URL: <https://jamestown.org/program/hot-issue-after-crimea-the-future-of-the-black-sea-fleet>

¹³⁹ Cohen A. NATO Should Stand up Black Sea Command before It's Too Late // Atlantic Council. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlantacist/nato-should-stand-up-black-sea-command-before-it-stoo-late>

пасности в северных районах Сирии. Россия испытывала необходимость в сотрудничестве с Турцией как с важным региональным субъектом для защиты своих долгосрочных геополитических интересов на Ближнем Востоке и в Причерноморье после участия в событиях на Украине и в Сирии¹⁴⁰.

Официально процесс нормализации российско-турецких отношений начался с письма, направленного президентом Р. Эрдоганом президенту В. Путину в июне 2016 г.¹⁴¹ Москва тепло отреагировала на это послание, и лидеры стран договорились провести встречу в Санкт-Петербурге в августе. Однако неудавшаяся попытка государственного переворота, произошедшая в Турции 15 июля, придала процессу российско-турецкого примирения новый смысл. В то время как официальная реакция союзников Турции по НАТО была неожиданно неуверенной и неоднозначной, Москва безоговорочно поддержала правительство Турции¹⁴². Подобная реакция со стороны Вашингтона и Брюсселя вызвала у Анкары разочарование и стала еще одним реальным импульсом к восстановлению российско-турецких отношений.

В августе 2016 г., всего через несколько недель после попытки государственного переворота в Турции, президенты России и Турции Владимир Путин и Реджеп Тайип Эрдоган встретились впервые после инцидента с российским бомбардировщиком, восстановив тем самым двусторонние российско-турецкие связи. В течение последующих месяцев лидеры двух стран неоднократно встречались и регулярно проводили телефонные переговоры, посвященные в частности ситуации в Сирии. Помимо этого, во время визита В. Путина в Стамбул в октябре 2016 г. они подписали межправительственное соглашение о строительстве газопровода «Турецкий поток», по которому, как ожидается, в конце 2019 г. начнется поставка в Турцию больших объемов российского природного газа¹⁴³. Кроме того, Россия и Турция подтвердили свое обязательство завершить строительство атомной электростанции «Аккую». Анкара также выразила интерес к закупке российских систем С-400 для создания собственной национальной системы ПРО, несмотря на опасения официальных представителей НАТО¹⁴⁴.

Стремительно развивались российско-турецкие отношения и в военной сфере. В сентябре 2016 г. начальник Генштаба ВС России В. Герасимов посетил Турцию с визитом, имевшим большое значение. Наиболее важным итогом этого военного диалога стала турецкая операция «Щит Евфрата», развернутая в августе 2016 г. и направленная не только против ИГ, но и против связанной с РПК партии «Демократический союз» и Отрядов народной самообороны в северных районах Сирии. Но еще более важной оказалась

¹⁴⁰ Erşen E. Evaluating the Fighter Jet Crisis in Turkish-Russian Relations // *Insight Turkey*, Vol. 19. No. 4. pp. 94-95.

¹⁴¹ Владимиром Путиным получено послание Президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана // Администрация Президента России. 27.06.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52282>

¹⁴² Bechev D. What's Behind the Turkey-Russia Reset? // *Al Jazeera*. 09.08.2016. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2016/08/turkey-russia-reset-160808103350290.html>

¹⁴³ Крутихин М. „Турецкий поток“: цена упорства // *ИноСМИ.ру*. 16.10.2016. URL: <https://inosmi.ru/economic/20161016/238027885.html>

¹⁴⁴ Ünal A. Turkey's Interest in Russian Missile System May Spark New Tension with NATO // *Daily Sabah*. 16.08.2016. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/2016/08/17/turkeys-interest-in-russian-missile-system-may-spark-new-tension-with-nato>

встреча министров иностранных дел России, Турции и Ирана в декабре 2016 г., на которой была подписана так называемая «Московская декларация» о полном прекращении огня в Сирии и о начале в Астане нового мирного процесса между режимом Б. Асада и оппозиционными группами¹⁴⁵.

Несмотря на то, что центральным элементом улучшения стратегических взаимоотношений России и Турции оставалось сотрудничество в Сирии, страны также выразили намерение активизировать диалог по Черному морю. Когда в феврале 2017 г. министры обороны стран НАТО одобрили расширение военно-морского присутствия Альянса на Черном море и функцию координации между постоянными военно-морскими силами НАТО, Анкара, действуя в соответствии с этим соглашением, сослалась на положения Конвенции Монтрё и призвала все страны воздержаться от действий, которые могут спровоцировать новую напряженность в отношениях с Россией¹⁴⁶. Помимо этого, в апреле российский Черноморский флот и ВМФ Турции провели совместные учения¹⁴⁷.

Несмотря на признаки сотрудничества, следует отметить, что Турция вместе с другими странами НАТО решила присоединиться к военно-морским учениям «Щит моря – 2017», хотя отношение к ним российских официальных лиц было отрицательным¹⁴⁸. Этот шаг может рассматриваться как отражение озабоченности Турции по поводу безопасности в связи с потенциалом сети А2/АД, развернутой Россией одновременно на Кавказе, в Сирии и в Крыму, с учетом того, что Турция находится в самом центре пересечения этих трех сфер. Такую же сферу А2/АД Россия построила и в Калининграде в ответ на решения саммита НАТО в Варшаве, перебросив в этот анклав ракетные комплексы «Искандер-М», способные нести ядерные боеголовки. Помимо этого, во время военного парада в Ереване в сентябре 2016 г. выяснилось, что Армения располагает такими же российскими ракетными установками «Искандер-М»¹⁴⁹.

Несмотря на то, что после попытки переворота 15 июля турецкое общество весьма скептически относится к перспективам отношений с НАТО, можно предположить, что рост российского военного присутствия на Черном море вызывает у Анкары сильную обеспокоенность. Ее еще больше усилило заявление, сделанное генералом В. Герасимовым в сентябре 2016 г. непосредственно перед визитом в Турцию. Оценивая выполнение Черноморским флотом задач учений «Кавказ-2016», которые проводились по всей

¹⁴⁵ Опубликован полный текст совместного сирийского заявления России, Турции и Ирана (тур. Rusya, Türkiye ve İran'ın ortak Suriye bildirisinin tam metni yayınlandı) // Sputnik Turkey. 21.12.2016.

URL: <https://tr.sputniknews.com/ortadogu/201612211026428478-rusya-turkiye-iran-suriye-ortak-bildiri>

¹⁴⁶ Aydın M. Power Struggle in the Black Sea // Hurriyet. 30.03.2017. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/opinion/mustafa-aydin/power-struggle-in-the-black-sea-111388>

¹⁴⁷ Russian, Turkish Navies Hold Joint Drills in Black Sea // Sputnik News. 05.04.2017.

URL: <https://sputniknews.com/military/201704051052314680-russia-turkey-fleet-drills>

¹⁴⁸ Russia Monitoring NATO Exercise in Black Sea // Anadolu Agency. 01.02.2017. URL: <http://aa.com.tr/en/todays-headlines/russia-monitoring-nato-exercise-in-black-sea/739436>

¹⁴⁹ Abrahamyan E. Armenia's New Ballistic Missiles Will Shake up the Neighborhood // The National Interest. 12.10.2016.

URL: <https://nationalinterest.org/feature/armenias-new-ballistic-missiles-will-shake-the-neighborhood-18026?platform=hootsuite>

территории Южного военного округа России на границе с Украиной, включая Крымский полуостров, В. Герасимов сказал: «Несколько лет назад боевые возможности флота резко контрастировали, в частности, с турецкими ВМС, когда говорили, что Турция едва ли не полный хозяин на Черном море. Сейчас все по-другому»¹⁵⁰.

Можно предположить, что заявление В. Герасимова, скорее, стало ответом на планы НАТО по расширению военного присутствия на Черном море посредством размещения новых кораблей и усиления флотов членов НАТО, в частности Болгарии и Румынии. Однако одновременно с этим эти слова продемонстрировали турецкому руководству, каким образом Москва воспринимает свою военную позицию по отношению к Анкаре в регионе. В итоге представляется, что, несмотря на некоторые обнадеживающие признаки и предпринятые за последние два года усилия по активизации диалога в отношении Черного моря, две самые влиятельные страны региона изменили отношение к принципу «региональной ответственности».

Заключение

В недавней совместной статье министры иностранных дел Турции и Сербии предупредили, что эффективное решение проблем Черноморского региона в области политики, экономики и безопасности возможно только путем усиления взаимодействия, улучшения координации, конструктивного диалога и сотрудничества, ориентированного на результат¹⁵¹. Это утверждение также можно рассматривать как признание неспособности существовавших до настоящего времени механизмов регионального сотрудничества создать эффективные структуры для решения сложных вопросов безопасности на Черном море¹⁵². Как считает эксперт О. Танрисевер, попытки России и Турции сотрудничать «по ряду вопросов в Черноморском регионе определялись скорее их приоритетами в области внешней политики в целом, нежели общим подходом к региональным вопросам»¹⁵³. Еще больше осложняет эту проблему огромное количество неразрешенных этнических и сепаратистских конфликтов в регионе. В 2014 г. к длинному списку замороженных конфликтов, уже включавшему в себя Абхазию, Южную Осетию, Нагорный Карабах и Приднестровье, добавились Крым и Донбасс.

Рост напряженности в отношениях между НАТО и Россией также ослабил эффективность усилий по укреплению безопасности и стабильности в Причерноморье. Например, в феврале 2017 г. американские военные заявили, что несколько российских военных самолетов «совершили небезопасный

¹⁵⁰ Генштаб: Черноморский флот России может уничтожить десант противника еще в портах // ТАСС. 14.09.2016. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/3619937>

¹⁵¹ Çavuşo M., Dacic I. BSEC: A Useful Instrument in Promoting Culture of Cooperation and Synergy among its Member States // Daily Sabah. 12.01.2017. URL: <https://www.dailysabah.com/op-ed/2017/01/12/bsec-a-useful-instrument-in-promoting-culture-of-cooperation-and-synergy-among-its-member-states>

¹⁵² Çelikpala M. Escalating Rivalries and Diverging Interests: Prospects for Stability and Security in the Black Sea Region // Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 10. No. 3. P. 290.

¹⁵³ Tanrısever O. F. Turkey and Russia in the Black Sea Region: Dynamics of Cooperation and Conflict // EDAM Black Sea Discussion Paper Series. – 2012. – p. 22.

и непрофессиональный маневр, пролетев над военным эсминцем США в Черном море»¹⁵⁴. И Москва, и НАТО стремятся усилить военное присутствие в регионе таким образом, что оно способно нарушить ход морской торговли, включая транспортировку энергоносителей. Очевидно, что внезапный кризис между Россией и НАТО на Черном море способен негативно сказаться на экономике прибрежных государств и схемах энергетической диверсификации в Европе.

Стремясь сохранить стабильность Черного моря как морского пространства, Турция традиционно предпочитала коллективные механизмы безопасности с участием прибрежных стран региона. Однако радикальное изменение стратегического равновесия на Черном море заставляет ее пересмотреть свой подход, даже несмотря на значительное улучшение российско-турецких отношений за последние два года. Прежде всего, Анкаре необходимо рассмотреть создание эффективной концепции А2/AD для защиты своих территорий и укрепления безопасности союзников в регионе. Именно этим намерением было вызвано состоявшееся в 2010 г. присоединение Турции к стратегической концепции НАТО, призывающей к разработке системы противоракетной обороны. Впоследствии Анкара согласилась разместить в городе Куречик (провинция Восточная Анатолия) радар системы раннего оповещения ПРО. Однако Россия ответила на этот шаг размещением систем С-300 и С-400 в Южном военном округе, а также на территории Армении, Крыма и Сирии, сформировав тем самым три труднопреодолимые сферы А2/AD, накрывающие значительную часть территории Турции.

Второе и более важное обстоятельство заключается в том, что после 2014 г. Турция уступила России военно-морское лидерство на Черном море. Хрупкое равновесие системы Монтрё, поддерживавшееся Турцией на протяжении многих лет, серьезно нарушилось в связи с наращиванием Россией военной мощи в регионе. Несмотря на то, что сегодня Москва и Анкара поддерживают тесный стратегический диалог по сирийскому вопросу, их разногласия, касающиеся таких причерноморских конфликтных зон, как Нагорный Карабах и Крым, далеки от разрешения. Развитие военных отношений России и Армении вызывает у Анкары серьезную озабоченность, в то время как Москва недовольна укреплением стратегических связей Турции с правительствами Украины и Грузии.

Несмотря на то, что влияние региональных платформ сотрудничества серьезно ослабилось вследствие смещения геополитического равновесия на Черном море, они по-прежнему играют ключевую роль в разрешении противоречий между Россией и Турцией. Например, ОЧЭС является наиболее всесторонней и формализованной структурой в регионе¹⁵⁵. Следует особо подчеркнуть, что встреча министров иностранных дел двух стран, состояв-

¹⁵⁴ U.S. Says Russian Military Jets Buzzed U.S. Ship in Black Sea // Radio Free Europe. 15.02.2017.
URL: <https://www.rferl.org/a/us-says-russian-military-jets-buzzed-us-destroyer-uss-porter-black-sea-russia-denies/28310377.html>

¹⁵⁵ Aydin M. Turkish Policy towards the Wider Black Sea and the EU Connection // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. Vol. 16. No. 3. Pp. 383-397.

шаяся на саммите ОЧЭС в Сочи в июле 2016 г., стала важным шагом в процессе примирения России и Турции после кризиса, связанного с уничтожением российского бомбардировщика. ОЧЭС также может выступать платформой для придания нового импульса таким важным транснациональным проектам, как строительство автомагистрали «Черноморское кольцо», развитие концепции «Морские автостреды» и политика визовой либерализации для деловых инициатив¹⁵⁶.

Трехсторонние официальные встречи, набравшие популярность среди причерноморских государств за последние несколько лет, также могут помочь в урегулировании региональных разногласий между Россией и Турцией. В этой связи весьма важным событием стало создание в августе 2016 г. формата регулярных встреч между президентами России, Турции и Азербайджана. Как указывалось выше, начиная с 2012 г. Турция проводит аналогичные встречи на высшем уровне с руководителями Азербайджана и Грузии, а недавно вступил в силу механизм саммитов Россия – Азербайджан – Иран, последний из которых состоялся в Тегеране в ноябре 2017 г. Для того чтобы добиться прорыва в сфере разрешения региональных конфликтов на Черном море, эти механизмы могут использоваться более эффективно и тем самым придать столь необходимый импульс пошатнувшемуся принципу «региональной ответственности», который достаточно эффективно отводил от Черного моря растущую напряженность между Россией и НАТО в период после окончания холодной войны.

¹⁵⁶ Özdamar O. What Should Turkey Do to Stabilize the Black Sea Region? Sofia Platform. 06. 2015. P. 187.

Российско-турецкие отношения в Большом Причерноморье: сотрудничество и конкуренция¹⁵⁷

Павел
ШЛЫКОВ

Введение

В представленном исследовании анализируется характер взаимоотношений России и Турции как соседей по Большому Причерноморскому региону, к которому, помимо них относятся также такие прибрежные государства, как Украина, Болгария, Грузия, Румыния, Молдова, Армения и Азербайджан. В этом регионе «общего соседства» Россия и Турция представляют собой «ведущие державы, располагающие значительными ресурсами» и объединенные глубокими «региональными историческими, культурными и экономическими связями», что предоставляет им «сравнительные преимущества при урегулировании ключевых проблем этого пространства»¹⁵⁸. У обеих стран в регионе имеется множество взаимных интересов – от экономического и энергетического сотрудничества до взаимодействия по вопросам безопасности и расширения культурных связей. После многовекового соперничества между Российской и Османской империями и периода холодной войны последовало сближение Анкары и Москвы, которому в значительной степени способствовал распад СССР, произошедший в 1991 г.

Изменившиеся условия привели к тому, что в общем для двух стран регионе открылись новые возможности для взаимодействия, но и для соперничества. В начале 2000-х гг. рост товарооборота между Россией и Турцией (в первую очередь в сфере энергетики) и увеличение туристических потоков способствовали укреплению двустороннего сотрудничества. В 2010 г. российский президент Дмитрий Медведев и его турецкий коллега Абдулла Гюль инициировали деятельность Совета сотрудничества высшего уровня между Россией и Турцией. Дмитрий Медведев в тот момент даже охарактеризовал российско-турецкие отношения как «вышедшие на уровень полноценного стратегического партнерства»¹⁵⁹.

¹⁵⁷ Настоящая статья является переводом на русский язык статьи *Shlykov P. Russian-Turkish Relations in the Wider Black Sea Region: Cooperation and Competition // Perceptions: Journal of International Affairs.* – 2018. – Vol. 13, no. 2. – P. 93–117, подготовленной при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №17-18-01614 «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз»).

¹⁵⁸ Aydın M. Exploring the Prospects for Russian–Turkish Cooperation in a Turbulent Neighborhood // *Carnegie Endowment for International Peace and Global Relations Forum.* - 2014. - pp. 19-20.

¹⁵⁹ *Russia and Turkey will Not Rest on their Laurels // Администрация Президента России.* 09.05.2010. URL: http://archive.kremlin.ru/eng/speeches/2010/05/09/2300_type104017_225991.shtml.

За прошедший с момента распада биполярной системы период России действительно удалось стать для Турции стратегически значимым экспортером энергетических ресурсов. Обе страны занимались развитием масштабных инфраструктурных и энергетических проектов, включая газопровод «Турецкий поток» и АЭС «Аккую». И Россия, и Турция стремились расширить двустороннее промышленное и высокотехнологичное сотрудничество, в том числе в сфере строительства гидроэлектростанций. Элиты обеих стран разделяли представления об оптимальном, с их точки зрения, глобальном мироустройстве. Идея полицентричного мира, в котором у государств, претендующих на статус новых центров формирующегося миропорядка, теоретически появятся более широкие возможности для взаимодействия на глобальном и региональном уровнях, находила живой отклик у политических элит обеих стран. В сфере безопасности и Россия, и Турция относили борьбу с экстремизмом и радикализмом к числу своих ключевых международных приоритетов.

Тем не менее к середине 2010-х гг. сложившаяся после распада Советского Союза модель российско-турецкого сотрудничества, детерминантой которой выступал экономический прагматизм, исчерпала свой потенциал для дальнейшего роста. Забуксовал и двусторонний политический диалог. Конфликт в Сирии, начинавшийся в 2011 г. как исключительно внутривосточный и затем переросший в противостояние целого ряда ближневосточных государств, включая Турцию, и таких внерегиональных держав как Россия и США, обнажил все уязвимые места российско-турецкой модели сотрудничества. Он также выявил проблему недостаточного взаимного доверия политических элит обеих стран.

Трагический инцидент с российским бомбардировщиком Су-24, который принимал участие в военной операции в Сирии и был сбит турецкими ВВС после пересечения границы Турции и Сирии в ноябре 2015 г., привел к семимесячной «холодной войне» между двумя странами. Эти события продемонстрировали необходимость пересмотра существовавшей ранее модели двусторонних отношений. Еще одним убедительным аргументом в пользу такого пересмотра стали чрезвычайно медленные темпы нормализации двусторонних связей, начавшейся после личного письма турецкого президента Р. Т. Эрдогана, которое было направлено в адрес В. Путина 27 июня 2016 г., несмотря на благоприятную внутреннюю конъюнктуру – запрос на альтернативу партнерству с США, НАТО и ЕС как в России, так и в Турции.

В последнее десятилетие динамика российско-турецких взаимоотношений стала предметом пристального внимания исследователей. Некоторые из них спорили о том, можно ли считать эти отношения «стратегической осью»¹⁶⁰ или «евразийской осью»¹⁶¹. Другие утверждали, что у России и Турции «сформировалась стратегически значимая экономическая взаимозависимость»¹⁶², особо подчеркивая важность экономических аспектов этих отно-

¹⁶⁰ Ersen E. Turkey and Russia: An Emerging 'Strategic Axis' in Eurasia? // *EurOrient*. No. 35-36 – 2011. – Pp. 263-285.

¹⁶¹ Svarin D. Towards a Eurasian Axis? Russia and Turkey between Cooperation and Competition // *Global Affairs*. Vol. 1. Issue 4-5. – 2015. – Pp. 381-398.

шений. Многие авторы полагали, что Москве и Анкаре удалось «превратить вековые геополитические споры в геоэкономическое партнерство»¹⁶³ и что бывшие антагонисты «сделали выбор в пользу аполитичной модели экономического сотрудничества»¹⁶⁴. Большинство наблюдателей считали, что в последние годы до инцидента с российским Су-24 в ноябре 2015 г. сотрудничество между Россией и Турцией достигло беспрецедентного уровня¹⁶⁵.

Однако российско-турецкая холодная война свела на нет все доводы в пользу экономического детерминизма, приводившиеся в исследованиях на тему отношений двух стран, и вынудила искать альтернативы прежней парадигме, согласно которой экономическая взаимозависимость глобального мира перевешивала любые противоречия в сфере политики и безопасности. Кризис в отношениях Москвы и Анкары, разгоревшийся в 2015–2016 г., стал наглядной иллюстрацией конфликта между практическими интересами и экономической выгодой, с одной стороны, и стремлением утвердить собственный международный статус и отстоять свои политические ценности, с другой.

В свете вышеописанных научных споров цель настоящего исследования заключается в том, чтобы осветить основные аспекты сотрудничества и соперничества России и Турции с особым акцентом на ситуации в Большом Причерноморье. Несмотря на общеизвестный факт активного сотрудничества двух стран в сфере энергетики и безопасности, автор настоящего исследования полагает, что Россия и Турция являются не только партнерами, но и ничуть не менее серьезными конкурентами, причем именно в тех областях, в которых они активно сотрудничают. Представленный анализ призван расширить представление о тех факторах, которые лежат в основе российско-турецких отношений в Большом Причерноморье, а также о тенденциях, способных определить вектор их развития в будущем. В первой части исследования анализируются исторический контекст и геополитическая значимость Причерноморья для России и Турции. Следующие разделы посвящены рассмотрению причин совпадения и расхождения интересов этих стран в регионе, включая Кавказ, и объяснению того, почему любые прогнозы развития российско-турецких отношений в регионе сопряжены с серьезными трудностями.

¹⁶² Вартазарова Л. С., Стегний П. В. Турция: новая роль в современном мире. – М.: ЦСА РАН. 2012. с. 46-69; Aktürk S. Toward a Turkish-Russian Axis? Conflicts in Georgia, Syria, and Ukraine, and Cooperation over Nuclear Energy // *Insight Turkey*. Vol. 16. No. 4. – 2014. – Pp. 13-22; Ульянов Н. Ю., Шлыков П. В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. – М.: ИВ РАН. 2014. с. 4-16.

¹⁶³ Özbay F. The Relations between Turkey and Russia in the 2000s // *Perceptions*. Vol. 16. No. 3. – 2011. – Pp. 69-92.

¹⁶⁴ Shlykov P. Putin's Visit to Turkey: Who Will Pay for the 'Breakthrough in Bilateral Relations'? // *Carnegie*. 08.12.2014. URL: <https://carnegie.ru/commentary/57424>

¹⁶⁵ Ersen E. Turkey and Russia: An Emerging 'Strategic Axis' in Eurasia? // *EurOrient*, 2011. No. 35-36; Özbay F. The Relations between Turkey and Russia in the 2000s // *SAM*, 2011. Vol. XVI, № 3, pp. 69-92; Aktürk S. Toward a Turkish-Russian Axis? // *Insight Turkey*, 2014. Vol. 16. № 4; Sezer D. Turkish-Russian Relations: The Challenges of Reconciling Geopolitical Competition with Economic Partnership // *Turkish Studies*, 2000, Vol. 1, № 1, pp. 59-82; Hilland F., Taşpınar Ö. Turkey and Russia: Axis of the Excluded // *Survival*, 2006. Vol. 48, № 1, pp. 81-92; Kınıklıoğlu S. and Morkva V. An Anatomy of Turkish-Russian Relations // *Southeast European and Black Sea Studies*, 2007, Vol. 7, № 4, pp. 533-553; Aktürk S. Turkish-Russian Relations after the Cold War (1992-2002) // *Turkish Studies*, 2006. Vol. 7, №3, pp. 337-364.

Если рассматривать более широкий макрорегиональный контекст, то подобный анализ становится особенно актуальным в свете современной ситуации на Ближнем Востоке, где разгораются вооруженные конфликты, затрагивающие жизненно важные интересы или предполагающие участие как России, так и Турции. Продлившаяся семь месяцев холодная война между двумя странами наглядно продемонстрировала, насколько хрупким является их заявленное стратегическое партнерство и с какой скоростью Москва и Анкара смогли низвести свои отношения с уровня стратегического партнерства до политической и экономической конфронтации.

Исторический контекст и геополитическое значение Причерноморья для России и Турции

Еще на заре существования человечества Причерноморье с его богатой культурой и историей уже представляло собой зону пересечения самых разных цивилизаций. С геополитической точки зрения именно здесь возник конфликт между интересами и устремлениями крупнейших европейских и азиатских держав, боровшихся за право контролировать морские пути в регионе в целом и этот стратегически важный узел в частности. К началу XVIII в. расширение границ Российской и Османской империй привело к прямому противостоянию двух держав именно в этом регионе. Неудивительно, что следствием такого противостояния стала периодически обострявшаяся борьба за доминирование в Причерноморье и за контроль над Черноморскими проливами (Босфором и Дарданеллами), напрямую соединявшими Черное море с Эгейским и Средиземным.

Распад обеих империй в 1917 и 1922 гг. соответственно не привел к прекращению российско-турецкой конфронтации в Черном море. Несмотря на принятие в 1936 г. Конвенции Монтрё, юридически закрепившей полный суверенитет вновь образовавшегося турецкого государства над проливами Босфор и Дарданеллы, ограничившей проход судов государств, не относящихся к Причерноморью, и предусматривавшей защиту морского гражданского судоходства, международные споры по поводу этой морской зоны продолжались¹⁶⁶. Во время холодной войны Турция и СССР оказались в противоборствующих лагерях. Таким образом, и без того раздираемый на части регион Причерноморья превратился еще и в зону противостояния в рамках биполярного мира. В 1952 г. Турция вступила в Организацию Североатлантического договора (НАТО), а Советский Союз смог получить контроль над значительной частью Черноморского побережья благодаря присоединению Грузии (включая современную частично признанную Республику Абхазия), Украины и Молдовы и сотрудничеству с государствами-соседями в регионе – Болгарией и Румынией. В то же время относительная стратегическая стабильность, ставшая следствием достигнутого в 1960-х гг. ядерного паритета двух сверхдержав, положительно отразилась и на ситуации в Причерноморье.

¹⁶⁶ Нежинский Л. Н., Игнатьев А. В. (ред.) Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М.: Международные отношения, 1999, стр. 8–9.

После завершения эпохи биполярного мира в регионе наметились несколько взаимоисключающих тенденций. В самом начале 1990-х гг. и Россия, и Турция надеялись, что смогут перейти от конфронтационных отношений прошлых лет к сотрудничеству. Тем не менее довольно скоро две страны оказались в ситуации борьбы за право влиять на обширный регион, простирающийся от Балкан до Восточного Средиземноморья, Кавказа и Центральной Азии¹⁶⁷. В 1992 г. Турция выступила с инициативой о создании Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), к которой присоединились Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Республика Молдова, Россия, Румыния, Сербия, сама Турция и Украина. Таким образом, после распада Советского Союза Турция воспользовалась тем, что Россия переживала период серьезных политических и экономических потрясений, чтобы заявить о своих претензиях на наиболее близкие ей с культурной, этнической и лингвистической точки зрения части региона, которые до того момента находились вне зоны турецкого влияния.

В то же время прежние модели военно-стратегического противостояния в Причерноморском регионе¹⁶⁸ утратили свою актуальность после принятия НАТО в 1994 г. программы «Партнерство ради мира», направленной на выстраивание более тесного сотрудничества в сфере безопасности с постсоветскими государствами. ЕС стал еще одним источником технической помощи для указанных стран, в свою очередь, уделяя особое внимание поддержке их перехода к демократическим политическим режимам и рыночной экономике. В 2004 г. к НАТО присоединились Болгария и Румыния, которые в 2007 г. получили статус членов Европейского союза. Если говорить о многостороннем сотрудничестве, то в 2004 г. ЕС принял Европейскую политику соседства, которая распространилась в числе прочих на такие бывшие советские республики, как Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Республика Молдова и Украина. В 2008 г. эти шесть стран также присоединились к программе ЕС «Восточное партнерство».

Грузинская война 2008 г. и политический кризис, разразившийся в 2014 г. на территории Украины, а также последовавший за ним референдум в Крыму повлекли за собой изменения в политике бывших советских республик, постепенно выходявших из зоны российского влияния и все более тяготеющих к ЕС и НАТО. Для Турции же события 2008-2014 гг. свидетельствовали об активизации российского присутствия в Причерноморье. Одним из серьезных последствий такой активизации стало значительное наращивание военных сил РФ в бассейне Черного моря после украинского кризиса 2014 г. Таким образом, до 2014 г. ВМС НАТО, включавшие турецкий военный потенциал, значительно превосходили по возможностям российский Черноморский флот. Если у Турции, являющейся членом НАТО, в акватории имелось 44 надводных военных судна и 13 подводных лодок, то российский флот в этом регионе насчитывал 26 надводных судов,

¹⁶⁷ Vulnerabilities and Opportunities in the Black Sea Region. Romanian Perspective; Turkish Perspective // Policy Paper New Strategy Center and Marmara Group. 02.2017. pp. 4-5.

¹⁶⁸ Borawski J. Partnership for Peace and Beyond // International Affairs. Vol. 71. No. 2. Pp. 233-246.

26 подлодок, 22 летательных аппарата с неподвижным крылом и 37 вертолетов. К концу 2015 г. число российских надводных судов и субмарин, расквартированных в Черном море, составляло 41 и 7 соответственно¹⁶⁹.

События, произошедшие в Большом Причерноморье в 2008–2014 гг., привели к тому, что регион вновь оказался в центре военно-стратегического внимания России и Турции, а также России и НАТО. В то же время вновь возникший интерес России и Турции к этому региону носил не только военный и геополитический характер. Санкции, введенные ЕС и США в отношении России после событий 2014 г., и ухудшение отношений РФ и Украины вынудили российские власти обратиться к Турции в надежде на получение более широкой международной поддержки и возможности проложить альтернативный транзитный маршрут для российских нефти и газа в Европу в обход Украины. В результате российско-турецкое взаимодействие в Причерноморье обрело новое, политико-экономическое измерение¹⁷⁰.

Эти изменения резко контрастировали с тенденциями к снижению уровня напряженности, наблюдавшимися в регионе на протяжении 1990-х гг. и в первое десятилетие XXI в. В то время представлялось, что в результате противостояния между США и его потенциальным конкурентом за статус ведущей державы в мировой системе – Китаем – театр наиболее острой геополитической борьбы будет смещаться в Азиатско-Тихоокеанский регион. Однако в связи с усилением разногласий между Россией и странами ЕС и НАТО по поводу их «общих соседей» – Украины и стран Кавказа – и беспрецедентным ростом активности ИГ на Ближнем Востоке геополитическое значение Причерноморского региона вновь стало возрастать.

Как справедливо отмечает румынский профессор Шербан Филип Чокулеску, этот регион «дает странам, входящим в НАТО и ЕС, возможность взаимодействовать с государствами Южного Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока и в то же время предотвращать попытки пересмотреть статус-кво, сложившийся после завершения холодной войны»¹⁷¹. Для России же этот регион исторически имеет большое геополитическое значение и, что особенно важно, является зоной, где не осталось каких бы то ни было серьезных буферных территорий между Россией и членами НАТО. Конкуренция между российским интеграционным проектом Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и ЕС, которые, как показал украинский кризис, едва ли могут быть совместимы друг с другом, лишь усугубила геополитический и экономический раскол в регионе. Что касается Турции, то для нее Черное море также традиционно остается зоной геополитических и экономических интересов, обеспечивая ей доступ к удаленным территориям центральной Евразии.

¹⁶⁹ Деланоэ И. Соотношение вооруженных сил в Черноморском регионе // РСМД. 2016. URL: <http://russiancouncil.ru/blackseamilitary>

¹⁷⁰ Шлыков П.В. Политика и экономика «Турецкого потока»: интересы и расчеты Анкары // Европейская безопасность. Т. 37. С. 2–5.

¹⁷¹ Cioculescu S. F. Perceptions of Changing Power, Dyadic Rivalries and Security Dilemma Mechanisms in the Wider Black Sea Area // Studia Politica: Romanian Political Science Review. Vol. 16. No. 3. P. 379.

Таким образом, с геополитической точки зрения Причерноморский регион сегодня представляет собой «комплекс безопасности» и своего рода точку пересечения серьезных и зачастую взаимоисключающих интересов целого ряда региональных и мировых держав, а также различных негосударственных субъектов. В этих условиях российско-турецкие отношения относятся к числу основных геополитических «диадных противостояний»¹⁷², которые отодвигают на задний план такие второстепенные конфликты, как споры между Россией и НАТО, Россией и Грузией, Азербайджаном и Арменией, Турцией и Арменией, и способны в значительной степени определять вектор геополитического развития региона в ближайшем будущем.

Россия и Турция в Причерноморском регионе: совпадение и расхождение интересов

Общее развитие российско-турецких отношений в начале 2000-х и 2010-х гг. способствовало возникновению ключевых сфер, в которых интересы обеих стран одновременно пересекались и расходились. В первую очередь, это касалось вопросов безопасности и регионального стратегического баланса, затем – экономического сотрудничества и, наконец – энергетических и инфраструктурных проектов.

Безопасность

В начале 1990-х гг. сотрудничество России и Турции в области безопасности Причерноморья зависело от масштабной коррекции баланса стратегических сил после окончания холодной войны. Распад Советского Союза в 1991 г. позволил Турции в последующие 25 лет сохранять статус государства, располагающего наиболее мощным военным потенциалом в Черном море. В 1990-х гг. ни Россия, ни Украина так и не смогли прийти к разумному соглашению относительно будущего развития Черноморского флота. Серьезные экономические проблемы, с которыми столкнулась Россия в тот период, не позволили ей заниматься техническим и стратегическим развитием своего Черноморского флота, а остальные бывшие советские республики (Грузия) и страны – участницы Варшавского договора (Болгария, Румыния), присутствующие в этом регионе, никогда не имели ни значительного военно-морского потенциала, ни соответствующих амбиций. Благодаря этому Турции удавалось сохранять свое численное военно-стратегическое превосходство в Черном море вплоть до 2016 г., когда Россия вновь восстановила там свое военное превосходство¹⁷³.

В 1990-х и начале 2000-х гг. Турция предпринимала стратегические попытки использовать эти преимущества для создания совместного комплекса безопасности со всеми прибрежными государствами, включая Россию, что

¹⁷² Cioculescu S. F. Perceptions of Changing Power, Dyadic Rivalries and Security Dilemma Mechanisms in the Wider Black Sea Area // *Studia Politica: Romanian Political Science Review*. Vol. 16. No. 3. P. 384.

¹⁷³ General Staff: Russia-Turkey Balance of Force in Black Sea Has Changed over Years // TASS. 14.09.2016. URL: <http://tass.com/defense/899730>

в свете многолетнего членства Турции в НАТО могло усилить влияние Североатлантического альянса в регионе. Первым шагом в этом направлении стало создание в 2001 г. Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия («Блэксифор»), которая должна была заниматься проведением совместных операций поисково-спасательного характера, противоминных и гуманитарных операций, операций по защите окружающей среды, а также организацией визитов доброй воли в гаванях Черного моря¹⁷⁴. Следующим шагом, призванным привлечь Россию к участию в турецких инициативах в Черном море, стал проект «Черноморская гармония», который был организован в 2004 г. на основании резолюций Совета Безопасности ООН в целях предотвращения актов терроризма, незаконного оборота наркотиков и асимметричных угроз в Черном море¹⁷⁵. Все эти инициативы привели к дальнейшему смещению военно-политического баланса в регионе в пользу НАТО¹⁷⁶, причем этот процесс не сопровождался пересмотром действующего международного режима Причерноморья, закрепленного в Конвенции Монтрё. Его следствием стал рост напряженности в Причерноморском регионе как между Россией и Турцией, так и между Россией и НАТО.

Москва восприняла – и небезосновательно – наращивание турецкого потенциала в регионе как одно из проявлений политики НАТО, нацеленной на экономическую, политическую и культурную экспансию в Причерноморье. Как уже отмечалось выше, Румыния и Болгария вступили в НАТО в 2004 г. США разместили свои военные базы в Грузии и приступили к подготовке грузинских военных в соответствии со стандартами НАТО. В 2008 г. в ЕС была принята региональная политико-экономическая стратегия под названием «Черноморская синергия». США, в свою очередь, выступили с идеей об установке системы ПРО в Причерноморском регионе.

НАТО сосредоточило усилия на сдерживании Черноморского флота ВМС России, расквартированного в Крыму, поскольку он представлял собой своего рода символ российского влияния в регионе. После событий 2014 г. Черноморский флот получил новые элементы стратегической авиации, а именно стратегические бомбардировщики Ту-22М3 и современный оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер-М». В результате общих геополитических преобразований Причерноморье стало ключевым звеном российского стратегического присутствия на территории от Средиземного моря и Балкан до Кавказа.

Несовпадение российской и турецкой стратегий безопасности в той части, которая касалась обычных вооруженных сил в Европе (ОБСЕ) и системы противоракетной обороны НАТО в Европе, стало еще одной причиной для конфликта интересов. Сохраняющееся присутствие российских вооружен-

¹⁷⁴ Karadeniz B. Security and Stability Architecture in the Black Sea // *Perceptions*. Vol. 12. № 2. Pp. 95-117.

¹⁷⁵ Россия присоединилась к операции «Черноморская гармония» // *Российская Газета*. 29.12.2006. URL: <https://rg.ru/2006/12/29/chernomor-garmoniya-anons.html>

¹⁷⁶ Karadeniz B. Security and stability architecture in the Black Sea // *SAM*. 2007. URL: <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/02/BulentKaradeniz.pdf>

ных сил в отдельных регионах Молдовы и Грузии, вопреки декларациям, принятым в рамках Стамбульского саммита ОБСЕ 1999 г., и приостановление действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) вызвали обеспокоенность и подозрения Турции по поводу российской военной стратегии в регионе.

Экономическое партнерство

В экономическом сотрудничестве России и Турции в регионе Большого Причерноморья также прослеживается бинарная оппозиция сотрудничества и соперничества. В 2000-е гг. России удалось стать одним из основных торгово-экономических партнеров Турции. В свою очередь Турция смогла занять лишь пятое место во внешнеторговом обороте РФ, торговое сальдо при этом всегда оставалось отрицательным. Россия экспортировала в Турцию преимущественно природный газ, нефтепродукты и другие энергоресурсы (более 65%)¹⁷⁷, что значительно ограничивало возможности Турции по наращиванию собственного экспорта в Россию, составлявшего в основном продукцию текстильной промышленности, продукты питания, товары широкого потребления и т. д. Важной составляющей экономического сотрудничества в 2000-е и 2010-е гг. стало участие турецких компаний в масштабных строительных проектах, география которых с каждым годом становилась все обширнее – от Сочи до Санкт-Петербурга. Российский бизнес также заинтересовался Турцией и стал наращивать объем своих прямых инвестиций в турецкую экономику, которые преимущественно концентрировались в энергетической сфере. Очевидные успехи по ряду важных направлений торгово-экономического партнерства между Москвой и Анкарой не смогли компенсировать отсутствие институциональной базы их развития на региональном уровне и в итоге не привели к ее созданию.

Организация черноморского экономического сотрудничества, созданная по инициативе Турции в 1992 г., за годы своего существования проявила себя скорее как платформа для налаживания дипломатического диалога, нежели как инструмент выработки стратегических решений на региональном уровне. Страны, входящие в ОЧЭС, не слишком дополняли друг друга в экономической сфере¹⁷⁸ по причине отсутствия режимов беспошлинной торговли и тесных транснациональных связей. Как пишет румынский исследователь Сербан Чокулеску, «основные региональные игроки – НАТО, ЕС и Россия – попросту слишком велики или слишком сильны для таких небольших государств, как Грузия, Молдова или Азербайджан, которые оказываются в крайне затруднительном положении при необходимости выбирать между НАТО и Россией или между ЕС и ЕАЭС»¹⁷⁹. Сама процедура принятия ре-

¹⁷⁷ Öniş Z., Yılmaz S. Turkey and Russia in a Shifting Global Order: Cooperation, Conflict and Asymmetric Interdependence in a Turbulent Region // *Third World Quarterly*. Vol. 37. №1. Pp. 78-79; Ульянов Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. – М.: Институт Востоковедения РАН. 2014. с. 48-49.

¹⁷⁸ Язькова А. А. Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества. – М.: Институт Европы РАН. 2012. С. 64–73.

¹⁷⁹ Cioculescu S. F. Perceptions of Changing Power, Dyadic Rivalries and Security Dilemma Mechanisms in the Wider Black Sea Area // *Studia Politica: Romanian Political Science Review*. Vol. 16. №3. P. 379.

шений в рамках ОЧЭС, основанная на принципе полного единогласия, делает ее весьма неудобным механизмом выстраивания моделей регионального сотрудничества в силу наличия противоречий и конкуренции между странами – участниками ОЧЭС¹⁸⁰.

Сотрудничество в энергетической сфере

Одна из важнейших сфер российско-турецкого сотрудничества в Большом Причерноморье – масштабные энергетические проекты, реализуемые двумя странами на протяжении 2000-х гг. и 2010-х гг. История российско-турецкого сотрудничества в области энергетики ведет свой отсчет с 1984 г., когда советское и турецкое правительства подписали Соглашение о поставках природного газа, ставшее поворотной точкой в отношениях двух стран¹⁸¹. Интересно отметить, что в 1984 г. Турция считала заключение соглашения о поставках природного газа из Советской России важным политическим событием и той мерой, которая позволит Турции диверсифицировать свои источники энергоносителей. Строительство газопровода «Голубой поток» открыло новую главу в истории российско-турецкого энергетического сотрудничества. Благодаря этому проекту Турция начала получать российский газ по газопроводу, проложенному по дну Черного моря. В это же время российский газовый монополист компания «Газпром» проявила интерес к увеличению своей доли в распределительных газовых сетях на территории Турции¹⁸². России также удалось войти в число основных поставщиков сырой нефти в Турцию. В 2008 г. вторая по величине российская нефтяная компания «Лукойл» вышла на турецкий рынок, подписав соглашение о покупке крупного турецкого оператора сети АЗС – компании «Akpet» – за 500 млн долл., что позволило ей получить 5% от местного розничного рынка нефтепродуктов¹⁸³.

На фоне нарастающего политического кризиса вокруг Украины президент Владимир Путин и Реджеп Тайип Эрдоган в декабре 2014 г. объявили о начале работы над совместным проектом нового газопровода, который СМИ сразу окрестили «Турецким потоком». Для России его реализация должна была снизить зависимость от украинского транзита российских энергоносителей в Европу, а для Турции – обеспечить растущий спрос на энергоносители и усилить ее позиции на мировом энергетическом рынке как страны-транзитера. Турция – быстроразвивающаяся экономика с постоянно растущим уровнем энергопотребления и отсутствием собственных значительных энергетических ресурсов. Почти весь газ, на котором работа-

¹⁸⁰ Stribis I. Decision-Making in the BSEC: A Creative Cartography of Governance // Xenophon Paper. №1. Pp. 21-26.

¹⁸¹ В 1984 г. советская и турецкая стороны подписали Соглашение о поставках природного газа после завершения двухлетних переговоров. Помимо сотрудничества в сфере энергетики, это соглашение открыло новые возможности в области подрядных услуг и торговых бирж. В соответствии с соглашением Турция принимала на себя обязательство приобрести у СССР 120 млрд кубометров природного газа в течение 25 лет начиная с 1987 г. См.: Oran B. Turkish Foreign Policy 1919–2006: Facts and Analyses with Documents. Salt Lake City: University of Utah Press. 2010. Pp. 619–622.

¹⁸² Özertem H.S. Энергетические рынки в Турции и России (тип. Türkiye-Rusya Hattında Enerji Pazarlıkları) // Ulusal İli kiler Portalı. 04.10.2011. URL: <http://www.uiportal.net/turkiye-rusya-hattinda-enerji-pazarliklari.html>.

¹⁸³ Lukoil Buys Turkey's Akpet // Tank Storage Magazine. 18.08.2008.

URL: http://www.tankstoragemag.com/display_news/237/Lukoil_buys_Turkey039s_Akpet

ют турецкие ТЭС, поступает из-за рубежа. Это вынуждает Турцию постоянно искать пути диверсификации своих источников энергообеспечения и оптимизации расходов на импортный газ. Россия остается основным поставщиком газа в Турцию, контролируя 56% всего газового рынка страны. Ее главными конкурентами на этом направлении традиционно выступают Азербайджан и Иран, но рыночная доля Азербайджана составляет лишь 8%, а стоимость иранского газа значительно превышает российские расценки, поскольку Газпром предоставляет Турции существенные скидки. Все это сделало «Турецкий поток» чрезвычайно важным проектом для Анкары как с геополитической, так и с геостратегической точки зрения.

Турция на протяжении многих лет предпринимала немалые усилия, чтобы добиться статуса международного энергетического центра, намереваясь компенсировать полное отсутствие собственных энергоресурсов за счет геостратегического потенциала в области выстраивания прочных связей между основными поставщиками энергоносителей (Россией и прикаспийскими государствами) и их европейскими потребителями. Проект «Турецкий поток» должен был стать еще одним важным элементом «энергетического коридора», соединяющего страны Каспия с Грецией и Италией через Трансанатолийский (*TANAP*) и Трансадриатический (*TAP*) газопроводы, тогда как сам «Турецкий поток» обеспечит поставки российского природного газа из Турции в Венгрию и другие страны Центральной Европы¹⁸⁴.

Ситуация, сложившаяся на сегодняшний день в сфере российско-турецкого энергетического сотрудничества, сама по себе не нова. В середине 2000-х гг. перед Турцией уже открывались перспективы расширения собственного влияния на международном энергетическом рынке. Однако активно обсуждавшийся проект строительства газопровода «Голубой поток – 2», призванного обеспечить транзит российского газа через территорию Турции в Израиль (южное направление) и в страны Европы (западное направление), так и не был реализован. В 2005 г. Турция начала официальные переговоры о вступлении в ЕС, что стало важной вехой для страны, которая стремилась к этой цели на протяжении последних 40 лет. Проект «Голубой поток – 2» мог осложнить работу европейских партнеров Турции по диверсификации своих источников и поставщиков природного газа, поскольку государства – члены ЕС намеревались решить эту проблему за счет строительства газопровода «Набукко», ведущего из Туркменистана через Азербайджан и Турцию в ЕС. Стремясь избежать разногласий с ЕС, Анкара отказалась от проекта «Голубой поток – 2» в пользу «Набукко». В 2007 г. Москва приступила к строительству нового газопровода под названием «Южный поток» в обход Турции.

Специфика взаимоотношений Турции с ее западными союзниками и партнерами может отразиться и на реализации проекта «Турецкий поток». Турция способна балансировать между своими восточными и западными пар-

¹⁸⁴ Turkey Ready to Cooperate to Provide Energy Security for Central Europe // Daily Sabah. 24.02.2015.
URL: <https://www.dailysabah.com/energy/2015/02/24/turkey-ready-to-cooperateto-provide-energy-security-for-central-europe>

тнерами, отказываясь принимать итоговое решение вплоть до последней минуты. В пользу этого наблюдения говорит и то, каким образом происходил запуск проекта «Турецкий поток» после восстановления российско-турецких отношений в 2016 г.: изначально проект газопровода «Южный поток» (в настоящее время заморожен) и пришедший ему на смену «Турецкий поток» предусматривали строительство четырех ниток общей мощностью 63 млрд куб. м. Одна из этих ниток должна была доставлять газ турецким потребителям, а оставшиеся три предназначались для транспортировки газа в Европу в обход Украины. В соответствии с межправительственным соглашением, подписанным 10 октября 2016 г., Турция гарантировала строительство лишь одной нитки газопровода, а судьба второй зависела от будущих соглашений между Россией и ЕС¹⁸⁵. Столь существенное сокращение мощностей до 15,75 млрд куб. м не отвечало ни политическим, ни экономическим интересам Кремля и Газпрома. В свете этих новых обстоятельств инвестиции Газпрома в наземную и подводную инфраструктуру и скидка на поставки газа, которую он должен был предоставить турецкой государственной компании «Botaş», вели к значительному удорожанию проекта. Российско-турецкие споры по поводу размера такой скидки стали одним из факторов, затормозивших работу над проектом в 2015 г., а после отказа России от строительства после трагического инцидента с российским Су-24 Турция была вынуждена обратиться в международный суд.

Серьезные конфликты интересов двух стран в самых разных сферах очевидным образом ограничивают возможности для российско-турецкого сотрудничества в Большом Причерноморье. К числу таких ограничительных факторов относятся явное и открытое несовпадение стратегий двух стран в области энергетики и безопасности и разногласия по поводу затяжных конфликтов и процессов демократизации на постсоветском пространстве.

Несмотря на то обстоятельство, что в ходе двух последних десятилетий России и Турции удалось прийти к консенсусу по поводу ряда совместных энергетических проектов и даже приступить к их реализации, стратегии обеих стран в области энергетики носят чрезвычайно конкурентный характер и ведут к открытому взаимному соперничеству. Энергетическая стратегия Анкары предусматривает строительство «Энергетического коридора Восток – Запад», призванного соединить прикаспийские государства, поставляющие энергоносители, с потребителями их товаров в Европе. ЕС называет этот проект «Южным энергетическим коридором» и считает его реальной альтернативой российскому «Восточному энергетическому коридору», от которого Европа сегодня в значительной степени зависит. Западные наблюдатели склонны считать российский коридор чрезвычайно ненадежным источником энергопоставок, поскольку с самого начала 2000-х гг. Москва предпринимала попытки использовать свой статус поставщика

¹⁸⁵ Махнева А. Россия и Турция подписали соглашение по «Турецкому потоку» // Ведомости. 10.10.2016. URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/10/10/660321-rossiya-turtsiya>

в качестве внешнеполитического рычага давления¹⁸⁶. Создание «Южного энергетического коридора» предоставит европейским потребителям возможность диверсифицировать свои каналы поставок энергоносителей и снизить высокую зависимость от России как от главного поставщика углеводородов.

Как отмечают многие наблюдатели, Турция отчасти преуспела в своих попытках «ослабить российскую монополию на экспорт каспийских углеводородов»¹⁸⁷. При поддержке США и в тесном сотрудничестве с Азербайджаном и Грузией Турция осуществила проекты строительства нефтепровода «Баку – Тбилиси – Джейхан» и газопровода «Баку – Тбилиси – Эрзурум», благодаря которым Анкара получила возможность транспортировать азербайджанские нефть и газ напрямую на территорию Турции. Успешная реализация этих двух проектов имела двойной эффект: во-первых, Турции удалось снизить свою зависимость от России путем диверсификации источников энергии, а во-вторых, она ослабила российское влияние на азербайджанские энергоносители, предоставив Баку прямой доступ к международным энергетическим рынкам в обход России.

Ограниченное взаимодействие между Россией и Турцией в Большом Причерноморье в некоторой степени связано с «разногласиями по поводу будущего» этого обширного региона и иногда даже с отсутствием у обеих стран «общего видения»¹⁸⁸. В 1990-х гг. и начале 2000-х гг. и Турция, и Россия демонстрировали исключительно прагматический подход к событиям в регионе. Однако их разногласия по поводу ряда региональных вопросов, описанных выше, свидетельствуют о несовпадении их внешнеполитических приоритетов в отношении Причерноморского региона. Проблемные отношения между этими субъектами усугубляются еще и тем фактом, что в регионе отсутствует эффективная институционализирующая структура, которая могла бы взять на себя ответственность за смягчение региональных противоречий: ОЧЭС не имеет большого веса и ориентирована на решение преимущественно экономических задач¹⁸⁹, ОБСЕ не слишком эффективна в качестве инструмента урегулирования конфликтов, Евразийский экономический союз воспринимается всеми как «российская структура», а ЕС и НАТО не очень приемлемы для России по ряду политических соображений.

Российско-турецкое взаимодействие на Кавказе

Сформировавшаяся в последние два десятилетия модель российско-турецких взаимоотношений, основанная на «конкурентном сотрудничестве», наглядно иллюстрируется их взаимодействием на Кавказе, географически относящемся к зоне Большого Причерноморья.

¹⁸⁶ Perovic J., Orttung R. W., Wenger A. Russian Energy Power and Foreign Relations: Implications for Conflict and Cooperation. – New York: Routledge. 2009.

¹⁸⁷ Tannrsever O. F. Turkey and Russia in the Black Sea Region: Dynamics of Cooperation and Conflict // Black Sea Discussion Paper Series. 2012. №1. P. 17.

¹⁸⁸ Ibid. P. 22.

¹⁸⁹ Маслова Е. А. Организация черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС): проекты сотрудничества и их реализация. Материалы IX Конвента РАМИ. М.: МГИМО-Университет. С. 140–146.

В исторической ретроспективе интересы России и Турции в Закавказье значительно различались. В постсоветский период, когда этот регион охватили затяжные конфликты, Москва и Анкара нередко оказывались в противоборствующих лагерях¹⁹⁰. Формально Россия стала основным союзником бывшей советской республики Армения, гарантировав ее сохранение в современных границах и разместив на ее территории свою военную базу. Турция же заключила схожий союз с Азербайджаном, который считается главным партнером Анкары на Кавказе, учитывая степень интенсивности экономических, административных и военных связей двух стран¹⁹¹. В то же время, несмотря на тесные связи с Турцией и конфликт с Арменией, Азербайджан сумел выстроить конструктивные и взаимовыгодные отношения с Россией. Таким образом, Азербайджан может служить примером совместимости региональных связей России и Турции.

Армения же, напротив, относится к числу тех стран, по поводу взаимодействия с которой Россия и Турция занимают диаметрально противоположные позиции. Наиболее сложным аспектом непростых взаимоотношений между Ереваном и Анкарой является расхождение двух стран в оценках событий 1915 г. Турция предпринимала некоторые попытки решения этой проблемы, создав специальную парламентскую комиссию. В 2005 г. комиссия подготовила доклад, приуроченный к 90-летней годовщине трагедии 1915 г. Однако несмотря на то, что доклад содержал взвешенную оценку этих событий, в нем отсутствовали те формулировки, на которых неизменно настаивала Армения, и не признавались ее утверждения по поводу событий 1915 г.¹⁹² Таким образом, спустя век после 1915 г., Турция и Армения по-прежнему оставались очень далеки от согласия по данному вопросу. В то же время, если говорить о российско-армянских отношениях, то Турция расценивает военное присутствие РФ в Армении скорее как стабилизирующий фактор, нежели как источник региональной напряженности.

Грузия представляет собой еще один пример расхождения позиций России и Турции. С момента российско-грузинского конфликта 2008 г. между Москвой и Тбилиси сохраняется напряженность, а дипломатические отношения так и не были восстановлены в полном объеме. Турция же, напротив, плотно взаимодействует с Грузией в экономической сфере. После грузинской войны 2008 г. Турция не признала независимый статус Абхазии и Южной Осетии, но в то же время занялась активным продвижением своих экономических интересов в Абхазии¹⁹³. Эта парадоксальная ситуация сделала Анкару главным соперником Москвы в борьбе за влияние в этом частично

¹⁹⁰ Ульченко Н. Ю., Шлыков П. В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М.: Институт Востоковедения РАН. 2014. С. 45.

¹⁹¹ Хас К. Турция и Азербайджан – не только энергетика // РСМД. 09.03.2016. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turtsiya-i-azerbaydzhan-ne-tolkoenergetika/?sphrase_id=1999066

¹⁹² Вартазарова Л.С., Стегний П.В. Турция: новая роль в современном мире. М.: Центр ситуационного анализа РАН. 2012. С. 61.

¹⁹³ Rukhadze V. Defying Georgia, Turkey Gradually Cultivates its Influence in Separatist Abkhazia // The Jamestown Foundation. 01.10.2015.

URL: <https://jamestown.org/program/defyinggeorgia-turkey-gradually-cultivates-its-influence-in-separatist-abkhazia>.

признанном кавказском государстве. Для Абхазии, которая стремится расширить круг своих внешних партнеров и снизить уровень зависимости от Москвы, отношения с Турцией представляют собой возможность для наращивания собственного экономического и политического потенциала и укрепления фактического суверенитета.

Совпадение позиций России и Турции наблюдается в отношении переговоров в Минском формате по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе, который де-факто представляет собой еще одну спорную территорию, на которую претендуют одновременно Армения и Азербайджан. Россия и Турция считают Минский процесс важной международной платформой, объединяющей США, государства-члены ЕС и другие ключевые заинтересованные стороны, выступающие за мирное урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта¹⁹⁴. Обеспечение стабильности и безопасности на Южном Кавказе является важной региональной политической задачей как для Турции, так и для России. Таким образом, взаимодействие по поводу урегулирования ситуации в отношении Абхазии и Нагорного Карабаха представляет собой важное направление потенциальной активизации российско-турецкого сотрудничества.

В настоящее время Кавказ остается для обеих стран стратегически значимым регионом. Для России Закавказье является ареной геополитического противостояния с Западом. Несмотря на то, что украинский кризис 2014 г. способствовал тому, что на некоторое время это противостояние отошло на второй план, оно так и не было полностью снято с повестки дня отношений России с НАТО и ЕС. Политический кризис на Украине лишь усилил конкуренцию между европейским и евразийским интеграционными проектами в регионе. Ряд бывших советских республик, включая Грузию (2016 г.) и Украину (2017 г.), сделали выбор в пользу подписания соглашений об ассоциации с Европейским союзом, тогда как другие, например, Армения, предпочли присоединиться к ЕАЭС (2015 г.). Азербайджан же выбрал стратегию балансирования между Россией и ЕС.

Для Запада этот регион имеет большое значение с точки зрения обеспечения «энергетического многообразия», поскольку он является альтернативным источником нефти и газа для европейских потребителей и инструментом сдерживания амбиций Москвы и Тегерана. Что касается России, в состав которой входят семь северокавказских республик, то контроль над ситуацией по ту сторону Кавказского хребта является частью ее политики по обеспечению национальной безопасности. В 1990-х гг. и начале 2000-х гг. несколько турецких групп оказывали поддержку чеченским сепаратистам, тем самым препятствуя попыткам Москвы полностью решить проблему сепаратизма в Чечне¹⁹⁵. Несмотря на то, что военная кампания федерального правительства в Чечне официально завершена, республики Северного Кав-

¹⁹⁴ Trenin D. From Damascus to Kabul: Any Common Ground between Turkey and Russia? // *Insight Turkey*. Vol. 15. №1. Pp. 47-48.

¹⁹⁵ Olson R. Turkish and Russian Foreign Policies, 1991-1997: The Kurdish and Chechnya Questions // *Journal of Muslim Minority Affairs*. Vol. 18. №2. Pp. 209-227.

каза по-прежнему остаются зоной повышенного военного риска и источником социально-политической нестабильности. Прежние джихадистские объединения Ближнего Востока, например, Аль-Каида, никогда не рассматривали Северный Кавказ в качестве приоритетной географической зоны для собственной экспансии, тогда как ИГ сегодня придерживается иной тактики и все активнее вербует сторонников именно на Кавказе¹⁹⁶. Вот почему Москве и Анкаре сейчас так важно сосредоточить общие усилия на ликвидации потоков финансовой помощи, направляемой исламским радикалам на Северном Кавказе.

Интересы Анкары на Кавказе имеют разносторонний и многоуровневый характер. Турция совместно с Азербайджаном занимается реализацией различных энергетических проектов (нефтепровод «Баку – Тбилиси – Джейхан», газопровод «Баку – Тбилиси – Эрзурум», Трансанатолийский и Трансадриатический газопроводы), цель которых заключается в создании альтернативных маршрутов для поставок энергоресурсов в ЕС. Турция также сотрудничает с Азербайджаном и Грузией в рамках совместных инфраструктурных программ, таких как строительство железнодорожного транспортного коридора «Баку – Ахалкалаки – Тбилиси – Карс»¹⁹⁷. Сотрудничество Турции и Грузии отличается высокой степенью интенсивности. Грузия давно стремится получить статус члена НАТО (препятствием для вступления в НАТО являются неурегулированные территориально-этнические споры с Абхазией и Южной Осетией) или хотя бы расширить свое военное сотрудничество с Альянсом, тогда как Анкаре важно заручиться поддержкой НАТО для реализации своих региональных амбиций.

По разным оценкам, около 10% населения Турции имеют тесные связи с жителями Северного и Южного Кавказа благодаря деятельности обширных диаспор этих народов на территории Турции. Там в настоящее время проживают около 3–5 млн выходцев с Северного Кавказа, 3 млн азербайджанцев и 2–3 млн грузин¹⁹⁸. Многие из них принимают активное участие в общественной жизни страны, образуют лоббистские группы, служат в армии и выдвигают свои кандидатуры для участия в парламентских выборах. Некоторые являются работниками турецких СМИ и, следовательно, представляют собой важный электоральный ресурс.

Российско-турецкая «холодная война» 2015–2016 гг. дала повод ожидать роста двусторонней напряженности и применительно к политике двух стран на Кавказе. Так, в конце 2015 г. Турция начала принимать меры по активизации своего экономического и военно-стратегического сотрудничества с Грузией и Азербайджаном, тогда как Россия расширила военное вза-

¹⁹⁶ Ярлыкапов А. Исламское государства и Северный Кавказ в ближневосточной перспективе: вызовы и уроки для России // *Международная аналитика*. Т. 17. №3. с. 112-121.

¹⁹⁷ Маркедонов С. М. Не по-соседски: Российско-турецкие отношения и проблемы безопасности Кавказского региона // *Россия в глобальной политике*. №3. с. 80-94.

¹⁹⁸ Gafarli O. The Role of North Caucasus Diaspora Groups in Turkey–Russia Relations // *Turkish Policy Quarterly*. Vol. 13. №1. Pp. 177-178; Aydın M. Changing Dynamics of Turkish Foreign and Security Policies in the Caucasus. Reassessing Security in the South Caucasus Regional Conflicts and Transformation. - London: Routledge. 2011. Pp. 117-120.

имодействие с Арменией. Тем не менее, несмотря на всю близость международных позиций Анкары, Баку и Тбилиси, говорить об их идентичности было бы некорректно. Так, например, отношения Азербайджана со странами Запада остаются весьма непростыми: в последнее время риторика США и ЕС в адрес авторитарного режима азербайджанских властей приобретает все более резкий и критический характер. Неудивительно, что в этой ситуации Азербайджан рассматривает Россию как своего рода противовес Западу и дополнительный источник международной легитимности своего политического режима. Баку заинтересован в укреплении экономического сотрудничества с Москвой и нуждается в ней как в союзнике в борьбе с джихадистской угрозой¹⁹⁹. Сотрудничество в борьбе с терроризмом не менее важно и для Грузии, поскольку Панкисское ущелье еще в 2000-х гг. превратилось в базу для террористов. Россия, утратившая значительную часть своего влияния на Грузию после признания независимости Абхазии и Южной Осетии в 2008 г., не может позволить себе ухудшить отношения с Азербайджаном и пытается балансировать между своими стратегическими партнерами (Арменией и Азербайджаном) в целях выработки приемлемой стратегии урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта.

Закавказье, где у Турции и России нет каких-либо серьезных поводов для противостояния, представляет собой потенциальную сферу для сотрудничества в области безопасности и урегулирования региональных конфликтов. Обе страны, очевидно, заинтересованы в безопасности и политической стабильности Кавказа и не желают, чтобы он подвергнулся влиянию сторонних держав, не относящихся к этому региону²⁰⁰. Существующие расхождения в позициях Москвы и Анкары по ряду политических вопросов не могут стать серьезным препятствием для российско-турецкого сотрудничества в регионе. Здесь нельзя не упомянуть турецкую инициативу под названием «Кавказская платформа стабильности и сотрудничества», которая была выдвинута в 2008 г. при поддержке России. Анкара рассматривала эту платформу в качестве инструмента для укрепления взаимодействия между южнокавказскими республиками при участии исключительно региональных держав. Эта платформа вполне может выступить как рамочная программа межправительственного институционального сотрудничества в области урегулирования региональных конфликтов.

Заключение

На протяжении последних 20 лет наблюдалась интересная тенденция: всякий раз, когда в отношениях России и Запада наступало очередное охлаждение, Анкара, напротив, демонстрировала готовность активизировать свое взаимодействие с Москвой. Обе стороны считали такое взаимодействие выгодным как с геополитической, так и с экономической точки зре-

¹⁹⁹ Караваев А. В поисках точек роста // Российская газета. 12.05.2016. URL: <https://rg.ru/2016/05/12/druzhaba-mezhdu-ri-i-azerbajdzhanom-sposobstvuet-razvitiu-ekonomiki.html>

²⁰⁰ Вартазарова Л. С., Стегний П. В. Турция: новая роль в современном мире. М.: Центр ситуационного анализа РАН. 2012. С. 61; Ульянов Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М.: Изд-во Института Востоковедения РАН. 2014. с. 46–47.

ния. В 2008 г., после эскалации конфликта в Южной Осетии и ухудшения российско-грузинских отношений, сопровождавшихся резкой реакцией со стороны стран Запада, Турция приняла решение в пользу дальнейшего расширения сотрудничества с Россией. В 2009–2010 гг. России и Турции удалось заключить целый ряд беспрецедентных по своему масштабу соглашений относительно АЭС «Аккую», нефтепровода Самсун – Джейхан, введения безвизового режима и учреждения Совета сотрудничества высшего уровня. Эти соглашения позволили лидерам обеих стран заявить о том, что российско-турецкие отношения достигли уровня «стратегического партнерства». Эти «беспрецедентные» и «прорывные» соглашения, как их характеризовали различные СМИ, оказались гораздо более выгодными Турции, нежели России, с точки зрения которой масштабные турецкие проекты имели скорее политическое, нежели экономическое значение.

В 2014 г., после событий на Украине и нарастания конфронтации между Россией и Западом, Анкара вновь продемонстрировала, что экономические интересы для нее превалируют над идеологической солидарностью с союзниками по НАТО. Турция не присоединилась к антироссийским санкциям, введенным США и странами ЕС, вместо этого поддержав проект газопровода «Турецкий поток» и получив от России скидку на поставки природного газа. Однако одновременно с этим Анкара продолжила работу по выстраиванию альтернативных маршрутов для транспортировки нефти и природного газа из стран Центральной Азии в обход российской территории.

К 2015 г. механизм «прорывных соглашений», компенсировавших все разногласия России и Турции по поводу ключевых вопросов глобальной политики, практически исчерпал себя. Об этом говорят и трудности, возникшие при попытках нормализации двусторонних отношений, и медленное восстановление связей между Россией и Турцией в течение всего периода после событий лета 2016 г.

Анализ российско-турецких отношений в Большом Причерноморье и на Кавказе за последние 20 лет свидетельствует об их многоаспектности, сочетающей в себя равновесные элементы как соперничества, так и сотрудничества в целом ряде сфер, включая безопасность, экономическое взаимодействие и развитие энергетической инфраструктуры.

Приоритетом повестки дня отношений России и Турции в Причерноморье остаются вопросы безопасности. Религиозно-этнические и социально-политические конфликты, которые наблюдаются сегодня как внутри самих причерноморских государств, так и между ними, равно как и их позиция по отношению к альтернативным проектам в области безопасности и интеграции, значительно осложняют динамику региональных процессов и не позволяют причерноморским государствам выступать единым блоком. Россия вынуждена заниматься решением множества проблем, затрагивающих ее соседей по Северному Кавказу, и вести активную борьбу с ИГ – как здесь, так и на Ближнем Востоке. Турция находится в состоянии войны с Рабочей партией Курдистана и Отрядами народной самообороны, к тому же, начиная

с 2014 г., значительно участились террористические атаки экстремистов ИГ, направленные против Турции. Ряд других прибрежных государств Причерноморья, включая Грузию, Украину и Молдову, увязли в собственных внутренних территориально-этнических конфликтах.

Эта сложная региональная динамика превращает Большое Причерноморье, включая страны Кавказа, в арену борьбы за власть и безопасность, и главными игроками здесь выступают Россия и Турция. Обе страны единодушны в своем стремлении сохранить относительный статус-кво в этом регионе. В то же время та гонка вооружений, которая сегодня происходит в регионе между Россией и Турцией, а также между Россией и НАТО, свидетельствует о дефиците доверия между региональными субъектами. Отсутствие эффективной панрегиональной международной организации, которая могла бы заниматься урегулированием конфликтов, означает, что риски для региональной безопасности остаются высокими и могут свести к нулю всю позитивную динамику в и без того хрупких взаимоотношениях России и Турции.

Еще одним элементом сотрудничества и соперничества двух стран являются крупномасштабные энергетические и инфраструктурные проекты в Причерноморском регионе. Несмотря на то, что эти проекты носят действительно региональный характер и отличаются смелостью замысла, все связанные с ними успехи и неудачи наглядно свидетельствуют об уязвимости стратегического двустороннего партнерства, о котором заявляют Москва и Анкара. Иными словами, сотрудничество и соперничество являются неотъемлемой частью российско-турецких взаимоотношений и требуют более комплексного и многостороннего подхода, который позволил бы трансформировать конфликтующие интересы России и Турции в полноценное партнерство.

Раздел 4

О ЕВРАЗИЙСКОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЕ

Турция как евразийский транспортный узел: перспективы межрегионального партнерства

Алтай
АТЛЫ

Введение

30 октября 2017 г. в Азербайджане состоялось открытие долгожданного железнодорожного коридора «Баку – Тбилиси – Карс». Обращаясь к участникам церемонии, лидеры стран подчеркнули стратегическую важность региона и его огромный потенциал в сфере транспорта, туризма и энергетики. «Мы вводим в эксплуатацию одно из звеньев нового Шелкового пути, призванного соединить Азию, Европу и Африку, – отметил президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган. – Завершен важнейший этап проекта „Центральный коридор“ – по железной дороге Баку – Тбилиси – Карс отправляется первый поезд. Это значит, что между Лондоном и Китаем установлено непрерывное железнодорожное сообщение»²⁰¹.

Упомянутый Р. Эрдоганом проект «Центральный коридор» – это инициатива по соединению Турции с железнодорожными системами Грузии, Азербайджана, Туркменистана, Казахстана и Китая, включающая паромную переправу через Каспийское море²⁰². Этот проект, несомненно, крайне важен как средство расширения транспортных связей между Турцией и соседними странами, но настоящая его ценность связана с направлением Лондон – Китай – через Турцию теперь проходит крупный транспортный коридор, протянутый через весь Евразийский континент²⁰³.

Между евразийскими державами идет ожесточенная борьба за лидирующую роль в формировании геоэкономической структуры региона. Выдвигаются амбициозные планы по реализации гигантских инфраструктурных проектов, охватывающих огромные территории, а именно по строительству железных и автомобильных дорог, трубопроводов, портов и т. д. Много внимания уделяется китайской инициативе «Пояс и путь»; но, как будет показано ниже, свои планы есть и у других сторон, таких как Россия и ЕС.

Однако все эти проекты и концепции могут успешно разрабатываться и эксплуатироваться одновременно. Развитие инфраструктуры – это не игра с нулевой суммой; конкурирующие инициативы могут дополнять и дополняют друг друга. В настоящей статье утверждается, что различные инфраструктурные проекты в Евразийском регионе в совокупности формируют обширную логистическую сеть, которая послужит укреплению связей

²⁰¹ The Baku-Tbilisi-Kars Railway is One of the Links of the New Silk Road // Presidency of the Republic of Turkey. 30.10.2017. URL: <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/86168/the-baku-tbilisi-kars-railway-is-one-of-the-links-of-the-newsilk-road.html>

²⁰² China's Belt and Road Initiative and Turkey's Middle Corridor: A Question of Compatibility // Middle East Institute. 29.01.2019. URL: <https://www.mei.edu/publications/chinas-belt-and-road-initiative-and-turkeys-middle-corridor-question-compatibility>

²⁰³ В научной литературе приводится множество определений термина «Евразия». В этой статье в практических целях принято определение, согласно которому Евразия включает в себя Европу и Азию. Для обсуждения различных интерпретаций евразийской географии см. Vinokurov E. The Scope of Eurasian Integration. Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. – London: Palgrave Macmillan. 2012.

между Востоком и Западом, обеспечив рост объемов торговли и активизацию контактов между людьми. При этом в статье также демонстрируется, что Турция благодаря своему географическому положению и быстро развивающейся экономике обладает хорошим потенциалом для того, чтобы выступить связующим звеном между двумя частями Евразии.

С открытием железной дороги Баку – Тбилиси – Карс Турция стала на шаг ближе к тому, чтобы стать евразийским транспортным узлом. У нее есть собственные проекты и своя концепция развития, и чем эффективнее она сможет учесть инициативы и стратегии других стран региона в них, обеспечив их взаимодополнение, тем прочнее будет ее позиция как транспортно-го центра, соединяющего Восток и Запад.

Транспортная концепция Турции

Транспортные маршруты, соединяющие Азию с Европой в настоящее время могут быть разделены на три группы²⁰⁴. Первая – это Северный путь, включающий в себя маршруты, пролегающие по территориям Китая, Казахстана и России и ведущие в страны ЕС. Вторая – это Центральный коридор, включающий в себя турецкую инициативу с тем же названием; эта группа маршрутов соединяет Китай с Европой и пролегает через Казахстан, Каспийское море, Южный Кавказ и Турцию. Третья – Южный путь, идущий из Китая через Казахстан и Иран. Все эти пути вносят непосредственный вклад в развитие экономики соответствующих стран, поэтому все они высоко востребованы. Однако, как мы уже отметили, важно, чтобы они дополняли, а не заменяли друг друга.

Турецкое правительство явно предпочитает Центральный коридор: по словам бывшего заместителя министра иностранных дел Али Наджи Кору, «Центральный коридор крайне выгоден Турции как альтернатива и Северному пути, проходящему по России, и Южному пути, идущему через Иран»²⁰⁵; однако для того, чтобы стать региональным транспортным узлом, Турции потребуется сотрудничать со всеми сторонами, реализующими другие проекты, и участвовать в них. Самое слабое звено – это железнодорожная сеть. На территории Турции уже создана современная сеть автодорог²⁰⁶, страна сегодня является одним из мировых лидеров по количеству грузовых автомобилей. Согласно последним данным, 80,6% всех грузовых и 89,6% пассажирских перевозок в Турции осуществляются по автомобильным дорогам. Доля железных дорог составляет 4,8% и 2,2% соответственно. Что касается внешней торговли, 54,8% турецкого экспорта и 58,4% импорта осуществляются по морским путям, тогда как на автомобильный

²⁰⁴ Караганов С. К. Великому океану – 3. Создание Центральной Евразии. Экономический пояс «Шелкового пути» и приоритеты совместного развития евразийских государств // Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» (краткая версия). 2015. С. 12–14.

²⁰⁵ Önder Yılmaz, "Türkiye ve Çin'den Orta Koridor Hamlesi", Milliyet, 24 мая 2016 г.

²⁰⁶ По состоянию на начало 2017 г. протяженность дорожной сети Турции составляла 66 774 км, включая автомагистрали, дороги местного значения и проселочные дороги. См. Информация о дорожной сети (тур. Yol Ağı Bilgileri) // Karayolları Genel Müdürlüğü. URL: <http://www.kgm.gov.tr/Sayfalar/KGM/SiteTr/Kurumsal/YolAgi.aspx> (по состоянию на 12 декабря 2017 г.); Кроме того, дорожная сеть Турции включена в ряд международных автодорожных сетей, таких как Европейская сеть автомагистралей, Трансьевропейская автомагистраль и Транспортный коридор Европа – Кавказ – Азия (ТРАСЕКА), см. Международные Автомобильные Маршруты (тур. Uluslararası Karayolu Güzergahları) // Karayolları Genel Müdürlüğü. URL <http://www.kgm.gov.tr/Sayfalar/KGM/SiteTr/Kurumsal/GlobalProjeler.aspx>

транспорт приходится 35,1% и 15,4%, а на железнодорожный – 0,6% и 0,5% соответственно²⁰⁷.

Транспортная стратегия Турции ставит своей целью увеличение доли железнодорожных перевозок – как внутренних, так и международных – и сокращение доли автотранспорта. Согласно Плану развития транспортной инфраструктуры Турции на период до 2023 г., доля автомобильных грузоперевозок внутри страны к 2023 г. должна быть снижена с 80,6% до 60%, доля железных дорог – увеличена с 4,8% до 15%, а доля морских путей – повышена с 2,7% до 10%.

В секторе пассажирских перевозок план предусматривает снижение доли автотранспорта с 89,6% до 72%, увеличение доли железных дорог с 2,2% до 10% и повышение доли воздушных перевозок с 7,8% до 14%. Для достижения этих целей к 2023 г. потребуется увеличить общую протяженность турецких железных дорог с 12 тыс. км до 25 тыс. км; к 2035 г. правительство Турции планирует расширить железнодорожную сеть до 31 тыс. км²⁰⁸. Все эти усилия и такие инициативы, как Центральный коридор и железная дорога Баку – Тбилиси – Карс, будут «способствовать расширению транспортных сетей Турции и укреплению связей с Азией и Европой»²⁰⁹.

Турецкая инициатива «Центральный коридор» – это крупный проект, направленный на то, чтобы связать Турцию с Центральной Азией и далее с Китаем через Южный Кавказ и Каспийское море. Был предпринят ряд дипломатических усилий для создания платформы, позволяющей контролировать ход проекта. Министры транспорта государств – членов Тюркского совета подписали совместный протокол о сотрудничестве, после чего был создан координационный совет для урегулирования возможных споров между государствами – членами. Железная дорога Баку – Тбилиси – Карс, представляющая собой магистральную линию Центрального коридора, обладает пропускной способностью 6,5 млн т грузов и 1 млн пассажиров, а к 2034 г. она будет увеличена до 17 млн т грузов и 3 млн пассажиров²¹⁰.

Возможные затруднения связаны с финансированием. К концу 2018 г. Анкара должна инвестировать в инфраструктурные проекты 11 млрд долл.; к 2035 г. общая сумма инвестиций составит 45 млрд долл.²¹¹ Прогнозируется, что при реализации этого инвестиционного плана возникнет значительный дефицит средств, и, хотя законодательные нововведения позволяют частным компаниям финансировать и осуществлять строительство новых железнодорожных линий, получая взамен права на их эксплуатацию в течение 49-летнего периода, потребуются также иностранные инвестиции²¹². Именно поэтому решающее значение имеет сотрудничество с другими странами региона.

²⁰⁷ Отчет о секторе транспорта и логистики Турции (тип. Türkiye Ulaştırma ve Lojistik Meclisi Sektör Raporu). Ankara: Turkish Union of Chambers and Commodity Exchanges. 2015. P. 16.

²⁰⁸ Отчет о железнодорожном секторе (тип. Demiryolu Sektör Raporu 2016) // Strateji Geliştirme Dairesi Başkanlığı. 06.2017. URL: <http://www.tcdd.gov.tr/files/istatistik/2016sektorraporu.pdf>

²⁰⁹ Competing Visions // Reconnecting Asia. URL: <https://reconnectingasia.csis.org/analysis/competing-visions>

²¹⁰ Железная дорога Баку-Тифлис-Карс (тип. Bakü-Tiflis-Kars Demiryolu'nda İlk Tren Yola Çıktı) // Anadolu Ajansı. URL: <http://aa.com.tr/tr/dunya/baku-tifliskars-demiryolunda-ilk-tren-yola-cikti/951643?amp=1>

²¹¹ Turkey Infrastructure Report Q4 2016. London: BMI Research. 2016. P. 18.

²¹² Ibid., p. 19.

Сотрудничество с Китаем

Китайская инициатива «Пояс и путь», провозглашенная в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином, направлена на расширение транспортных связей между Китаем и Европой и создание экономического пояса за счет совместных инвестиций. Инициатива предусматривает реализацию двух основных проектов на Евразийском континенте – сухопутного «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭП), предусматривающего развитие железнодорожных и автомобильных магистралей между Европой и Азией, и «Морского Шелкового пути XXI в.» (МШП), призванного соединить Китай с Европой посредством ряда портов, которые будут расположены вдоль маршрута, пролегающего через Индийский океан, Красное и Средиземное моря²¹³.

Оба пути проходят по территории Турции. Благодаря этой амбициозной инициативе Китай стал для Турции серьезным партнером в области развития железнодорожной инфраструктуры. Укреплению этого сотрудничества способствовало заключение двух межправительственных соглашений во время саммита «Группы двадцати», состоявшегося в городе Анталя (Турция) в ноябре 2015 г., а именно – меморандума о взаимопонимании касательно координации усилий в рамках «Экономического пояса Шелкового пути», «Морского Шелкового пути XXI в.» и Центрального коридора и соглашения о сотрудничестве в железнодорожной сфере²¹⁴.

Прежде чем вдаваться в подробности двух вышеупомянутых соглашений, стоит отметить, что Китай и до их подписания активно сотрудничал с Турцией в сфере железнодорожной инфраструктуры. Эти отношения начались в 2005 г., когда Китай выиграл контракт на строительство высокоскоростной железнодорожной линии между Анкарой и Стамбулом; на сегодняшний день завершена вторая очередь этого проекта. Китайские компании также строят участок Йозгат – Сивас высокоскоростной железной дороги Анкара – Сивас, и уже достигнуто соглашение о предоставлении займа в размере 30 млрд долл. для реализации в Турции проектов высокоскоростных железнодорожных линий общей протяженностью свыше 10 тыс. км. Для осуществления на территории Турции 20 крупных транспортных проектов, которые были недавно завершены или находятся на стадии строительства, турецкое правительство подписало в общей сложности 25 контрактов с рядом иностранных компаний, среди которых есть четыре компании из Китая²¹⁵. Эксперты отрасли ожидают, что «занятая Китаем доля турецкого рынка продолжит открывать для китайских компаний возможности в этом быстрорастущем секторе»²¹⁶.

²¹³ Full Text: Action Plan on the Belt and Road Initiative // The State Council of the People's Republic of China. 30.03.2015. URL: http://english.gov.cn/archive/publications/2015/03/30/content_281475080249035.htm

²¹⁴ Турция подписала с Китаем семь соглашений (тур. Türkiye ile Çin 7 Anlaşma mzaladi) // Anadolu Ajansı. 14.11.2015. URL: <http://aa.com.tr/tr/ekonomi/turkiye-ile-cin-7-anlasma-imzaladi/473607e>

²¹⁵ По пять компаний из Испании и Италии, четыре из Китая, по три из Кореи, Японии, Франции и Соединенных Штатов и две из Германии. В число китайских компаний входят CRCC (Китайская железнодорожная строительная корпорация) и CMCIEC (Китайская национальная корпорация по импорту и экспорту оборудования), которые осуществляют проект высокоскоростной железной дороги Анкара – Стамбул со своими турецкими партнерами, компания China Major Road Bridge Engineering, которая, также с турецкими партнерами, участвует в проекте строительства скоростной железной дороги Анкара – Сивас, и CSR Electric Locomotive Co., которая поставила более 300 тыс. вагонов для метро Анкары.

²¹⁶ Turkey Infrastructure Report Q4 2016. London: BMI Research. 2016. P. 19.

Первый документ, подписанный в городе Анталья, касается согласования проекта «Центральный коридор» с инициативой «Пояс и путь»²¹⁷. Согласно ст. II меморандума, Турция и Китай будут сотрудничать в следующих областях:

- i) **политическое сотрудничество:** диалог и обмен мнениями по основным стратегиям, планам и политике развития;
- ii) **развитие транспортных связей:** разработка планов сотрудничества в рамках двусторонних инфраструктурных проектов в Турции, Китае и третьих странах, включая автомобильные магистрали, железные дороги, гражданскую авиацию, порты, нефте- и газопроводы, электрораспределительные и телекоммуникационные сети;
- iii) **беспрепятственная торговля:** содействие друг другу в усилиях по взаимному открытию рынков, расширение двусторонней торговли и обсуждение вопроса о создании двусторонней зоны свободной торговли;
- iv) **финансовая интеграция:** использование турецко-китайского соглашения о взаимном обмене валют для дополнения договоренностей о трансграничных расчетах в юанях и использовании внутренних валют в торговой-инвестиционной деятельности с целью удовлетворения потребностей двустороннего сотрудничества;
- v) **связи между людьми:** поощрение контактов между гражданами, создание средне- и долгосрочных моделей сотрудничества на основе культурного обмена, содействие формированию сети городов-побратимов²¹⁸.

Приведенные положения указывают на чрезвычайно широкий характер документа, охватывающего целый ряд направлений двустороннего сотрудничества. Однако в основе соглашения, как прямо указано в тексте, лежит «скоординированное осуществление инициативы „Пояс и путь“». Для правительства Турции «Пояс и путь» – хорошая возможность развития сотрудничества с Китаем. Во время своего визита в Китай в июле 2015 г. президент Эрдоган заявил: «Инициативы (такие как “Пояс и путь”) открывают значительные возможности для усиления интеграции между странами региона и их активного вовлечения в мировую экономику. Благодаря своему географическому положению Турция является одной из важнейших стран в рамках проекта “Пояс и путь”. Этот проект имеет огромное значение для стратегического сотрудничества между Турцией и Китаем»²¹⁹.

Турецкий государственный аппарат активно готовится к совместной работе в рамках инициативы «Пояс и путь». Представитель Министерства иностранных дел назначен специальным посланником по проекту «Шелковый путь». Новый «План действий по сотрудничеству с Китаем» Министерства экономики в качестве своего центрального элемента предусматривает реализацию инициативы «Пояс и путь». Турция также создала внутреннюю рабочую группу по вопросам проекта «Пояс и путь»; группа провела первое

²¹⁷ Соглашение было подписано 14 ноября 2015 г. и ратифицировано парламентом Турции 15 февраля 2017 г.

²¹⁸ Полный текст соглашения (на тур.) // Türkiye Büyük Millet Meclisi Resmi Internet Sitesi. URL: <http://www2.tbmm.gov.tr/d26/1/1-0673.pdf>

²¹⁹ «Президент Эрдоган принял участие в турецко-китайском форуме (тур. Cumhurbaşkanlığı Erdoğan, Türk-Çin İş Forumu'na Katıldı) // Presidency of the Republic of Turkey. 30.07.2015. URL: <https://tccb.gov.tr/haberler/410/34000/cumhurbaskani-erdogan-turkiye-cin-is-forumuna-katildi.html>

заседание в январе 2016 г. и будет сотрудничать с аналогичной китайской структурой. В состав турецкой рабочей группы входят представители министерств иностранных дел, экономики, транспорта, энергетики и таможи²²⁰.

Деловое сообщество Турции также с воодушевлением смотрит на перспективы, предлагаемые инициативой «Пояс и путь». «Своим проектом китайцы возрождают древний Шелковый путь, – говорит Мурат Колбаши, председатель Турецко-китайского делового совета. – Он протянется от Сианя до Венеции, охватив в общей сложности 65 стран, и принесет мировой экономике дополнительно 20 трлн долл.. Эти страны активизировали деловые отношения с Китаем – за первые восемь месяцев 2015 г. объемы торговли увеличились на 50%»²²¹. По словам бывшего председателя Турецкой ассоциации промышленников и предпринимателей (TÜSİAD) Джансен Башаран-Саймс, «[инициатива „Пояс и путь“ – прим. авт.] – это гигантский проект, который окажет глубокое влияние на экономику ряда стран. Турция должна участвовать в этом проекте и стать звеном, соединяющим Китай, Центральную Азию и Каспий с одной стороны и Европу – с другой, поскольку это самый короткий и конкурентоспособный маршрут»²²².

Во втором соглашении, подписанном между Турцией и Китаем в ноябре 2015 г., особое внимание уделяется сотрудничеству в области железнодорожного транспорта²²³. Согласно ст. II этого документа, страны будут сотрудничать в следующих областях:

- i) обмен информацией по вопросам планирования, проектирования, строительства и эксплуатации скоростных и высокоскоростных железнодорожных линий, а также управления ими;
- ii) содействие турецким и китайским компаниям в налаживании сотрудничества по модернизации существующих линий и строительству новых линий в Турции и Китае;
- iii) содействие турецким и китайским компаниям в совместном развитии участка железнодорожного коридора Европа – Китай, проходящего через Турцию;
- iv) сотрудничество в области исследований по вопросам железнодорожных технологий и разработки железнодорожных технических стандартов;
- v) сотрудничество в области подготовки административного и технического персонала железных дорог;
- vi) сотрудничество по реализации проектов железных дорог в третьих странах;
- vii) сотрудничество в подготовке технико-экономических обоснований для проектов скоростных и высокоскоростных железных дорог²²⁴.

²²⁰ Atli A. Turkey Seeking its Place in the Maritime Silk Road // Asia Times. 26.02.2017.

URL: <https://www.asiatimes.com/2017/02/opinion/turkey-seeking-place-maritime-silk-road/>

²²¹ Беседа с Муратом Колбаши, председателем Турецко-китайского делового совета, проведенная автором 16 декабря 2016 г.

²²² Выступление председателя Турецкой ассоциации промышленников и предпринимателей (TÜSİAD) Джансен Башаран-Саймс во время конференции Understanding China, Doing Business With China («Как понять Китай, как вести бизнес с Китаем»), состоявшейся в Стамбуле 16 декабря 2016 г.

²²³ Соглашение было подписано 14 ноября 2015 г. и ратифицировано парламентом Турции 5 апреля 2016 г.

²²⁴ Полный текст соглашения (на тур.) // Türkiye Büyük Millet Meclisi Resmi İnternet Sitesi.
URL: <http://www2.tbmm.gov.tr/d26/1/1-0700.pdf>.

П. iii в вышеприведенном списке относится, в частности, к строительству высокоскоростной железной дороги Эдирне – Карс, которая соединяет самую западную точку Турции с самой восточной, проходя, таким образом, по всей территории страны. Этот проект стоимостью 35 млрд долл., представляющий собой турецкое звено железнодорожного коридора Европа – Китай, свяжет Европейский и Азиатский континенты железнодорожным туннелем Мармарай в Стамбуле²²⁵.

Китайские компании уже долгое время интересуются проектом, но возможностей участия в нем до недавних пор не было. Как поясняет высокопоставленный чиновник Министерства экономики Турции, обе стороны намерены принять конкретные меры в самом ближайшем будущем:

«Проект железной дороги Эдирне – Карс очень интересует китайцев. Они часто приезжают и выражают желание непременно участвовать в нем. Однако сначала было трудно понять, чего они хотят. С подsecretариатом казначейства премьер-министра Турции обсуждалась возможная финансовая модель. Она должна была быть основана на открытой конкурсной процедуре, но китайцы настаивали на схеме без тендера, что невозможно. Было подготовлено технико-экономическое обоснование, и сейчас мы обсуждаем технические детали... В настоящий момент Китай готовит свое предложение. Я уверен, что, если оно соответствует нашему законодательству, оно будет принято»²²⁶.

Развитие железнодорожной инфраструктуры является основным направлением турецко-китайского сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь»; однако последние события показали, что акцент делается на интермодальные перевозки, то есть на сочетание различных видов транспорта – железнодорожного, морского и автомобильного. В мае 2017 г. Турция и Китай подписали соглашение о наземном транспорте²²⁷, а ранее был сделан еще более конкретный шаг – консорциум китайских компаний приобрел крупную долю в порту Кумпорт, расположенном недалеко от Стамбула и являющимся третьим по величине морским контейнерным терминалом Турции²²⁸. Этот шаг позволил китайской стороне начать осуществлять региональные контейнерные перевозки между североамериканскими и средиземноморскими портами²²⁹. Правительство Турции планирует добавить еще три морских порта – Чандарлы на Эгейском море, Мерсин на Средиземном море и Зонгулдак Филиос на Черном море²³⁰. Идея заключается в том, что турецкие порты могут дополнять, а не заменять греческие порты, в которые китай-

²²⁵ Turkey Infrastructure Report Q4 2016. London: BMI Research. 2016. P. 19.

²²⁶ Беседа с высокопоставленным чиновником Министерства экономики Турции, проведенная автором 16 декабря 2016 г.

²²⁷ Это соглашение позволяет Турции и Китаю ввозить грузы на территорию друг друга при помощи автомобильного транспорта, в частности на основе Таможенной конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП.

²²⁸ Консорциум в составе COSCO Pacific, China Merchants Group и Китайской инвестиционной корпорации (CIC) приобрел 65% акций порта Кумпорт за 940 млн долл. США. Контейнерный терминал Кумпорта обладает мощностями для перевалки 1,3 млн TEU. На данный момент это крупнейший по стоимости китайский инвестиционный проект в Турции.

²²⁹ China's COSCO Shipping Lines Opens New Service for Northern Europe, Mediterranean // XINHUANET.com. 10.04.2017. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-04/10/c_136194731.htm

²³⁰ Вспышки в Китае от президента Эрдогана (тип. Cumhuriyet'ten Erdoğan'dan Çin'de Flaş Açıklamalar) // Milliyet. 14.05.2017. URL: <http://www.milliyet.com.tr/cumhurbaskani-erdogan-dan-cin-de-siyaset-2450125/>

ские компании уже вложили значительные средства и которые эксплуатируются китайцами в рамках МШП, что укрепляет позицию Турции как участника инициативы «Пояс и путь» в целом.

Российское измерение

Еще один ключевой игрок, активно формирующий евразийскую геоэкономику, – это Россия. Основным инструментом для экономической интеграции Москвы в Евразии является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который был основан в 2015 г. Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Беларусью и Арменией и стал «первой успешной инициативой на постсоветском пространстве, призванной снять торговые барьеры и обеспечить интеграцию раздробленного, экономически отсталого региона»²³¹. В рамках ЕАЭС уделяется особое внимание взаимной транспортной интеграции государств-членов и либерализации рынка транспортных услуг; на этом направлении были приняты такие важные меры как реализация транспортного контроля на внешней границе Союза, установление единых тарифов на железнодорожные грузоперевозки, определение принципов доступа к железнодорожной инфраструктуре и регулирование разрешений на автомобильные грузоперевозки.

Следующим шагом для ЕАЭС станет слияние с таким компонентом инициативы «Пояс и путь», как «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). После заключения газовой сделки на сумму 400 млрд долл. в 2014 г. главы России и Китая – Владимир Путин и Си Цзиньпин – заявили на встрече, состоявшейся в Москве 8 мая 2015 г., что эти два проекта будут объединены. В частности предусматривается «координация политических институтов, инвестиционных фондов, банков развития, валютных режимов и финансовых систем для поддержания обширной зоны свободной торговли, связывающей Китай с Европой, Ближним Востоком и Африкой»²³². Евразийская комиссия перечисляет следующие задачи в области развития транспорта, которые будут выполнены в процессе слияния:

- i) укрепление взаимосвязанности в области логистики, транспортной инфраструктуры и интермодальных перевозок;
- ii) реализация проектов инфраструктурного соразвития для расширения и оптимизации региональных производственных сетей;
- iii) создание современных систем международных логистических центров и узлов на основных международных транспортных коридорах, проходящих по территории Евразии. Евразийская комиссия относит к таким коридорам следующие:
 - a) Западная Европа – Западный Китай (соответствует ЭП);
 - b) Север – Юг (соединяет Россию с Азербайджаном, Ираном и Индией);
 - c) Восток – Запад (соответствует Северному пути, соединяющему Китай с Россией);
 - d) Северный морской путь (соответствует Арктическому пути);

²³¹ Евразийский экономический союз: власть, политика и торговля // International Crisis Group. 20.07.2016.
URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opensslpdf.pdf?reldoc=y&docid=57e52a104>

²³² Skidelsky R. Eurasia is an Idea Whose Time has Come Around Again // The Guardian. 21.06.2015.
URL: <https://www.theguardian.com/business/2015/jun/21/eurasia-idea-time-come-around-again-china-russia>

iv) эти планы могут быть дополнены меридиональными транспортными артериями, идущими через Монголию и Казахстан и соединяющими Сибирь с центральными и западными регионами Китая и странами Южной и Центральной Азии²³³.

До сих пор остается неясным, возможно ли объединить ЕАЭС и ЭПШП в один грандиозный проект и каким образом это сделать. Некоторые эксперты считают, что абстрактный характер ЭПШП и многогранность отношений между Пекином и Москвой делают взаимную интеграцию двух проектов сложной и трудновыполнимой задачей и приведут к конфликту двух стран²³⁴. Другие утверждают, что с экономической точки зрения, эти два проекта дополняют друг друга, поскольку ЭПШП будет стимулировать сотрудничество в транспортном секторе, тем самым содействуя реализации интересов государств – членов ЕАЭС, в которых будут размещаться проекты ЭПШП. По мере роста присутствия Китая в Центральной Азии ЕАЭС будет становиться эффективным инструментом для защиты национальных торговых интересов стран, сохраняя при этом их инвестиционную привлекательность; связь с ЭПШП укрепит позиции членов ЕАЭС по отношению к внешним партнерам. Кроме того, ЭПШП обеспечит членам ЕАЭС приток инвестиций в транспортную инфраструктуру²³⁵.

Независимо от того, может ли произойти и произойдет ли слияние российской и китайской инициатив, между странами уже налажено сотрудничество в сфере транспортной инфраструктуры. Стоимость железнодорожной линии Москва – Казань протяженностью 772 км, строительство которой планируется завершить в 2020 г., составляет 22,4 млрд долл. Китай намерен создать в России совместные предприятия для строительства этой железной дороги и предоставить России кредит в размере 5,9 млрд долл. сроком на 20 лет для финансирования проекта²³⁶. В конечном итоге железная дорога Москва – Казань станет частью высокоскоростной магистрали Москва – Пекин (стоимость строительства которой оценивается в 120 млрд долл.), что также делает Россию частью ЭП. По данным российских властей, линия Москва – Пекин может быть введена в эксплуатацию уже в 2022 г.²³⁷

Россия сотрудничает с Китаем на востоке, однако она также взаимодействует с Европой на западе, несмотря на все политические проблемы, сказывающиеся на отношениях между Россией и ЕС с начала украинского кризиса в 2014 г. ЕС имеет хорошо развитую транспортную сеть и намерен расширять эту сеть на восток. Трансьевропейская транспортная сеть (*TEN-T*) вклю-

²³³ Евразийская экономическая комиссия. Транспорт // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/Транспорт.pdf>

²³⁴ Sangar K. Russia and China in the Age of Grand Eurasian Projects: Prospects for Integration between the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union // Cambridge Journal of Eurasian Studies. Vol. 1. №1. Pp.1-15; Rozman G. Asia for the Asians: Why Chinese-Russian Friendship is Here to Stay // Foreign Affairs. 29.10.2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2014-10-29/asia-asians>

²³⁵ Караганов С. К Великому океану – 3. Создание Центральной Евразии. Экономический пояс «Шелкового пути» и приоритеты совместного развития евразийских государств // Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» (краткая версия). 2015. С. 10-11.

²³⁶ China to Grant 20-year \$5.9 bln Loan for Moscow-Kazan High-Speed Railroad Project // TASS. 03.06.2016. URL: <http://tass.com/economy/879917>

²³⁷ Russian Rail Operator Asks China to Boost Moscow-Kazan Fast-Speed Rail Project Financing // TASS. 18.05.2017. URL: <http://tass.com/economy/946460>

чает в себя девять коридоров, пять из которых идут на восток, в сердце Евразийского региона, а один из них, Восток – Восточное Средиземноморье, достигает Турции²³⁸. Связь с Европой по-прежнему жизненно важна для России; кроме того, в 2006 г. ЕС возобновил реализацию политики «Северное измерение», принятой совместно с Россией (а также с Норвегией и Исландией) в 1999 г. Одно из четырех отраслевых партнерств, созданных в рамках «Северного измерения», касается транспорта и логистики (другие касаются культуры, окружающей среды, общественного здравоохранения и социального благополучия) и основано на Северной оси, соединяющей северные страны ЕС с Норвегией на севере и с Россией и Беларусью на востоке. Развитие сети «Северного измерения» предусматривает как расширение инфраструктурных связей, так и гармонизацию мер по развитию пассажирских и грузовых перевозок между странами-партнерами по Северной оси²³⁹.

У ЕС есть своя концепция развития транспортных связей между Европой и Азией. В 2015 г. была создана Платформа по транспортным связям между ЕС и Китаем с целью изучения синергетических эффектов между такими инициативами ЕС, как *TEN-T*, и китайской инициативой «Пояс и путь». Для того чтобы проиллюстрировать подход ЕС к развитию транспортных связей на Евразийском континенте и инициативе «Пояс и путь», необходимо привести цитату из выступления вице-президента Европейской комиссии Юрки Катайнена на сессии диалога высокого уровня форума по международному сотрудничеству в рамках стратегии «Пояс и путь», состоявшегося в Пекине 14–15 мая 2017 г.: «ЕС поддерживает инициативы по модернизации инфраструктуры, которые способствуют устойчивому росту в Евро-Азиатском регионе... При условии правильной реализации и тщательной оценки увеличение инвестиций в развитие трансграничных инфраструктурных связей высвободит потенциал роста, преимуществами которого смогут воспользоваться все страны. Это развитие должно охватывать все виды транспорта (морской, наземный и воздушный), а также цифровое и энергетическое сотрудничество и контакты между людьми. Поэтому ЕС приветствует инициативу Китая по обсуждению этих вопросов в рамках данного мероприятия. Мы поддерживаем сотрудничество с Китаем в рамках инициативы «Пояс и путь», ожидая, что Китай реализует заявленные намерения и этот проект будет открытым, будет соответствовать рыночным правилам, европейским и международным требованиям и стандартам, а также будет дополнять политику и проекты ЕС в интересах всех участвующих сторон и стран, расположенных вдоль запланированных маршрутов. ЕС крайне заинтересован в расширении связей между странами Азии и между Азией и Европой с целью обеспечения устойчивого роста. ЕС также является крупным торговым и инвестиционным партнером всех азиатских стран, а для многих – главным партнером; это означает, что наше экономическое процветание глубоко взаимозависимо. Европа и Азия распо-

²³⁸ TEN-T включает девять коридоров: 1) Скандинавия – Средиземное море, 2) Северное море – Балтика, 3) Рейн – Дунай, 4) Средиземноморский, 5) Восток – Средиземное море, 6) Северное море – Средиземное море, 7) Атлантический, 8) Рейн – Альпы и ix) Балтика – Адриатика. Первые пять из них идут на восток и таким образом относятся к евразийскому сообщению.

²³⁹ NDPTL Regional Transport Network” // Northern Dimension Partnership on Transport and Logistics.
URL: <http://www.ndptl.org/ndptl-regional-transport-network>

жены на одном и том же материке. Поэтому внутриевропейские и внутриазиатские инфраструктурные связи не должны развиваться изолированно. Для того чтобы содействовать продуктивным инвестициям, мы должны мыслить целостно и учитывать межконтинентальные связи и торговые потоки, чтобы построить настоящую сеть, а не лоскутное одеяло»²⁴⁰.

На первый взгляд, линия Москва – Пекин, Северный путь в целом и различные проекты по соединению Европы с Китаем посредством разных маршрутов, включая российский, могут рассматриваться как конкуренты турецкой инициативе «Центральный коридор», которая проходит через Южный Кавказ и Центральную Азию, минуя Россию. Однако вместо того, чтобы замещать друг друга, эти линии могут играть взаимодополняющую роль в евразийской сети транспортных связей. Как отметил Ю. Катайнен в своем выступлении в Пекине, этот вопрос необходимо рассматривать целостно, а транспортные связи в Евразии «не должны развиваться изолированно». Система, которая строится в Евразии, вновь пользуясь словами Ю. Катайнена, не «лоскутное одеяло», где разные маршруты конкурируют друг с другом, а скорее сеть, в рамках которой эти маршруты играют взаимодополняющую роль.

Вместо заключения:

Турция как евразийский транспортный узел?

Турция обладает превосходным географическим положением, и если она сможет дополнить это преимущество продуктивным взаимодействием с другими игроками в регионе, то получит возможность действительно превратиться в евразийский транспортный узел – транзитный центр в рамках полноценной евразийской сети, а не просто одну из промежуточных остановок посреди лоскутного одеяла из изолированных маршрутов.

Открытие железной дороги Баку – Тбилиси – Карс стало большим шагом в этом направлении. Теперь необходимо общее совершенствование внутренней транспортной инфраструктуры Турции в соответствии с целями, установленными правительством Турции на 2023 г. Например, если железнодорожная линия Эдирне – Карс будет введена в эксплуатацию, движение по территории Турции в рамках Центрального коридора или ЭПШП можно будет сделать полностью высокоскоростным; иными словами, Кавказ и Центральная Азия будут связаны с Европейским союзом посредством высокоскоростных железных дорог.

Активизация сотрудничества Турции с Китаем и ее участие в проекте «Пояс и путь» – это значительные события, и, хотя конкретные результаты этого сотрудничества пока не видны, укрепление партнерских отношений между странами, вероятно, внесет значительный вклад в достижение поставленной Турцией цели – стать транспортным узлом между Европой и Азией.

²⁴⁰ Remarks by Jyrki Katainen, Vice President of the European Commission at the High Level Dialogue Session of the Belt and Road Forum for International Cooperation // European External Action Service. 14.05.2017. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/china/26047/remarks-jyrki-katainen-vice-president-european-commission-high-level-dialogue-session-belt-and_en

В настоящей статье утверждается, что, хотя активизация сотрудничества Турции с Китаем представляет собой позитивную тенденцию, для достижения статуса транспортного узла Турции также необходимо более тесно сотрудничать с Россией. Евразийские маршруты, проходящие через Турцию с одной стороны и через Россию – с другой, станут частью целой сети, в рамках которой они будут дополнять друг друга. Россия и Турция уже тесно связаны в энергетическом секторе – их соединяет трубопровод «Голубой поток», предназначенный для поставок российского природного газа в Турцию через Черное море, Трансбалканский газопровод, идущий из России в Турцию через Украину, Молдову, Румынию и Болгарию, а также проектируемая трубопроводная линия «Турецкий поток», которая должна пройти по Черному морю и обеспечить еще один газотранспортный коридор между двумя странами. У России и Турции есть все основания продолжать развивать сотрудничество в транспортной сфере в рамках евразийской сети. Существуют четыре способа, с помощью которых две страны могут принять конкретные меры по расширению сотрудничества в области транспорта.

Во-первых, российские компании могут более активно участвовать в развитии транспортной инфраструктуры Турции, как осуществляя прокладку путей и другие работы, так и поставляя автомобили и другую технику. Российские и турецкие компании уже сотрудничают в областях, связанных с инфраструктурой, таких как энергетика и строительство, и это сотрудничество можно расширить за счет участия в проектах развития транспортной инфраструктуры.

Во-вторых, Турция может интегрировать свою собственную транспортную сеть с Россией. Хотя Центральный коридор остается для Турции предпочтительным маршрутом, его можно интегрировать с другими маршрутами, проходящими по западной и восточной части Турции. На западе Турция хорошо связана с Европой посредством автодорог, однако железнодорожное сообщение по-прежнему недостаточно развито. Турция может повысить интеграцию своих железных дорог с железнодорожными сетями западных соседей, подключившись к трансъевропейским маршрутам и таким образом обеспечив бесперебойные железнодорожные перевозки между Россией и Турцией через Балканы. На западе Турция может рассмотреть варианты подсоединения к российскому коридору Север – Юг, который идет через Азербайджан в Иран и далее в Индию. Турция уже соединена с Азербайджаном посредством линии Баку – Тбилиси – Карс; если интегрировать ее с коридором Север – Юг, для железнодорожных перевозок между Россией и Турцией также будет открыт этот восточный маршрут.

В-третьих, даже сам Центральный коридор, хотя он и не проходит по российской территории, при поддержке России может развиваться более эффективно. Селим Кору и Тимур Каймаз верно отмечают, что, поскольку Москва рассматривает Каспийский регион как свой тыл, создание торговых путей, проходящих по Центральному коридору, возможно только с благоговения России²⁴¹. Сотрудничество (а не конкуренция) с Россией в рам-

²⁴¹ Koru S., Kaymaz T. Turkey: Perspectives on Eurasian Integration // European Council on Foreign Relations. 08.06.2016. URL: http://www.ecfr.eu/article/essay_turkey_perspectives_on_eurasian_integration

ках Центрального коридора может обеспечить взаимную выгоду и повысить ценность проекта.

В-четвертых, развитие транспортной инфраструктуры – это всегда многосторонний процесс, поэтому сотрудничество Турции с Россией (и Китаем, а также другими странами региона) в рамках многосторонних евразийских платформ имеет несомненную ценность. В этом смысле позитивной тенденцией стало взаимодействие Турции с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). Турция выступает в качестве партнера по диалогу ШОС, полноправными членами которой являются Россия, Китай, Индия, Пакистан и большинство центральноазиатских республик. В 2017 г. Турция занимала пост председателя Энергетического клуба ШОС – значительное достижение, учитывая, что Турция не является полноправным членом организации. Однако более важной многосторонней платформой в контексте евразийских транспортных инициатив является ЕАЭС. Турция не состоит в этой организации, но неоднократно выражала заинтересованность в присоединении к ней в том или ином формате, например, в качестве члена таможенного союза или участника торгового соглашения²⁴². Сам ЕАЭС, похоже, заинтересован в участии Турции, и президент России Владимир Путин уже объявил, что существуют планы по заключению соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Турцией²⁴³. Учитывая также наличие планов по объединению ЕАЭС с ЭПШП, в котором Турция уже участвует, более тесные рабочие отношения между Турцией и ЕАЭС будут полезны для всех сторон.

Турция обладает хорошим потенциалом для того, чтобы стать евразийским транспортным узлом, соединяющим Европу с Азией. Однако географическое положение является необходимым, но не достаточным условием для получения этого статуса. Потребуется дополнительное развитие инфраструктуры и расширение транспортных связей с соседями и другими странами региона. Развитие транспорта в Евразии – это не игра с нулевой суммой, а взаимовыгодное предприятие; расширяя свое сотрудничество с другими региональными державами, особенно с Россией и Китаем, Турция может укрепить свои позиции как евразийского транспортного узла. Для того чтобы быть мостом между Востоком и Западом, необходимо тесно сотрудничать как с Востоком, так и с Западом.

²⁴² Economy Minister: Turkey Eyes Eurasian Customs Union // Daily Sabah. 18.08.2017.

URL: <https://www.dailysabah.com/economy/2017/08/19/economy-minister-turkey-eyes-eurasian-customs-union>

²⁴³ Турция готовит дорожную карту для сотрудничества с Евразийским Экономическим Союзом (тур. Türkiye'nin Avrasya Ekonomik Birli i ile şbirli i için Yol Haritası Hazırlanıyor) // Sputnik News. 25.12.2014. URL: <https://tr.sputniknews.com/analiz/201412251013265606/#ixzz3tfG1c9y7>

Турция и ЕАЭС в контексте региональных транспортных систем: соперники или партнеры?

Егор
ПАК

Введение

Региональная экономическая интеграция, и в особенности ее аспект, связанный с транспортом и логистикой (ТиЛ), сегодня является важной характеристикой развития глобальной экономики. Глобальные производственные процессы разбиты на различные этапы, локализованные в разных частях света. Эти этапы должен соединять плавный, беспрепятственный и регулярный трансрегиональный поток материалов. В рамках региональной интеграции этой цели можно добиться путем сокращения количества пересекаемых таможенных границ, ввода единых нормативов и процедур, повышения мультимодальности, принятия единых технических стандартов и унификации тарифов. Все эти меры в совокупности приведут к росту экономической эффективности. Согласно оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), рост транспортной эффективности на 10% ведет к повышению ВВП на 0,8%²⁴⁴.

Аспект ТиЛ в региональном сотрудничестве также стал существенным фактором геополитического и геоэкономического доминирования мировых держав. Чтобы связать между собой государства-члены и усилить свое влияние в рамках программы Восточного партнерства, ЕС активно развивает Трансъевропейскую транспортную сеть (*TEN-T*) – единую мультимодальную экологически чистую систему, охватывающую весь континент. Еще один транспортный проект, осуществляемый под эгидой ЕС, – транспортный коридор «Европа – Кавказ – Азия» (ТРАСЕКА) – был разработан в 1993 г. и ставит своей задачей создание маршрута между ЕС и Китаем через постсоветские республики Кавказа и Центральной Азии в обход России.

В свою очередь Россия совместно с партнерами по Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) создает систему евразийских транспортных коридоров («Восток – Запад» и «Север – Юг»), чтобы переключить часть транзитных потоков: а) из Азиатско-Тихоокеанского региона в ЕС; б) из ЕС в Индию и на Ближний Восток с морских на наземные маршруты, проходящие по ее территории.

Целью китайской инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) является создание мультимодального и диверсифицированного наземного маршру-

²⁴⁴ Ткачук С. ЕАЭС и все-все-все // Россия в глобальной политике. 2016. №3. С. 100.

та, охватывающего 18 стран Азии и Европы с общей численностью населения в 3 млрд человек²⁴⁵. Основная идея этого проекта заключается в том, чтобы посредством комплексного развития нескольких наземных маршрутов ослабить зависимость Китая от Южного морского пути с его проблемным участком в Малаккском проливе.

В противовес региональным усилиям Китая и России в области Тил США стремятся создать коридор под названием «Новый Шелковый путь», соединяющий ЕС со странами Центральной Азии, Индией и Пакистаном через Афганистан. В связи с тем, что вопросы безопасности в Афганистане остаются неурегулированными, перспективы этого проекта неясны.

Ввиду вышеописанных тенденций основная задача настоящего исследования заключается в критической оценке позиций ЕАЭС (здесь и далее с объективным учетом доминирующей транспортной и транзитной роли России в ЕАЭС) и Турции в региональных инициативах в области Тил с четким акцентом на коридорах ТРАСЕКА и ОПОП. В рамках данного исследования мы стремились более фундаментально изучить положение ЕАЭС и Турции как соперников или партнеров в этих форматах. На первый взгляд, благодаря своему стратегическому расположению и отсутствию общерегиональной синхронизации в отношении вопросов транзита ЕАЭС и Турция могут конкурировать за объемы наземного транзита в торговле между Востоком и Западом. Продолжающаяся конфронтация России и Запада подкрепляет аргументацию Турции в пользу создания альтернативных маршрутов в обход России (например, ТРАСЕКА), связывающих Центральную Азию с Турцией. Некоторые маршруты, входящие в китайскую инициативу ОПОП, также обходят Россию стороной (например, «Шелковый ветер», проходящий по территории Казахстана, Азербайджана и Грузии); тем не менее, вероятно, причина этого связана не с политикой, а со стремлением к диверсификации маршрутов. Таким образом, в документе утверждается, что в долгосрочной перспективе коридор ОПОП может сформировать взаимовыгодную стратегию развития как для ЕАЭС, так и для Турции, что превратит их в партнеров масштабной китайской программы инфраструктурного строительства.

Настоящая работа состоит из трех основных частей и структурирована таким образом, чтобы лаконично осветить основной вопрос исследования с использованием первичных и вторичных источников. Первая часть представляет собой сравнительный анализ комплексов Тил ЕАЭС и Турции с учетом их уникального транзитного потенциала. Вторая и третья части посвящены критическому анализу роли ЕАЭС и Турции в проектах ТРАСЕКА и ОПОП. В них отмечены конкурентные преимущества и проблемные участки, но в основном подчеркиваются перспективы сотрудничества между ЕАЭС и Турцией в реализации более ориентированной на инфраструктуру и (пока) менее политизированной китайской инициативы.

²⁴⁵ Лузянин С. Россия и Китай: глобальные и региональные измерения безопасности и сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. №20. С. 34.

Взаимоотношения ЕАЭС и Турции: транспорт и геополитика

Турция является новым региональным лидером в области энергетики и транспорта²⁴⁶. Две нитки газопровода «Турецкий поток», которые должны быть введены в эксплуатацию в 2018 и 2019 гг., обеспечат страну надежной системой транзитных газохранилищ на турецко-греческой границе, которая упростит поставки российского газа в страны Южной и Юго-Восточной Европы. Турция, являясь участником ряда региональных транспортных инициатив, таких как *TEN-T*, ТРАСЕКА, Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) и ОПОП, преследует единую стратегическую цель – стать безопасным, эффективным и мультимодальным наземным мостом, соединяющим Китай и Европу.

Затяжная история отказа в принятии Турцией в ЕС вынуждает руководство страны искать региональные альтернативы. В 2016 г. президент Р. Т. Эрдоган призвал Турцию пересмотреть свою внешнюю многовекторную политику. Например, он предложил полноценно вступить в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), которая рассматривается в качестве более эффективного и гибкого способа решения региональных проблем безопасности²⁴⁷. Помимо этого, существует ряд предложений по возможному формату сотрудничества Турции с ЕАЭС, несмотря на ее напряженные отношения с Россией²⁴⁸. Если подходить к вопросу более глубоко, то логика евразийской интеграции требует от России тщательно учитывать в отношениях с Турцией интересы других членов союза, то есть Казахстана и Армении.

Являясь одним из членов-основателей ЕАЭС и государством, значительная часть населения которого имеет тюркские корни, Казахстан с момента обретения независимости в начале 1990-х гг. постоянно укрепляет свои экономические, энергетические, культурные и гуманитарные связи с Турцией. На сегодняшний день общий торговый оборот между Казахстаном и Турцией оценивается примерно в 2 млрд долл. Согласно последним оценкам, в Казахстане зарегистрированы 1 600 турецких компаний, в которых работают до 15 тыс. представителей местного населения²⁴⁹. В 2014 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил Турции войти в существовавшее в тот период Единое экономическое пространство (ЕЭП) России, Беларуси и Казахстана в формате ассоциированного участника, сходном с суще-

²⁴⁶ Austvik O., Rzaeva G. Turkey in the Geopolitics of Energy // Energy Policy. No. 107. Pp. 540-541; Şenay O., Çolak K. The Analysis of Turkey's Freight Transport in Terms of Transport Mode. 53rd Congress of the European Regional Science Association, August 27-31. 2013. Pp. 22-25; Cohen S. Turkey's Emergence as a Geopolitical Power Broker // Eurasian Geography and Economics. Vol. 52. №2. Pp. 218-219.

²⁴⁷ Eren E. Shanghai Cooperation Organization and Future Perspective in Turkish Foreign Policy // Strategic Public Management Journal. Vol. 3. №5. P. 79.

²⁴⁸ Yakiş Y. Eurasian Union and Turkey // Valdai Discussion Club. 10.01.2017. URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/eurasian-union-and-turkey/>; Kuzmina E. Expansion and Free Trade // The Eurasian Economic Union. Analyses and Perspectives from Belarus, Kazakhstan, and Russia. 2015. Pp. 13-14.

²⁴⁹ Саруар А. Сколько иностранных компаний работает в Казахстане. Инфографика // LS Kazakhstan. 25.01.2016. URL: <https://ism.kz/skol-ko-inostrannyh-kompanij-rabotaet-v-kazahstane-infografika>

ствующим механизмом ассоциированного членства в ЕС в рамках Восточного партнерства²⁵⁰. Позднее, в 2016 г., в период своего председательства в ЕАЭС Казахстан воспользовался возможностью углубить сотрудничество союза с третьими странами и другими региональными блоками. В результате, идя в ногу с многовекторной внешней политикой Турции и придерживаясь статуса страны как прочного оплота региональной стабильности, президент Назарбаев, выступая в качестве посредника, внес существенный вклад в нормализацию российско-турецких отношений.

Однако на сегодняшний день вступление Турции в ЕАЭС представляется технически неосуществимым²⁵¹. С точки зрения Евросоюза, поскольку Турция уже является членом Таможенного союза ЕС, она не может одновременно с этим быть участником какого-либо аналогичного объединения. С точки зрения ЕАЭС, предложение Казахстана не имеет под собой институциональной основы, поскольку Астанинский договор от 29 мая 2014 г. не содержит какого-либо механизма ассоциированного членства в союзе. Помимо этого, любая позитивная инициатива ЕАЭС и Турции может вызвать протест Армении на фоне долгосрочной исторически сложившейся напряженности между двумя странами. Принцип консенсуса, установленный Астанинским договором в качестве метода принятия решений Высшим евразийским экономическим советом, позволяет Армении наложить вето на любую инициативу, которую ЕАЭС может осуществить совместно с Турцией.

Вне зависимости от уровня их сотрудничества или официальных взаимоотношений и ЕАЭС, и Турция являются участниками масштабных торговых потоков, пересекающих их территории в направлении Восток – Запад. В этом контексте региональный диалог ЕАЭС – Турция отвечает концепции «Большой Евразии», в рамках которой приоритетными вопросами являются процветание и безопасность региона, а не политика²⁵². По данным Конференции по торговле и развитию Организации Объединенных Наций (ЮНКТАД), в 2014 г. объем торговли между Азиатско-Тихоокеанским регионом и Европой составил 800 млрд долл. США, а к 2020 г. достигнет 1,2 трлн долл. США, что будет приблизительно эквивалентно грузопотоку в 240 млн т; в том числе на ожидаемый объем торговли между ЕС и Китаем придется 800 млрд долл., или 170 млн т²⁵³.

²⁵⁰ Urazova D. Nazarbayev Invites Turkey to Join Eurasian Economic Union // Tengrinews. 06.06.2014.

URL: https://en.tengrinews.kz/politics_sub/Nazarbayev-invites-Turkey-to-join-Eurasian-Economic-Union-253994

²⁵¹ Nazmi Ü. H. Is Eurasian Economic Union Membership Possible for Turkey? // Turkish Weekly. 06.04.2015.

URL: http://www.academia.edu/12415625/Is_Eurasian_Economic_Union_Membership_Possible_for_Turkey

²⁵² Yefremenko D. The Birth of a Greater Eurasia // Russia in Global Affairs. 2017. №1.

URL: <http://eng.globalaffairs.ru/number/The-Birth-of-a-Greater-Eurasia-18591>;

Emerson M. Toward a Greater Eurasia. Who, Why, What and How? // Global Journal of Emerging Market Economies. Vol. 6. №1. Pp. 39-41.

²⁵³ Новый Шелковый путь откроет для Казахстана уникальные возможности доступа на мировые рынки // премьер-министр Республики Казахстан. 04.08.2015.

URL: <https://primeminister.kz/ru/news/7/novyjshelkovyj-put-otkroet-dlja-kazahstana-unikalnye-vozmozhnosti-dostupa-na-mirovye-rynki>

Урынбасаров Б. Евразийские транспортные артерии: интеграционный эффект // Казахстанский институт стратегических исследований при президенте Казахстана. 20.04.2015.

URL: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/KuXXVFLd.pdf>

Более 90% грузов в направлении ЕС – Китай перевозятся по морю. Доставка осуществляется через Суэцкий канал и занимает в среднем 35–40 дней. Суэцкий канал с его инфраструктурными ограничениями может не справиться с обслуживанием растущих транспортных потоков, что высвобождает возможности для использования наземного варианта. Ежегодный объем контейнерных перевозок из ЕС в Китай эквивалентен 4,5 млн ДФЭ²⁵⁴, в то время как грузопоток в обратном направлении – 11,2 млн ДФЭ²⁵⁵. Таким образом, Китай отправляет примерно в три раза больше грузов, чем принимает. Подобная неравномерность нагрузки заставляет операторов этого маршрута либо оплачивать порожние рейсы, либо дожидаться попутного груза.

Стоимость наземной доставки в направлении Восток – Запад в среднем в 5–6 раз превышает стоимость доставки по морю, но при этом первая в 3–3,5 раза быстрее²⁵⁶. Таким образом, наземный транзит экономически обоснован в отношении товаров, для которых критически важна скорость, а не стоимость доставки, то есть товаров с высокой добавленной стоимостью (электроника, вычислительная техника, продукция авиационно-космического сектора, медикаменты, высокотехнологичное оборудование и т.д.). Как правило, подобные товары перевозят в контейнерах, а общий уровень контейнеризации (общепринятый экономический индикатор для измерения доли товаров, перевозимых в контейнерах, в общем объеме товаров на данном маршруте) на этом направлении составляет около 60%²⁵⁷.

Таким образом, расположенные на подобном перекрестке торговых путей транспортно-логистические комплексы ЕАЭС и Турции обладают рядом сходств и различий, которые играют важнейшую роль в их позиционировании как соперников или партнеров по региональным инициативам в области ТИЛ. Их сходства объясняются недостаточным использованием транзитного потенциала, низкой капитализацией рынка ТИЛ и неудовлетворительным развитием мультимодальности.

Ввиду уникального географического положения ЕАЭС и Турция обладают еще нераскрытым до конца транзитным потенциалом. Согласно официальным данным турецкой стороны, Турция способна стать узловым центром торговли на направлениях Восток – Запад и Север – Юг объемом свыше 2 трлн долл., но на сегодняшний день этот потенциал используется лишь на 40–45%²⁵⁸. Например, ежегодно через порты Турции проходят около

²⁵⁴ Двадцатифутовый эквивалент (ДФЭ) – международная единица измерения объемов перевозки контейнерных грузов, берущая за основу размеры стандартного двадцатифутового контейнера (д = 6,1 м, ш = 2,44 м, в = 2,59 м) и равная приблизительно 21,6 т.

²⁵⁵ К Великому океану – 4: поворот на восток // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2016. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/11701>

²⁵⁶ Пак Е.В. Перспективы развития сотрудничества в области транспорта и логистики в Евразийском экономическом союзе. М.: Московский государственный институт международных отношений. 2017. С. 142.

²⁵⁷ Там же. с. 116.

²⁵⁸ The Logistics Industry in Turkey // Investment Support and Promotion Agency of Turkey/Deloitte. 2013. URL: <http://invest.istanbul/media/24618/the-logistics-industry-in-turkey.pdf>

63 млн т транзитных грузов²⁵⁹. Если Турция продолжит сотрудничество с Ираном, особенно по части транзита грузов из Ирана в Германию через турецкую территорию, то существующий объем в миллион тонн железнодорожного транзита легко может вырасти втрое²⁶⁰.

В свою очередь ЕАЭС охватывает около 1% общего грузопотока на направлении Восток – Запад. К 2020 г. этот объем способен вырасти до 8–10% за счет использования Транссиба и Трансазиатской железной дороги²⁶¹. В частности, транзитный потенциал ЕАЭС на направлении Восток – Запад, контейнеризованный транзитный поток которого оценивается более чем в 2 млрд долл., используется только на 30–35%, а на направлении Север – Юг коэффициент использования составляет лишь 50%²⁶².

С точки зрения размера рынка ТИЛ ЕАЭС обгоняет Турцию, однако при этом оба актора отстают от США, ЕС и Китая. Турецкий рынок ТИЛ оценивается в 80–100 млрд долл. с перспективным ростом до 140 млрд долл.²⁶³. По объему рынка, равному 318,1 млрд долл., ЕАЭС намного опережает Турцию, однако все же в 3,7 раза уступает рынку ЕС, в 4,5 раза – рынку США и в 3,8 раза – рынку Китая²⁶⁴.

Структуры грузооборота в ЕАЭС и Турции (в тонно-километрах) схожи своей несбалансированностью, и обе стороны сталкиваются с необходимостью развития мультимодальных перевозок. В случае с ЕАЭС на железнодорожные перевозки приходится 45% общего грузооборота. При этом, если исключить из структуры грузооборота трубопроводы (в связи с ограниченным перечнем транспортируемых по ним товаров, т. е. нефти, газа и продуктов нефтепереработки), доля железнодорожных перевозок значительно вырастет и достигнет почти 86%²⁶⁵. В случае с Турцией на перевозки автомобильным транспортом приходится свыше 88% общего грузооборота²⁶⁶.

Между рынками ТИЛ ЕАЭС и Турции существуют три основных различия, которые обеспечивают более высокую конкурентоспособность Турции: 1) структура рынка ТИЛ; 2) более широкая практика использования уполномоченных торговых агентов (УТА); 3) более высокое значение показателя эффективности логистики (*LPI*).

²⁵⁹ Infrastructure and Logistics // Invest in Turkey. URL: www.invest.gov.tr/en-US/investmentguide/investorguide/Pages/InfrastructureANDLogistics.aspx

²⁶⁰ Jalili S. Iran, Turkey Target 1 m Tons in Rail Cargo Transit // Financial Tribune. 15.08.2017.

URL: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/70430/iran-turkey-target-1m-tons-in-rail-cargo-transit>

²⁶¹ Pak E., Sarkisov S. Ideals and Realities of the Transport Complex of the Single Economic Space of Russia, Kazakhstan and Belarus: Implications for Kazakhstan // The International Journal of Interdisciplinary Global Studies. 2014. Vol. 4. P. 20; Khassenova-Kaliyeva A., Nurlanova N., Myrzakhetmetova A. Central Asia as a Transcontinental Bridge Based on the Transport and Logistic System of the Countries of this Region // International Journal of Economic Research. Vol. 14. №7. P. 375.

²⁶² Пак Е.В. Перспективы развития сотрудничества в области транспорта и логистики в Евразийском экономическом союзе. М.: Московский государственный институт международных отношений. 2017. С. 129–135.

²⁶³ The Logistics Industry in Turkey // Investment Support and Promotion Agency of Turkey/Deloitte. 2013.

URL: <http://invest.istanbul/media/24618/the-logistics-industry-in-turkey.pdf>

²⁶⁴ Пак Е.В. Перспективы развития сотрудничества в области транспорта и логистики в Евразийском экономическом союзе. М.: Московский государственный институт международных отношений. 2017. С. 47.

²⁶⁵ Структура грузооборота в ЕАЭС была рассчитана на основе официальной статистики национальных статистических управлений государств – членов ЕАЭС.

²⁶⁶ The Logistics Industry in Turkey // Investment Support and Promotion Agency of Turkey/Deloitte. 2013.

URL: <http://invest.istanbul/media/24618/the-logistics-industry-in-turkey.pdf>

Структура рынка Тил в Турции является более совершенной, чем в ЕАЭС. Сегменты *3PL* и *4PL*²⁶⁷ в Турции представлены как международными (например, *DHL*, *DB Shenker*, *UPS*), так и отечественными (например, *Omsan*, *Netlog*, *Borusan*) компаниями, причем за период 2008–2012 гг. последние продемонстрировали значительный совокупный показатель годового роста, равный 21%²⁶⁸. Сегодня на операторов “*3PL*” и “*4PL*” приходится более 35% национального рынка Тил в Турции²⁶⁹.

В случае с ЕАЭС сегменты *3PL* и *4PL* совместно занимают лишь 5% общего рынка Тил союза, в то время как 95% операций по-прежнему выполняются поставщиками уровней 1 и 2²⁷⁰. Это означает, что в ЕАЭС клиенты несут более высокие затраты на Тил, которые составляют от 20 до 25% общей стоимости товара по сравнению со среднемировым значением, равным 11%²⁷¹. Более того, комплексные решения в области Тил в ЕАЭС в основном предлагаются международными операторами. Чтобы решить эту проблему и повысить эффективность рынка Тил в целом, в 2014 г. Беларусь, Казахстан и Россия создали Объединенную транспортно-логистическую компанию (ОТЛК) в целях обеспечения рынка сквозными железнодорожными перевозками в рамках политики «одного окна».

Турция лучше, чем ЕАЭС, справляется с задачей внедрения принципа «одного окна» на базе электронных решений для упрощения таможенных процедур. На сегодняшний день таможенное управление Турции сотрудничает почти с 1 270 частными таможенными брокерами, выступающими в качестве УТА, тогда как в ЕАЭС действуют лишь 600 УТА²⁷².

С точки зрения общей эффективности Тил, измеряемой с помощью показателя эффективности логистики (*LPI*) Всемирного банка²⁷³, в 2016 г. результаты Турции были значительно выше, чем у любого из государств – членов ЕАЭС. В частности, Турция продемонстрировала более высокие результаты в каждой из функциональных областей *LPI*, чем доказала свою более высокую эффективность комплекса Тил (см. табл. 1).

²⁶⁷ Поставщики логистических услуг предлагают различные пакеты услуг в области Тил: чем выше показатель, тем шире спектр оказываемых поставщиком услуг. Поставщики первого звена (1PL) работают на локальном уровне и предоставляют ограниченный перечень услуг, т. е. перевозки собственным транспортом. Поставщики второго звена (2PL) также имеют собственный транспорт, но при этом оказывают более широкий спектр услуг по всему миру. Поставщики третьего звена (3PL), которых обычно называют операторами, не только отвечают за собственный этап перевозок, но и управляют деятельностью субподрядчиков на всех этапах, используя принцип «одного окна». Таким образом поставщик 3PL оказывает полностью интегрированный спектр услуг. Поставщики четвертого звена (4PL), помимо спектра услуг 3PL, предлагают оптимизацию всей цепочки поставок с точки зрения цены, скорости, удобства, безопасности и устойчивости.

²⁶⁸ The Logistics Industry in Turkey // Investment Support and Promotion Agency of Turkey/Deloitte. 2013.
URL: <http://invest.istanbul/media/24618/the-logistics-industry-in-turkey.pdf>

²⁶⁹ Ibid.

²⁷⁰ Пак Е.В. Перспективы развития сотрудничества в области транспорта и логистики в Евразийском экономическом союзе. М.: Московский государственный институт международных отношений. 2017. С. 47.

²⁷¹ Пак Е. В., Мешалкин В. П., Кантюков Р. А., Колесников А. В. Организационно-экономический анализ перспектив развития трубопроводного комплекса и транспортно-логистической инфраструктуры Казахстана в рамках Евразийского экономического союза // Менеджмент в России и за рубежом. 2015. №2. с. 35.

²⁷² The Logistics Industry in Turkey // Investment Support and Promotion Agency of Turkey/Deloitte. 2013.
URL: <http://invest.istanbul/media/24618/the-logistics-industry-in-turkey.pdf>

²⁷³ Показатель эффективности логистики (*LPI*) был разработан Всемирным банком и научными сотрудниками факультета экономики Университета Турку (Финляндия). Он варьируется в диапазоне от 1 до 5: чем больше цифра, тем выше эффективность комплекса Тил в стране.

Таблица 1. Показатель LPI для стран ЕАЭС и Турции в 2016 г.

	Общее значение LPI	Таможня	Инфраструктура	Международные перевозки	Профессионализм перевозчиков	Обнаружение и отслеживание	Соблюдение сроков
Армения	141	148	122	146	137	147	139
Беларусь	120	136	135	92	125	134	96
Казахстан	77	86	65	82	92	71	92
Кыргызстан	146	156	150	152	151	115	126
Россия	99	141	94	115	72	90	87
Турция	34	36	31	35	36	43	40

Источник: Составлено на основе международного рейтинга LPI за 2016 г.
URL: <http://lpi.worldbank.org/international/global/2016?sort=desc&order=LPI%20Score#datatable> (по состоянию на 4 октября 2018 г.).

Таким образом, с точки зрения количественных характеристик комплекса ТИЛ Турция превосходит ЕАЭС. При прочих равных условиях этот факт ставит Турцию в более конкурентоспособное положение в региональной борьбе за транзитные потоки. Тем не менее сходство в ограничениях формирует основу для потенциально взаимовыгодного сотрудничества сторон в области регионального транзита.

ЕАЭС и Турция в контексте транспортного коридора ТРАСЕКА

ТРАСЕКА представляет собой трансрегиональный транспортный коридор, включающий в себя как ЕАЭС, так и Турцию. Изначально ТРАСЕКА задумывался как железнодорожно-паромный путь из Китая в ЕС по двум маршрутам: 1) Достык – Ташкент – Ашхабад – Туркменбаши – Баку – Тбилиси – Потти и 2) Достык – Актау – Баку – Тбилиси – Потти и далее по морю до Одессы, Варны и Стамбула. Эти маршруты позволяли создать оживленный, хотя и политически зависимый транспортный коридор из Китая в ЕС через Турцию в обход России. За период с 1993 г. ЕС напрямую профинансировал 82 проекта, связанных с инвестициями и технической поддержкой, на общую сумму в 179 млн евро, в то время как общий объем прямых и косвенных финансовых вливаний ЕС в проект приблизительно оценивается в миллиард долларов²⁷⁴.

Экономическая целесообразность проекта ТРАСЕКА представляется весьма сомнительной. Несмотря на то, что его участники ввели ряд льгот, способ-

²⁷⁴ Ismayil A. Road and Rail Transport Corridors along Europe and Asia // UNECE. 07.09.2015.
URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/trans/doc/2015/wp5/WP5_workshop_7_Sept2015_Mr._Anar_Ismayil_TRACECA.pdf

ствующих активизации проекта, на сегодняшний день по этому маршруту проходят лишь 1–1,5% от общего объема грузов в направлении Восток – Запад²⁷⁵. Например, государства – участники ТРАСЕКА согласились ввести 50%-ную скидку на порожние рейсы вагонов, отменить налоги и сборы за транзитные грузы и усилить меры безопасности в отношении груза и подвижного состава. В целом некоторые отрезки ТРАСЕКА доказали свою сравнительную эффективность при транспортировке нефти, газа и хлопка, причем нефть и газ по-прежнему составляют почти 70% от общей загрузки коридора²⁷⁶. К недостаткам ТРАСЕКА можно отнести следующие области: 1) количество операций по перевалке груза; 2) несколько таможенных границ; 3) стоимость перевозки; 4) инфраструктурные ограничения в Каспийском море; 5) значительное количество порожних рейсов в восточном направлении.

Необходимость перевалки груза, то есть доставки груза в промежуточную точку назначения, где зачастую требуется его погрузка и разгрузка, связана с мультимодальным характером маршрута, включающего в себя железнодорожные и паромные перевозки. В настоящее время мультимодальный характер маршрута обуславливает необходимость как минимум четырех операций по перевалке: на железнодорожной станции Достык (Казахстан), в порту Актау (Казахстан)/Туркменбаши (Туркменистан), в порту Алят (Азербайджан) и в порту Батуми (Грузия). Наиболее масштабная перевалка осуществляется на железнодорожном узле Достык – Алашанькоу. Она обусловлена разницей в ширине железнодорожной колеи: 1 435 мм в Китае и 1 520 мм в Казахстане.

Чтобы попасть из Китая в ЕС через Турцию по первому маршруту ТРАСЕКА, груз пересекает шесть таможенных границ, а второй маршрут ТРАСЕКА предусматривает пять пунктов пересечения границы. В целом на эффективности перемещения грузов негативно сказывается отсутствие региональной практики применения электронных инструментов для процедур пересечения границы, недостаточное количество действующих УТА и чрезмерная бюрократия на некоторых отрезках коридора.

Изначально тарифы на перевозку контейнеров и нефти через коридор ТРАСЕКА были выше, чем через Россию, в 1,7 и 1,2 раза соответственно²⁷⁷. Однако в 2015–2016 гг. участники ТРАСЕКА смогли снизить стоимость перевозки приблизительно до 5 500 долл. за 1 ДФЭ, что приблизило их к российским тарифам²⁷⁸. Что касается скорости, то сроки перевозки по коридору ТРАСЕКА практически идентичны скорости перевозки по Транссибу, т.е. в среднем составляют 14 дней, что в три раза быстрее перевозки по морю²⁷⁹.

²⁷⁵ Railway Infrastructure. Upside Transit Potential // Samruk Kazyna. 05.09.2016. URL: <https://sk.kz/upload/iblock/163/163ab4a8664698e41ea183b116b75205.PDF> Pritchins S. Transport Potential of the Caspian Sea: Prospects and Limitations // Caucasus International. 2016. Vol. 6. №1. P. 129.

²⁷⁶ Vinokurov E., Libman A. Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. – UK: Palgrave Macmillan. 2012. Pp. 97–99.

²⁷⁷ «Международные транспортные коридоры ЕврАзЭС: быстрее, дешевле, больше» // Евразийский банк развития. URL: http://www.vinokurov.info/assets/files/Corridors_rus.pdf

²⁷⁸ Букеева А. Как Казахстан развивает транзит из Китая и что ему мешает // Forbes Kazakhstan. 04.01.2017. URL: https://forbes.kz/finances/markets/popast_vkoleyu_1

²⁷⁹ К Великому океану – 4: поворот на восток // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2016. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/11701>

Основные инфраструктурные ограничения ТРАСЕКА связаны с пропускной способностью и существующей транзитной инфраструктурой портов Каспийского моря, которые специализируются на насыпных и наливных грузах, а не на контейнерных.

Туркменский порт Туркменбаши является основной морской базой коридора на восточном побережье Каспийского моря. В нем производится погрузка нефти, газа и текстильного сырья. В настоящий момент турецкая компания “Gar İnşaat” проводит его масштабное расширение, которое обойдется примерно в 2 млрд долл. Планируемая пропускная способность новой портовой инфраструктуры составит 15 млн т²⁸⁰. Азербайджанский порт Алят, расположенный неподалеку от Баку, является основной морской базой коридора ТРАСЕКА на западном побережье Каспийского моря. Проведенная реконструкция позволяет ему обслуживать паромы типа ро-ро²⁸¹ с ежегодным объемом грузов, равным 25 млн т и 1 млн ДФЭ²⁸². Казахстанский порт Актау в основном специализируется на нефти и нефтепродуктах, в то время как его потенциал по погрузке контейнеров остается недостаточно раскрытым. Актау является мелководным портом глубиной всего 10 м, что позволяет ему обслуживать танкеры дедвейтом не более 3–5 тыс. т²⁸³. Без проведения работ по углублению дна Актау не сможет принимать танкеры с оптимальным дедвейтом (13 тыс. т)²⁸⁴. Этот порт также подвергся масштабному расширению: в нем был сооружен зерновой терминал емкостью в 1,5 млн т и два терминала для грузов общего назначения и контейнеров суммарной пропускной способностью в 1,5 млн т. Таким образом ожидается, что при полной нагрузке порт сможет обслуживать до 20 млн т груза в год²⁸⁵.

Наконец, одним из основных финансовых рисков этого коридора, логически объясняющих повышение стоимости перевозок, является большое количество порожних рейсов на направлении ЕС – Китай. В 2016 г. объем экспорта из Китая в ЕС составил 452 млрд долл., в то время как объем экспорта из ЕС в Китай составил 187 млрд долл. Из этого логически вытекает, что проблема порожних рейсов контейнеров в направлении на Восток является одной из наиболее насущных²⁸⁶. Это обстоятельство оказывает прямое негативное влияние на экономическую эффективность паромных переправ через Каспийское и Черное море.

В итоге на сегодняшний день ТРАСЕКА представляет собой налаженный коридор транспортировки товаров из Китая в ЕС через Турцию в обход Рос-

²⁸⁰ Гасанов Г. Туркменистан строит на Каспии современный порт» // Trend.az. 11.11.2016. URL: <http://trend.az/casia/turkmenistan/2683681.html>

²⁸¹ Паромы с горизонтальным въездом и выездом (тип ро-ро) представляют собой суда для перевозки колесного транспорта (грузовиков, фур, железнодорожных вагонов и т. д.), который заезжает на паром и съезжает с него своим ходом.

²⁸² Аббасова Н. Новый бакинский морской порт принял туркменский паром „Беркарар” // Interfax.az. 15.01.2015. URL: <http://interfax.az/view/629433>

²⁸³ Дедвейт – полная грузоподъемность судна в тоннах, включая груз, топливо, команду и т. д.

²⁸⁴ Каспий: порты, танкеры, перевозки», журнал Евразийского экономического союза «Партнер ЕАЭС // Партнер ЕАЭС. 30.12.2015. URL: <http://eurasmedia.ru/2015/12/163/>

²⁸⁵ Джалилова А. Масимов ознакомился с ходом расширения порта Актау // 365info.kz. 09.08.2016.

URL: <http://365info.kz/2016/masimov-oznakomilsya-shodom-rasshireniya-porta-aktau>

²⁸⁶ Данные о двусторонней торговле между ЕС и Китаем получены из базы данных ООН Comtrade. См. UN Comtrade Database. URL: <https://comtrade.un.org>

сии, однако его эффективность снижают высокая стоимость перевозок, многочисленные порожние рейсы и неэффективные процедуры пересечения границ на протяжении маршрута.

ЕАЭС и Турция в контексте транспортной инициативы ОПОП

Еще одной транспортной инициативой, которая может оказать серьезное влияние на ЕАЭС и Турцию, является инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), осуществляемая под руководством Китая. ОПОП представляет собой один из наиболее амбициозных, хотя и недостаточно четко обрисованных региональных инфраструктурных проектов.

С одной стороны, этот проект может стать масштабным стимулом для ЕАЭС, Турции и региона в целом благодаря модернизации существующей стационарной инфраструктуры, созданию современных хабов, оказывающих полный спектр услуг ТИЛ, и развитию мультимодальности за счет увеличения количества операторов *3PL* и *4PL* в структуре рынка ТИЛ. Все эти меры в совокупности позволят сократить сроки доставки. Ожидается, что финансированием этих вопросов в основном будет заниматься Фонд Шелкового пути, большая часть которого принадлежит Китаю (40 млрд долл. США), и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (100 млрд долл. США). Глобальный экономический спад, который привел к замедлению темпов роста китайской экономики (по оценкам Всемирного банка²⁸⁷ – до 6,7% в 2016 г.), и объявленный уход американских и европейских производителей из Китая заставили правительство страны заняться поиском дополнительных стимулов для ее развития. Реализация проекта ОПОП поможет загрузить заказами те отрасли промышленности Китая, в которых наблюдается перепроизводство (например, металлургию, строительство, транспортное машиностроение).

С другой стороны, создание шести диверсифицированных наземных коридоров в рамках проекта ОПОП может привести к конкуренции за будущие потоки между странами транзита. Еще более важное и стратегическое значение имеет тот факт, что в отсутствие по-настоящему единой политики ТИЛ в рамках ЕАЭС и преобладающего национального регулирования отрасли ТИЛ функционирование сравнительно независимых маршрутов ОПОП может привести к возникновению различных трений внутри ЕАЭС, в частности между Россией и Казахстаном. Например, казахстанский сегмент коридора Восток – Запад имеет ряд конкурентных преимуществ перед российским. Во-первых, он является мультимодальным и предлагает как железнодорожное сообщение по Трансазиатской железной дороге, так и автомобильное сообщение через дорожный коридор Западная Европа – Западный Китай. Во-вторых, вариант доставки автомобильным транспортом через коридор Западная Европа – Западный Китай является более быстрым

²⁸⁷ China GDP Growth Annual // World Bank.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN>

(10–12 дней), чем средняя доставка железнодорожным транспортом через ЕАЭС (14 дней), при условии, что Казахстан сможет сделать автомобильную доставку экономически целесообразной, поскольку она дороже железнодорожной в 2–2,5 раза. В-третьих, Казахстан располагает более развитой инфраструктурой ТИЛ на всем протяжении маршрута, центральным элементом которой является мультимодальный транспортно-логистический хаб Коргас на казахско-китайской границе²⁸⁸.

Часть южного маршрута ОПОП под названием «Шелковый ветер» связывает Китай с Турцией и Южной Европой через Казахстан (Достык – Актау), Азербайджан (Актау – Алят) и Грузию (Алят – Батуми), но при этом вновь обходит Россию. «Шелковый ветер» представляет собой мультимодальный и приспособленный для перевозки контейнеров коридор, который состоит из железнодорожного (Урумчи – Достык – Актау), морского (Актау – Алят), вновь железнодорожного (Алят – Батуми) и вновь морского (Батуми – Стамбул) отрезков. Его проектная загрузка оценивается более чем в 10 млн т в год²⁸⁹.

Маршрут «Шелкового ветра» в целом совпадает с маршрутом ТРАСЕКА, включая железнодорожное и паромное сообщение Турции с ЕС. Соответственным образом совпадают и их недостатки, то есть необходимость несколько раз производить перевалку груза, инфраструктурные ограничения в Каспийском море, порожние рейсы, а также отсутствие общерегиональной синхронизации транзитных тарифов и процедур. Тем не менее стратегическое отличие «Шелкового ветра» от ТРАСЕКА (даже несмотря на то, что он также пролегает в обход России) заключается в том, что китайская инициатива не предполагает изоляцию России от транзитных потоков. Напротив, тот факт, что коридор «Шелковый ветер» обходит Россию, является не геополитическим, а географическим, поскольку, диверсифицируя свои маршруты перевозок, Китай стремится создать многоуровневую, взаимозависимую и открытую региональную инфраструктуру ТИЛ. В рамках этого регионального механизма Китай рассматривает Россию, ЕАЭС и Турцию не как соперников, а как партнеров по процессу создания цельной региональной инфраструктуры.

Именно в этом контексте идея присоединения ЕАЭС к ОПОП может получить как дальнейшее концептуальное развитие, так и практическое воплощение в рамках китайской инициативы²⁹⁰. Путем объединения своего проекта с устоявшейся и общепризнанной цельной региональной структурой ЕАЭС правительство Китая ищет возможности для официального закрепления статуса ОПОП. ЕАЭС, созданный в 2015 г., представляет собой наиболее мощный региональный экономический блок на постсоветском пространстве, который имеет утвержденный наднациональный руководящий

²⁸⁸ Пак Е.В. Перспективы развития сотрудничества в области транспорта и логистики в Евразийском экономическом союзе. М.: Московский государственный институт международных отношений. 2017. С. 131–133.

²⁸⁹ Проект Silk Wind вдвое сократит сроки перевозок // Капитал. 22.10.2014. URL: <https://kapital.kz/economic/34396/proekt-silk-wind-vdvoe-sokratit-sroki-pervezok.html>

²⁹⁰ Skriba A. The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Players, Interests and Implementation Challenges // International Organizations Research Journal. 2016. Vol. 11. №3. Pp. 76–78.

орган в лице Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и действующую единую торговую политику.

На сегодняшний день вместо единой транспортной политики (ЕТП) в ЕАЭС осуществляется скоординированная (согласованная) транспортная политика. В рамках этой политики регулирование отрасли в основном осуществляется на национальном уровне каждого из государств – членов ЕАЭС. Естественно, этот факт негативно влияет на объединение. Однако сторонам удалось выработать общие правила и регламенты перевозок железнодорожным и автомобильным транспортом, что в полной мере отражает значимость этих видов перевозок в экономике ЕАЭС. По оценкам ЕАЭС, окончательная ЕТП, охватывающая все виды транспорта в ЕАЭС и действующая без каких-либо исключений, будет введена в действие в 2025 г.²⁹¹ Тем не менее достигнутый уровень синхронизации ТИЛ уже позволяет союзу осуществлять надежный беспошлинный наземный транзит в направлении торговли ЕС – Китай по своей территории в 3–3,5 раза быстрее по сравнению с Южным морским путем²⁹². Надежность и стоимость наземной доставки через ЕАЭС также может повлиять на объемы воздушных грузовых перевозок между ЕС и Китаем (оценочное значение на 2016 г. – 700 тыс. т) при том условии, если Россия отменит санкции против европейских производителей продуктов питания из сельскохозяйственного сектора²⁹³.

В этом контексте объединение транспортно-логистических программ ЕАЭС и ОПОП может стать экономической основой проекта «Большая Евразия», в рамках которого Турция, Россия и другие страны ЕАЭС станут партнерами по открытой общерегиональной инициативе, подкрепленной форматами сотрудничества ШОС и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

С экономической точки зрения коридор «Шелковый ветер» оказывается наиболее коротким путем доставки товаров из Китая в страны Южной Европы. Этот маршрут примерно в четыре раза короче, чем морской путь доставки из Китая в ЕС. Состоявшийся в октябре 2017 г. запуск железнодорожной ветки Баку – Тбилиси – Карс может придать этому коридору мощный импульс развития. Ветка сокращает длину проходящего через Азербайджан, Грузию и Турцию отрезка «Шелкового ветра» на 1 тыс. км, что обеспечивает уменьшение сроков доставки до 15 дней²⁹⁴. Первоначальная пропускная способность этой железной дороги, как ожидается, составит 5–6 млн т с запланированным увеличением до 15 млн т²⁹⁵.

²⁹¹ Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. М.: Российский совет по международным делам. 2017. С.38.

²⁹² Пак Е.В. Перспективы развития сотрудничества в области транспорта и логистики в Евразийском экономическом союзе. М.: Московский государственный институт международных отношений. 2017. С. 131-133.

²⁹³ New Rail Routes between China and Europe Will Change Trade Patterns // The Economist. 16.09.2017.
URL: <https://www.economist.com/news/business/21728981-new-silk-railroad-will-challenge-airlines-and-shipping-firms-new-rail-routes-between-china>

²⁹⁴ Bagirova N. Azerbaijan, Georgia, Turkey Launch 'Silk Road' Rail Link // Reuters. 30.10.2017.
URL: <https://www.reuters.com/article/azerbaijan-railway/azerbaijan-georgia-turkey-launch-silk-road-rail-linkidUSL8N1N52XR>

²⁹⁵ The Baku-Tbilisi-Kars Railway to be Commissioned in the First Quarter of 2017 // Trans-Caspian NewsLetter. 2017. №1.

В целом ОПОП представляет собой сбалансированный и ориентированный на развитие региональный проект, основной целью которого является создание диверсифицированной сети маршрутов, связывающих Китай с ЕС как через ЕАЭС, так и через Турцию. По своей сути факт обхода России не связан с политикой, а является обычным следствием транспортной диверсификации к выгоде всех участвующих сторон.

Заключение

Эффективность сектора Тил стала важным показателем конкурентоспособности и геополитического доминирования. Крупнейшие глобальные игроки осуществляют ряд региональных транспортных инициатив. В связи с этим в настоящем документе было проведено критическое позиционирование ЕАЭС (с объективным акцентом на России) и Турции в ключевых региональных транспортных системах на перспективном направлении торговли ЕС – Китай посредством исследования их статуса соперников или партнеров по транзиту.

Россия и другие страны ЕАЭС, в особенности Казахстан, связаны с Турцией долгосрочными торговыми, инвестиционными и транспортно-логистическими отношениями. Возникшая в последнее время международная нестабильность в области экономики, безопасности и геополитики внесла изменения в российско-турецкие отношения, заложив основу для потенциального многоуровневого экономического сотрудничества, в том числе в сфере Тил, теперь в формате ЕАЭС – Турция.

В количественном отношении (то есть по показателям доли операторов *3PL* и *4PL*, количества национальных операторов *3PL* и *4PL*, практики использования уполномоченных торговых агентов и общей эффективности отрасли Тил по показателю *LPI*) транспортно-логистический комплекс в Турции развит в значительно большей степени, чем в ЕАЭС. Этот факт повышает конкурентоспособность Турции в борьбе за объемы транзита по сравнению, например, с Россией. Тем не менее по масштабу рынка Тил ЕАЭС превосходит Турцию.

ЕАЭС и Турция являются участниками транспортных инициатив ТРАСЕКА и «Шелковый ветер» (т. е. южной части ОПОП). В статье показано, что в этом отношении ЕАЭС и Турция выступают скорее партнерами по транзиту, нежели конкурентами. В исследовании критически проанализированы сильные и слабые стороны обоих коридоров, совпадающих по географическому маршруту. Оба коридора являются мультимодальными (с железнодорожными и паромными отрезками) и предлагают более быструю доставку по сравнению с морскими путями. Еще более важной характеристикой обоих рассматриваемых коридоров является тот факт, что оба они выстроены в обход России. На первый взгляд, это дает Турции конкурентное преимущество по привлечению ориентированных на Россию транзитных потоков на свою территорию.

Однако и ТРАСЕКА, и «Шелковый ветер» имеют одинаковые недостатки. Оба коридора испытывают проблемы с многочисленными порожними рей-

сами в восточном направлении и сталкиваются со схожими инфраструктурными ограничениями в Каспийском море. В этом случае страны ЕАЭС и Турция могут рассматриваться как партнеры по радикальной перестройке региональной транспортной инфраструктуры.

Если заглянуть глубже, то разница между коридорами связана с истинными причинами обхода России. Проект ТРАСЕКА, осуществляемый под руководством ЕС, является политически ангажированным и направлен на изоляцию России от транзитных потоков, следующих в Европу. На сегодняшний день экономическая целесообразность ТРАСЕКА остается сомнительной. Напротив, китайский проект ОПОП предполагает формирование всеобщего инфраструктурного и деполитизированного регионального импульса, а факт обхода России в случае с маршрутом «Шелковый ветер» свидетельствует лишь о желании Китая создать диверсифицированную систему транзитных маршрутов торговли с Европой, а не об изоляции как таковой.

Таким образом автор исследования твердо уверен в том, что Россия, Турция и другие члены ЕАЭС выиграют от реализации проекта ОПОП, поскольку присоединятся к общерегиональному инфраструктурному партнерству, которое в долгосрочной перспективе может заложить экономическую основу проекта «Большая Евразия».

Об авторах

Алтай АТЛЫ – доцент кафедры международных отношений Университета Коч, Турция.

Турхан ДИЛЬМАЧ – руководитель отдела, заместитель руководителя генерального управления по Восточной Европе Министерства иностранных дел Турецкой Республики.

Ирина КАСИМОВА – третий секретарь и пресс-атташе посольства Российской Федерации в Турецкой Республике.

Сечкин КЁСТЕМ – доцент кафедры международных отношений Университета Билькент, Турция.

Андрей КОРТУНОВ – генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД), Россия.

Григорий ЛУКЬЯНОВ – старший преподаватель департамента политической науки факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Россия.

Руслан МАМЕДОВ – программный координатор Российского совета по международным делам, Россия.

Нигяр МАСУМОВА – заместитель декана факультета международной журналистики, доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России.

Егор ПАК – старший преподаватель кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н.Ливенцева МГИМО МИД России.

Митат ЧЕЛИКПАЛА – профессор факультета экономических, административных и общественных наук Университета Кадир Хас, Турция.

Павел ШЛЫКОВ – доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия.

Эмре ЭРШЕН – доцент факультета политологии и международных отношений Университета Мармара, Турция.

О РСМД

Российский совет по международным делам (РСМД) – некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повысить эффективность внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную образовательную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Члены РСМД – это ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты. Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг. Генеральным директором Совета является Андрей КОРТУНОВ. В 1995–1997 гг. Андрей КОРТУНОВ занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

O SAM

Центр стратегических исследований (*SAM*) Министерства иностранных дел Турецкой Республики — аналитический и исследовательский центр, учрежденный в мае 1995 г. в соответствии с законодательством Турецкого государства. *SAM* был создан в качестве консультативного органа, предоставляющего научные оценки по различным вопросам для лиц, принимающих решения в области внешней политики Турции. Данный центр также занимается анализом внешней политики Турции, ориентированной на будущие перспективы сотрудничества.

SAM проводит научные исследования, организует научные мероприятия, связанные с постоянно развивающейся турецкой внешней политикой. Среди партнеров *SAM* — турецкие и зарубежные ученые, а также различные университеты и государственные учреждения из разных стран. Центр консультирует Министерство иностранных дел и некоторые другие государственные учреждения по вопросам внешней политики, создавая региональные сети аналитических центров.

В дополнение к своей роли предоставления актуальной информации, надежных данных и глубокого анализа в качестве аналитического центра, *SAM* функционирует как форум для открытых дебатов и дискуссий для всех, кто интересуется вопросами как локальной, так и глобальной внешней политики страны. *SAM* все чаще становится центром притяжения ученых и политиков, успешно объединяя их для обмена идеями в рамках дискуссионных форумов, внутренних встреч, семинаров и учебных программ для молодых дипломатов.

SAM выпускает широкий спектр публикаций. В том числе традиционный ежеквартальный журнал на английском языке «*Perceptions*», на страницах которого выдающиеся турецкие и иностранные ученые делятся своим мнением. Недавно *SAM* также инициировал создание *Vision Papers*, выражающего взгляды министра иностранных дел Турции, и *SAM Papers*, освещающего текущие дискуссии ученых о внешней политике государства.

Видящий свою цель во внесении вклада в расширение объема знаний и конструктивные обсуждения вопросов, тесно связанных с турецкой внешней политикой, *SAM* продолжит служить незаменимым аналитическим и исследовательским центром. Учитывая его роль в содействии сотрудничеству и взаимопомощи между МИД, НПО, другими аналитическими центрами и более широким научным сообществом, *SAM* будет укреплять человеческий и интеллектуальный капитал Турции.

Российский совет по международным делам
Центр стратегических исследований (SAM)
Министерства иностранных дел Турецкой Республики

УГЛУБЛЕНИЕ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

Оформление — *В.В. Пучков*

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печ. л. 8.25.
Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Для заметок

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ (РСМД)
119180, Москва, ул. Большая Якиманка, дом 1
Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
E-mail: welcome@russiancouncil.ru
www.russiancouncil.ru